

[Polaris]

В. Никифоров-Волгин



ТАЙНЫ НАРВСКИХ
ПОДЗЕМЕЛИЙ

POLARIS



ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CLXI



Salamandra P.V.V.

**В. Никифоров-
Волгин**

**ТАЙНЫ
НАРВСКИХ
ПОДЗЕМЕЛИЙ**

Факсимильное издание

Salamandra P.V.V.

Никифоров-Волгин В. А.

Тайны нарвских подземелий: Роман в двух частях (Факсимильное издание). – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2016. – 48 с. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CLXI).

Действие небольшого «сенсационного романа» В. Никифорова-Волгина происходит в предреволюционные годы. Студент Воеводин, несправедливо обвиненный в изнасиловании и гибели собственной невесты, становится подпольщиком-экспроприатором и безжалостным мстителем. Революционной организации Воеводина и его соратников противостоит знаменитый сыщик Путилин.

Роман «Тайны нарвских подземелий» продолжает в серии «Polaris» ряд публикаций фантастических и приключенческих произведений писателей русской эмиграции.

НАРВСКИЙ ЛИСТОКЪ

РЕДАКЦИЯ и КОНТОРА: Нарва, Вышгородская ул. (Suur tän.), д. № 23. Контора открыта съ 9—4 ч.
ОТДЕЛЕНІЕ КОНТОРЫ: Нарва, Вышгородская ул. (Suur tän.) № 1, книжный магазинъ вѣса. А. Г. Григорьева. Тел. № 150.

Выходитъ два раза въ недѣлю: по вторникамъ и субботамъ.

Подписная плата:	1 мѣс.	3 мѣс.	6 мѣс.	1 г.
Въ годъ впередъ.....	60 мар.	110 мар.	170 мар.	180 мар.
Съ доставкой по почте.....	65	120	180	180
Въ годъ впередъ.....	65	120	180	180
Въ годъ впередъ.....	65	120	180	180
Въ годъ впередъ.....	65	120	180	180

№ 1 (230). НАРВА. Пятница, 1 января 1926 г. XXIII годъ изданія. Цѣна номера 7 мар.

Тайны Нарвскихъ подземелій.

(Романъ въ двухъ частяхъ).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Крикъ совы.

На старой средневѣковой ратушѣ городскіе часы пробили двѣнадцать часовъ ночи. Ушло, какъ похоронный звонъ, расплылись звуки надъ маленькими спящими улицами города Нарвы, помнившимъ времена ливонскаго рыцарства и католической инквизиціи.

Надъ городомъ сгустились облака, угрожавшія снѣгомъ грязной осенней землѣ. Сгибались отъ ледяного вѣтра обнаженныя деревья. Глухо ревѣлъ водопадъ.

На вокзалѣ, въ ожиданіи подходящаго пѣтербургскаго поѣзда толпились озьябіе начальникъ станціи, носильщики, жандармъ и нѣсколько человекъ публики.

Когда остановился поѣздъ, изъ вагона третьяго класса вышелъ молодой человекъ въ студенческой шинели и форменной фуражкѣ, лихо закинутой на затылокъ.

Онъ былъ одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ людей, которые не теряются въ толпѣ и не проходятъ незамѣченными.

Очень высокий, широкоплечій, красивый своеобразной русской красотой, обвѣянной неоглядностью русскихъ степей, широтой великихъ рѣкъ и буйнымъ шумомъ старорусскихъ лѣсовъ. Всѣ его движенія носили характеръ чистой неразвѣянной молодости, крѣпкого здоровья и богатырской силы.

Жандармъ, взглянувъ на студента, не могъ удержаться, чтобы восклицанно не замѣтить:

— Настоящій Стенька Разинъ!

Пройдя крѣпкими широкими шагами черезъ перронъ, студентъ вышелъ на улицу и свернулъ къ Юахимсталскому проспекту, скупо освѣщенному фонарями.

Не доходя трактира „Карсъ“, откуда доносились звуки разухабистого гармоника и пьяныхъ пѣсень, навстрѣчу студенту изъ темнаго переулка вынырнула сутулая фигура человекъ невысокаго роста, кото-

рая радостно, басомъ воскликнула: — Ба! Кого я вижу?! Мишка Воеводинъ! Ты какими судьбами въ сихъ горемычныхъ палестинахъ? Здорово дружище! Вотъ не ожидалъ!

Студентъ, котораго назвали Воеводинымъ, сперва опѣшилъ отъ этой неожиданной встрѣчи, а потомъ обрадовался, узнавъ своего хорошаго друга Виктора Преображенскаго, воспитанника Рижской духовной семинаріи, съ которымъ былъ связанъ прекрасной неразрывной дружбой.

— Витя! Другъ сердешный! Здорово. Откуда это ты, бредешь якотать въ нощи? Почему не въ Ригѣ? — спрашивалъ Воеводинъ, обнимая своего друга.

Викторъ махнулъ рукой, и, не отвѣчая на вопросы, сказалъ:

— А ты, конечно, къ Иринѣ прѣхалъ, и лукаво улыбнулся, погрозявъ шутиво Воеводину пальцемъ.

— Скоро, поди, свадьба?

— Скоро! Ради этого къ ней и прѣхалъ! — просто отвѣтилъ Воеводинъ и освѣтился хорошей ясной улыбкой, безъ словъ говорящей, что этого большаго сильный человекъ безмѣрно счастливъ.

— Счастливецъ... — вздохнула Витя, — а я, вотъ, запыль...

— Что? — встрепенулся Воеводинъ. — Запыль? Это ты-то, тихоня, запыль? Съ какой радости?

— Не слышалъ? Меня за политическую неблагонадежность изъ духовной семинаріи на дняхъ выгнали! Съ волчьимъ паспортномъ Я теперь на манеръ прокаженнаго, которому нѣтъ мѣста среди добродѣтельныхъ людей.

Изумленіе и жалость огразились на лицѣ Воеводина. Онъ долго молчалъ, не зная, что сказать въ утѣшеніе своему несчастному другу. Съ тихой дружеской тревогой онъ спросилъ Виктора:

— Что-же, ты, будешь дѣлать? Викторъ криво улыбнулся, нервно взявъ Воеводина за луговицу шинели, и страстно, съ клокоущей ненавистью въ голосъ, заговорилъ:

— Что я буду дѣлать? Въ подполье уйдя! Террористомъ заделаю! Твой тихій религіозный другъ будетъ бросать бомбы подъ кареты министровъ, губернаторовъ и богатыхъ людей... да... да. Безъ жалости буду стѣять имъ! За слезы радости, за блѣдые лица дѣтей рабочихъ, живущихъ безъ солнца и радости, за нѣжные цвѣты правды

Христовой, затоптанной грязными сапогами... Грознымъ неумолимымъ истопителемъ я буду врывать къ самоодвольнымъ, сильнымъ людямъ, забывшимъ меньшую свою братію, и маленькую взрывчатой игрушкой откину отъ нихъ солнце, радость, славу и богатство... Я... я... твой тихій другъ... воспитанникъ духовной семинаріи... ха-ха-ха... будущій священникъ превратится въ террориста!

Такъ много хотѣлось Воеводину возразить на эти безсвязныя, юношески страстныя слова, но, когда увидѣлъ, что въ глазахъ Виктора слезы и огненная вѣра фанатика въ свое призваніе, онъ смолчалъ.

На прощанье Викторъ посоветовалъ Воеводину для сокращенія пути идти берегомъ мимо стариннаго замка на Ивановской форштадтѣ, гдѣ жила невѣста Воеводина — сирота Ирина Зимина, скромная конторщица торговаго отдѣленія богатой пѣтербургской фирмы Сычугова.

Воеводинъ послушался совѣта Виктора и свернулъ къ берегу.

Крѣпкихъ осеннимъ сномъ спитъ Нарва. Ни огонька въ окнахъ. Темнымъ силуэтомъ выдѣляется мрачній замокъ ливонскихъ рыцарей.

Далью вѣковъ вѣетъ отъ сѣдыхъ прострѣленныхъ стѣнъ.

Когда проходишь мимо этихъ стѣнъ, душу посѣщаетъ раздумье, вызванное давностью лѣтъ и той мудрой каменной тишиной, которая всегда стоитъ около старыхъ замковъ, церквей и крѣпостей.

Ушла жизнь. Смолкли бранные клики смѣлыхъ рыцарей, полковъ Петра Великаго и Карла XII. Все окаменѣло, умолкло, ушло въ Лету, лишь древняя рѣка Нарва продолжаетъ рассказывать о былыхъ годахъ, о былыхъ людяхъ, о былыхъ битвахъ. Около каменныхъ вѣковъ стѣнъ слышенъ тихій шопотъ красивыхъ, перевитыхъ печально, старыхъ легендъ.

Воеводинъ проходитъ мимо черныхъ стѣнъ замка. Унылый осенній вѣтеръ завываетъ въ его опустѣлыхъ мертвыхъ нѣдрахъ. Жуткое глядитъ въ опустѣлыя окна. Сухими костями мертвецовъ скрипятъ у замка старыя деревья.

Кто-то прошестѣлъ въ молчаливыхъ стѣнахъ, словно демонъ встряхнулъ своими черными крыльями.

Воеводинъ остановился, и вдругъ его слуха коснулся жуткій неприят-

ный крикъ совы изъ черныхъ впадинъ замка.

Онъ былъ хладнокровнымъ человекомъ, но этого неожиданнаго крикъ ночной птицы заставилъ его вздрогнуть, потерять самообладаніе и поблѣднѣть отъ ужаса.

Когда-то, въ дѣтствѣ, зимнимъ вечеромъ, старая няня рассказывала маленькому Мишѣ, что ночной крикъ совы предвѣщаетъ большое несчастье тому, кто его слышалъ.

Стараясь не думать о этой старой примѣтѣ, Воеводинъ запыль веселый мотивъ изъ оперетки „Гейша“, но этимъ онъ не могъ отогнать съ души черныхъ птицъ предчувствія.

— Что-же это такое? — не могъ понять онъ: — на душѣ было такъ спокойно, и вдругъ тревога...

Первая мысль, которая пришла ему въ голову, была о Иринѣ.

— Жива-ли она?

И сейчасъ-же онъ постарался убить эту мысль.

Пробовалъ улыбнуться, но на душѣ стало еще страшнѣе.

Всѣмъ существомъ своимъ онъ, вдругъ, почувствовалъ ледяное дыханіе ужасной, неотвратимой бѣды.

Словно избѣженный кѣмъ-то вѣщимъ о неминуемой опасности род-

ного, любимаго человекъ, Воеводинъ бѣжить къ знакомому домику Ирины Зиминной, наткываясь на камни, попадая въ грязныя осеннія лужи и обрѣщая на себя вниманіе городскихъ.

Быстрымъ бѣгомъ онъ старался заглушить страшный крикъ совы, не думать о немъ, а онъ не умолкалъ, накликавъ несчастье.

Вотъ улица Ирины съ маленькими мѣщанскими домиками.

Тускло горитъ одинокій фонарь. Въ груди Воеводина тревожно бьется сердце.

Кто-то настойчивый зоветъ его, молить и плачешь:

— Скорѣе... скорѣе...

Глуко стучатъ сапоги по камню мостовой.

Черезъ пять-шесть домовъ и Воеводинъ былъ бы у цѣли, но въ это время его окликаетъ чей-то властный и хриплый голосъ:

— Ни съ мѣста! Стрѣлять буду! Кто такой?

(Продолженіе слѣдуетъ).



Отвѣтств. редакторъ В. С. Стенчукъ.
Издатель Н. А. Барановъ.

ТАЙУЫ НАРВЕСКИХЪ ПОДЗЕМЕЛІЙ.

(Романъ въ двухъ частяхъ).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

2.

Черный автомобиль.

Воеводинъ обернулся. Навстрѣчу ему шла темная внутренняя фигура городского.

Пришлось остановиться. Вплотную подошел толстый городской. Свѣтъ тусклаго фонаря освѣтилъ багровое лицо съ выпуклыми рачьими глазами и длинными щетинистыми усами.

— Что вамъ надо, чертъ возьми? — вѣд себя отъ негодованія спросилъ Воеводинъ.

— Не ругайся! — спокойно отвѣтилъ городской. — Зачѣмъ бѣжишь, какъ преступникъ?

— Я не преступникъ, а студентъ Петербургскаго университета!

— Скубенты то и есть преступники! — ухмыльнулся городской. — Недавно арестовали мы одного изъ вашего брата. Батюшку, отца Симеоня, изволите знать? Такъ вотъ его сына, студента. Прокламаци нашли. Вотъ и поди ты — сынъ священника, а государственный преступникъ!

— Я васъ очень прошу не задерживать меня!

— Что это вы такъ дрожите и блѣднѣете, словно челоуѣка убили? Воеводинъ начиналъ терять терпѣніе.

— Отпустите меня! Я ни въ чемъ не виноватъ... Вы понимаете: бывають предчувствія... Я шель мимо зѣмка и услышалъ крикъ совы... Меня охватило предчувствіе... Да поймите-же вы, поскорѣе! — безсвязно объяснялъ Воеводинъ свое душевное состояніе, досаду, что городской не можетъ понять его.

— И понимать нечего! Подозрительный вы челоуѣкъ! — невозмутимо строго отвѣчалъ городской, вздрагивая щетинистыми усами. — По долгу службы, и во имя закона я долженъ препроводить васъ въ полицію... Теперь у насъ строго.

Въ то время, когда Воеводинъ стоялъ съ городоуымъ и спорилъ, мимо нихъ, вдругъ, промчался черныи автомобиль.

Городоуый вздрогнулъ и перекрестился: — Уфъ! Никого не боюсь, а вотъ къ этой проклятой машинѣ не могу привыкнуть. Диковинка у насъ въ Нарвѣ — тонобили-то... Сычуговъ, господинъ, проѣхалъ, — почтительно добавилъ городской: — миллионеръ! За городъ, ѣздилъ... хе-хе хе... въ „Веселый домъ“ къ царямъ...

— Сычуговъ? — переспросилъ Воеводинъ и вздрогнулъ, словно не автомобиль промчался передъ нимъ, а самъ демонъ блеснулъ своими глазами.

— Это не тотъ Сычуговъ, у котораго здѣсь торговое отдѣленіе.

— Да, тотъ! — отвѣтилъ городской.

Въ головѣ Воеводина зазѣблись острыя мысли, отъ которыхъ было душно и пусто на душѣ.

— Почему автомобиль проѣхалъ по этой глухой улицѣ, гдѣ живетъ Ирина?

— Почему Сычуговъ не въ Петербургѣ, а въ Нарвѣ?

Съ отчетливой ясностью Воеводину припомнились слова Ирины, сказанныя ею лѣтомъ въ Усть-Наровѣ, что Сычуговъ, увидѣвъ ее въ курзалѣ на концертѣ, увлекся ею и часто надѣдалъ своимъ ухаживаніемъ.

На эти слова онъ не обратилъ тогда серьезнаго вниманія, зная, что за Ириной, какъ за интересной дѣвушкой, ухаживало много, но сейчасъ, когда передъ глазами промчался черныи автомобиль Сычугова, сердце Воеводина настойчиво забило тревогу, и голову обожгла мысль:

— Сычуговъ былъ у Ирины... Зачѣмъ?

Въ душу вошла ревность, помрачающая умъ и дѣлающая челоуѣка неукротимымъ жестокии звѣремъ.

— Такъ идеиъ, г. студентъ, что ли? — сказалъ городской.

Вмѣсто отвѣта Воеводинъ съ силой отбросилъ его въ сторону, и пока тотъ поднимался съ земли и

приходилъ въ себя, онъ не бѣжалъ а летѣлъ, какъ на крыльяхъ, къ домику Ирины Зиминной.

Вслѣдъ ему раздавался пронзительный свистокъ городского.

Онъ добѣжалъ до знакомаго домика.

Къ удивленію Воеводина, въ окнахъ Ирины горѣлъ яркій огонь несмотря на поздній ночной часъ. Пришла ласковая успокоительная мысль:

— Наверное у ней срочная работа!

И Воеводинъ представилъ себѣ склоненной надъ маленькии письменныи столикомъ и успокоился. Но эта мысль быстро растаяла подъ напльвомъ тяжелой мысли о черномъ автомобилѣ, въ которомъ сидѣлъ Сычуговъ.

Отъ этой мысли Воеводинъ скрипнулъ зубами и хрипло прошепталъ не узнавая своего голоса:

— А!!! Любownika принималъ Благо женишекъ далеко. Не увидишь... А онъ, ха-ха-ха, и нагрянулъ, какъ снѣгъ на голову! Такъ погодите, я отомщу тебѣ!

Съ искаженныи отъ невыносимой боли, страданія и злобы лицомъ Воеводинъ, какъ безумный, ворвался въ темный корридоръ, и быстро сталъ подниматься по ступенькамъ лѣстницы, которая жалобно стонала подъ его тяжелыми сильными шагами...

(Продолженіе слѣдуетъ)



ТАЙУЫ НАРВЕСКИХЪ ПОДЗЕМЕЛІЙ.

(Романъ въ двухъ частяхъ).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

3.

Страшная исповѣдь.

Какъ звѣрь, котораго раздражили каленыи желѣзомъ, Воеводинъ добѣжалъ до знакомаго двора и всей силой своей ненависти, ревности, отчаянія и нетерпѣнія сталъ бить въ нее тяжелыми ударами, наполняющими смятеніемъ спящій домъ.

За дверь никто не отзывался.

Страшная тишина, которая только бываетъ тамъ, гдѣ совершенно преступленіе, ледянымъ дыханіемъ обдала Воеводина.

Озлобленіе проходило и уступало мѣсто тревогъ.

Чувствуя, что за этой дверью совершилось мѣсто непоправимо ужасное, Воеводинъ взломалъ дверь и вошелъ въ комнату Ирины.

Раздвинувъ портьеры, онъ вздрогнулъ.

На диванѣ лежала Ирина въ растерзанномъ бѣломъ платьѣ, съ распущенными волосами. Лицо страшное своей блѣзной и неподвижностью. Глаза закрыты. Она тихо стонала.

Воеводинъ остановился. Глаза стали большими, застывшими. Похолодѣло сердце.

Взялъ себя въ руки. Склонился надъ ней.

— Ирина, что съ тобой? Дрогнули рѣсницы.

Засвѣтились ея милые глаза.

Похожее на радость вспыхнуло на ея блѣдномъ лицѣ, и опять погасли глаза, и лицо стало строгимъ, неподвижнымъ, измученнымъ.

Воеводинъ взялъ ее за руку. Она была холодной.

— Скажи, родимая, что съ тобой? Она молчала.

— Ирина, скажи. Не мучай!

Блѣлыя губы Ирины, словно издадека, прошептали:

— Тебѣ... будетъ слишкомъ больно...

Открыла глаза, затуманенные слезами, и мука, и радость, и отчаяніе, и ласка свѣтились въ нихъ робкии звѣздами.

Она коснулась своими тонкими пальцами его головы, и прерывистымъ голосомъ, тихо, какъ на исповѣди, зашептала:

— Миша... моя радость... женихъ мой... Я не виновата... Нѣтъ. Нѣтъ. Не смотри на меня такъ... Слушай, пойми и прости... да... Ты простишь свою Ирину... свою невѣсту... Три часа тому назадъ ко мнѣ прѣхалъ Сычуговъ... принесть мнѣ срочную работу... Но это для него было только предлогъ... Онъ... пришелъ... ради меня... По... просилъ приготовить... чай... Я приготовила... А потомъ...

Она замолчала. Слезы мѣшали говорить. Скорбныя тѣни прошли по ея лицу.

— Что-же потомъ? — въ ужасѣ спросилъ Воеводинъ, чувствуя за этимъ молчаніемъ жестокую правду, отъ которой ледѣла душа, и отъ которой хотѣлось безумно, до истерики хохотать и плакать.

Она наклонилась къ его уху и сказала:

— Онъ меня изнасиловалъ!

Изъ дѣтскихъ глазъ Ирины брызнули крупныя слезы.

Огненными искрами онѣ упали на лицо Воеводина.

Послѣ этой исповѣди онъ почувствовалъ странную, необъяснимую легкость и сталъ нѣжно, съ тихой заботой, гладить руки Ирины.

Но это было только на мгновение. Невѣдомо откуда поднялась злоба на Ирину, которая толкала избитую ее, маленькую, хрупкую, страдающую, но вмѣсто этого онѣ припалъ къ ея ногамъ, крѣпко охватилъ ихъ своими сильными руками и разрыдался, какъ дитя, у котораго умерла мать.

Оба они плакали. Она худенькая, такая молельная въ своемъ бѣломъ изорванномъ платьицѣ, и онѣ такой большой, такой сильный.

— Я отомщу ему! — сквозь рѣсницы кричалъ Воеводинъ. — Я отомщу ему!

Ирина, вдругъ, вскрикнула ослеплымъ протяжнымъ крикомъ, плача кричать люди, увидѣвшие страшное.

Крѣпко обняла Воеводина и тихо, какъ вѣяніе вѣтра въ весеннюю ночь, зашептала:

— Прощай, мой родимый... любимый... Перекрести меня. Страшно мне!..

— Куда, ты уходишь, Ирина? Что с тобой? Не надо. Все пройдет. Ты не виновата... Нѣтъ. Не покину тебя. Ты святая, чистая, какъ и прежде...

— Я отравила!—едва слышно прошептала Ирина.

— Что? — испугался Воеводинъ.

— Да... да... Когда ушелъ Сычуговъ... я приняла ядь... Не могла.

Прощай... Такъ нужно...

Воеводинъ, закричалъ:

— Доктора! Я пойду за доктором!

И какъ-то бессмысленно засуетился по комнатѣ, не зная за что вѣздаться.

— Не надо... Поздно. Смерть... ждетъ меня Родимый... не уходи...

Начался бредъ.

— Ирина! Что ты сдѣлала?.. — плакалъ Воеводинъ...

Ирина не отвѣчала. То откроешь,

то закроешь глаза, а въ нихъ страданіе, смутная ласка и ужасъ смерти.

— Смерть... — бредила она. —

Не уноси меня... я такъ молода... такъ люблю. Сирень... Помнишь,

Усть-Нарову? Море... шумитъ оно... чу! какъ хорошо! Въ кургаузѣ

играетъ музыка... Миша! догони меня... Ха-ха... Уходитъ солнце. Падаетъ въ море... Гадина! животное! Уйди... я не вѣста! Я не хочу вашей службы, вашихъ подарковъ... Ай! Спасите... Спасите! Ночь... Смерть... Развѣ эта смерть? Я думала, что она съ косой... костлявая... А она ввидѣ рыцаря... Вотъ, она мечемъ касается моего лба... Не страшно. Что? это смерть для молодыхъ? Рыцарь пришелъ... У рыцаря лицо Миши... Ай!..

Изъ груди Ирины вырвался послѣдній нечеловѣчскій крикъ, и смолкъ...

Умерла!

Странно спокойный и молчаливый, безъ слезъ и безъ словъ, какъ изваяніе, стоялъ Воеводинъ передъ ней на колѣняхъ и, строгій въ своемъ молчаніи, смотрѣлъ въ ея неподвижное блѣлое лицо.

Когда въ окна забрезжилъ мутный зимній разсвѣтъ, Воеводинъ всталъ и произнесъ у тѣла своей невесты твердо, убѣжденно какъ молитву, единственные слова:

— Я отомщу за твою смерть!..

(Продолженіе слѣдуетъ)

ТАЙНЫ НАРВСКИХЪ ПОДЗЕМЕЛІЙ.

(Романъ въ двухъ частяхъ).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

4.

Днемъ въ Нарвѣ.

За ночь городъ Нарву бѣлой ризой покрылъ первый снѣгъ. На древнихъ башняхъ, на соборѣ Преображенія, на узкихъ, по старинному, печальныхъ улицахъ было дѣвственно, радостно и чисто, а подъ высокими мрачными потолками шведскихъ домовъ начиналась будничная жизнь маленькаго провинціального городка.

У мирового судьи фонъ-Дена разбиралось дѣло крестьянъ Зернова и Харламова, которые умудрились украсть ночью свинью у хutorянина и въ эту-же ночь продать ее хозяину. Въ темной церковной сторожкѣ настоятель собора о. Власій распекалъ дьякона Демьянскаго за то, что онъ, соборный дьяконъ, не

звирая на свой санъ, рано утромъ къ соблазну вѣрующихся, катался по первоулку на лыжахъ.

Въ редакціи газеты «Нарвскій Листокъ» шла такая провинціальная работа. Писали фельетонъ о бродячихъ собакахъ и халатности отцовъ города.

Въ ночлежкѣ дрались нарвскіе посадскіе Яша Грибъ и «Черное море». Яша доказывалъ, что Абонъ лежитъ въ Петербургской губерніи, а «Черное море» увѣрялъ, что въ Кіевской Лаврѣ.

Около «казенки» толпились ошущіе, рваные, оатобленные посадскіе.

И такъ изо дня въ день тянулась жизнь маленькаго городка, изрѣдка оживляемая драками посадскихъ, пожарами и убійствами.

5.

Въ конторѣ торговой фирмы Сычугова съ ранняго утра шла спокойная, налаженная работа.

Всѣ служащіе на мѣстахъ. Только столѣтъ Ирины Зиминной стоялъ одинокий.

Вошелъ секретарь.

Спросилъ:

— Почему не пришла Зимина?

Кто-то отвѣтилъ:

— Наверное проспала. Вчера заскарадь билъ въ Эстонскомъ собраніи.

Секретарь проворчалъ:

— Чертъ знаетъ что такое! И какъ на зло, хозяйка обѣщала зайти, а служащей нѣтъ на мѣстѣ!

За окнами послышалось гудѣнье автомобиля.

Выглянули въ окна.

Изъ чернаго автомобиля, окруженнаго большой толпой зѣвакъ, выходилъ извѣстный всей Петербургской губерніи, коммерсантъ-милліонеръ Сычуговъ.

Въ конторѣ стало тихо.

Вошелъ Сычуговъ. Высокій, умитанный человѣкъ въ еноговой шубѣ. Сѣдые волосы. Толстая чувственная губы. На мясистыхъ короткихъ пальцахъ брилліантовый кольцо. Что-то непріятное, хищное, животное было у него въ походкѣ, въ складкѣ губъ и въ тускломъ блескѣ маленькихъ свинныхъ глазъ.

Небрежно отвѣчая на почтительныя пріивѣтствія служащихъ, онъ

спросилъ секретаря хриплымъ гру-

боватымъ басомъ:

— А почему я сегодня не вижу Ирину Зимину?

Секретарь покраснѣлъ и, подобострастно склонивъ голову, вполголосомъ отвѣтилъ:

— Не могу знать, г. Сычуговъ. Она всегда была аккуратной по службѣ, и только сегодня не пришла.

По лицу Сычугова прошла тѣнь неудовольствія, и онъ строгъ Ирину Зиминной.

— Немедленно сходить къ ней. Узнать въ чемъ дѣло и доложить мнѣ!

Конторскій мальчишка Петька со всѣхъ ногъ побѣждалъ къ локону Ирины Зиминной.

Черезъ четверть часа онъ уже поднимался къ ней по лестницѣ и стучалъ въ двери.

Никто не отозвался.

Петька обратилъ вниманіе, что дверь пріоткрыта, и рѣшивъ, что хозяйка крепко спитъ, осторожно, на цыпочкахъ вошелъ въ комнату.

Въ комнатѣ царилъ безпорядокъ. На полу были вбучены полочки.

Валялись разбитыя тарелки и выкинутый стулъ. На столѣ два чашкана. Одинъ съ недопитымъ чаемъ, другой пустой.

Петя окликнул:
 — Барышня!
 Тишина.
 И вдруг его взгляд упал на диван, на котором лежало что-то белое, длинное и жуткое в своем молчании.
 Он подошел к дивану, и робко приоткрыл простыню. Рука Петя коснулась холодного мертвого тела Ирины Зиминной.
 Он вскрикнул и в ужаст выскочил из страшной комнаты мертвой.
 Блѣдный прибѣжалъ въ контору и едва переводя отъ волненія дыханіе, сказалъ:
 — Она умерла!

б.

Секретарь вошелъ въ кабинетъ Сычугова, мрачно склоненнаго надъ письменнымъ столомъ, и тихо доложила:
 — Несчастье, гнъ Сычуговъ... Мальчикъ бѣжалъ къ Ирине Зиминной и нашелъ ее мертвой...
 Сычуговъ поблѣднѣлъ и откинулся на спинку кресла, и едва слышно прохрипѣлъ:
 — Уйдите. Оставьте меня одного!
 Секретарь вышла.
 Сычуговъ облокотился на столъ и

тяжело задумался, крѣпко зажавъ ладонями голову.

— Боже мой! — думалъ онъ. — Неужели глупая дѣвченка покончила самоубійствомъ? Пат. за такого пустяка! Что будетъ? Не впутали-бы и меня въ эту темную исторію... Когда я проѣзжалъ ночью на автомобиль меня могли замѣтить двѣ фигуры, которыя стояли на той улицѣ, у фонаря!.. Боже мой, Боже мой, что будетъ? Надо заявить полиціи о происшествіи.

Выпивъ стаканъ воды, Сычуговъ подошелъ къ телефону, и, стараясь быть спокойнымъ, повзвонилъ:

— Дайте пожалуйста полицейскій участокъ... Господинъ полицеймейстеръ? Очень пріятно. У телефона Сычуговъ. Сейчасъ намъ сообщили очень печальную вѣсть. Моя конторщица Ирина Зимина найдена мертвой въ своей квартирѣ. Очень жаль дѣвушку. Такая хорошая, красивая и вдругъ безвременная смерть! До свиданія.

Сычуговъ повѣсилъ трубку и безпокойно сталъ шагать по кабинету...

(Продолженіе слѣдуетъ)



Открыта подписка на 1926-й годъ на

„Нарвскій Листокъ“

Выходить 2 раза въ недѣлю: по вторникамъ и субботамъ.

Всѣ господа подписчики и читатели новыхъ сенсационныхъ романовъ

Тайны нарвскихъ подземелій и ???

получать бесплатную премию на выборъ — МУЖСКОЙ или ДАМСКОЙ ВЕЛОСИПЕДЪ фирмы „Brennabor“

Подписчики на цѣлый годъ получаютъ 5 билетовъ на право участія въ розыгрышѣ и подписчики на 1/2 года — 3 билета. Остальные читатели получаютъ по 1 билету, по предъявленіи отрѣзныхъ купоновъ, прилагаемыхъ при каждомъ № газеты.

Подписка плата съ доставкой:	на 1 годъ	600 мар.		на 3 мѣс.	150 мар.
	на 1/2 года	300 "		на 1 мѣс.	55 "

ТАЙНЫ

НАРВСКИХ ПОДЗЕМЕЛИЙ

(Романъ въ двухъ частяхъ).

(Предыдущіе номера съ началомъ романа можно получить въ конторѣ газетъ).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

7.

Слѣдствіе.

Вѣсть о таинственномъ самоубійствѣ Ирины Зиминой быстрой птицей облетѣла городъ, донося отголоски до самыхъ глухихъ окраинъ.

Въ полиціи, мрачномъ высокоомъ средневѣковомъ зданіи царило небывалое возбужденіе.

Въ кабинетѣ полицеймейстера Докучина съ нетерпѣлиемъ ожидали результатовъ вскрытія трупа и показаній слѣдственной комиссіи.

Отъ скуки приставъ Язь и секретарь Брюхановъ держали пари на дюжину даяв. Приставъ доказывалъ, что Ирина отравилась, а секретарь — ее, отравили.

За высокими рѣшетчатыми окнами шель снѣгъ, и около зданія полиціи толпились любопытные обыватели.

Когда надъ городомъ стали стучаться синія сумерки, и въ окнахъ домовъ зажглись огни, наконецъ

пришла слѣдственная комиссія во главѣ съ докторомъ, и приступила къ объясненіямъ, изъ которыхъ было видно, что въ квартирѣ Ирины Зиминой царилъ безпорядокъ, указывающій на то, что въ моментъ, предшествующій смерти Ирины Зиминой, между ней и неизвѣстнымъ мужчиной происходила борьба. На столѣ два стакана. Доктoрская экспертиза нашла, что въ одномъ изъ стакановъ находился ядъ. Вскрытіе показало, что Ирина была изнасилована неизвѣстнымъ, послѣ чего, она, вѣроятно, не перенеся позора, отравилась мышьякомъ. На полу найдена студенческая фуражка и окурокъ сигары. Дверь въ ея квартиру взломана.

Секретарь полиціи спросилъ: — Вы, сказали, нашли студенческую фуражку?

— Да.

— Преступникъ найденъ! — торжественно сказалъ секретарь.

Всѣ оглянулись на него:

— Кто же?

Секретарь чувствуя себя героемъ минуты, не спѣша вынулъ портсигаръ, закурилъ и, сдѣлавъ нѣсколько затяжекъ, отвѣтилъ, скандируя каждое слово.

— Ея усердный ухажоръ. Студентъ Петербургскаго университета Михаилъ Воеводинъ.

Докторъ замѣтилъ: — Насколько мнѣ извѣстно, онъ въ Петербургѣ.

— Возможно, что онъ сегодня ночью прѣхалъ въ Нарву! — солидно проговорилъ полицеймейстеръ.

Секретарь совѣтовалъ: — Допросите городовыхъ. Можетъ быть они видѣли какъ шель съ вокзала этой здоровенный студентъ...

Полицеймейстеръ кивнулъ bravо му городовому, стояшему на вытяжкѣ около дверей:

— Позвать Каскина!

Черезъ двѣ минуты въ дверяхъ кабинета появился городской Каскинъ съ краснымъ распухшимъ носомъ.

Полицеймейстеръ спросилъ у него: — Ты сегодня ночью никого не видѣлъ на Козьей улицѣ?

— Какъ же, ваше благородіе, — отвѣтилъ Каскинъ. — Видѣлъ. Около часу ночи по этой улицѣ, что оглашенный бѣжалъ высокой скубентъ. Я остановилъ его. На немъ лица не было. Блѣдный. Дрожить. Руки трясутся. Словно преступленіе онъ совершилъ. Слова какія-то диковинныя про сову бормоталъ. Что за сова, я не могъ понять... Хотѣлъ было я его представить въ полицію, а онъ, ни слова не говоря, кзкъ-съ... двинетъ меня по зеркалу души... сирѣчь по лицу, я такъ и покотился въ лужу. Здоровенный кулачище, быка сразить можетъ, а не то што человеческое созданіе. Пока я подымался, его и следы простыла...

— Дуракъ! — свирѣпо отрубилъ полицеймейстеръ: — не могъ сбить быка за рога!

— Такъ точно. Извиняюсь! — инновато пробормоталъ Каскинъ.

— Всѣ улики на лицо. Преступникъ найденъ! — опять вытѣшилъ секретарь, которому очень хотѣлось выдвинуться на полицейскую поприщѣ.

— Чего ты каркаешь тутъ... рона! — вышель изъ себя полицеймейстеръ, передразнивая секретаря: — Преступникъ найденъ! Гдѣ найденъ? Чертова кукла! Жили себя въ Нарвѣ тихр, на — вотъ, какъ грѣхъ, преступленіе! Распутались узлы! Охъ, ужъ эти студентъ, тово отродье! Погибели на нѣтъ!

Полицеймейстеръ вызвалъ старшаго городского и отдалъ строгое приказаніе: — Студента Воеводина разыскать и арестовать!

Вся нарвская полиція была поставлена на ноги, и съ ранней утра до поздней ночи рыскала по всему городу и его окрестностямъ въ доисканіе нахъ въ этомъ шаго студента.

ТАЙНЫ

НАРВСКИХ ПОДЗЕМЕЛИЙ

(Романъ въ двухъ частяхъ).

(Предыдущіе номера съ началомъ романа можно получить въ конторѣ газетъ).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

8.

У гроба.

Цѣлый день, какъ безумный, скитался Воеводинъ по лѣсамъ и окраинамъ города.

Неслись вихремъ въ мозгу огненные мысли, и онъ жгли, пронизывали сердце нестерпимой болью, отъ которой мутился разумъ.

Воеводинъ углублялся въ снѣжный лѣсъ и тихо зывалъ въ бѣлую лѣсную тишину:

— Ирина!..

Крикъ его тоскующимъ стономъ облеталъ молчавшій лѣсъ, и кто-то далекій, грустный отвѣчалъ:

— А-а-а!..

Поднималъ глаза свои, налитые печалью, къ зимнему холодному небу и пылливо спрашивалъ:

— За что? Зачѣмъ не покаралъ челоѡвка—звѣря, который убилъ мою чистую невѣсту? Гдѣ было Твое всемогущество, когда рвали ея бѣлое платье, и топтели грязными копытами ея чистую душу?

Мольба, ропотъ, кощунство, ненависть и печаль до краевъ переполняли душу Воеводина. Онъ прижималъ обнаженной головой къ старымъ холоднымъ деревьямъ и безслезно плакалъ.

Шель снѣгъ. Бѣлыми цвѣтами онъ падалъ на землю и завивалъ ее вечернимъ покоемъ.

Когда мягкимъ занавѣсомъ упали синія сумерки, его съ неудержимой силой потянуло туда... гдѣ Ирина...

Хотѣлось эти послѣдніе часы побыть рядомъ съ ней, смотрѣть въ ея лицо, запечатлѣть на всю жизнь ласковый ея образъ...

Усталой походкой онъ дошелъ до ея дома.

Взглянулъ на окна и вздрогнулъ. Въ стеклахъ отражалось жуткое пламя свѣчей.

Воеводинъ вошелъ въ комнату. Толпилось много людей, но было тихо какъ въ слепѣ. Унылымъ голосомъ монахиня читала у гроба горькія слова псалмовъ.

Вѣяло ладаномъ.

Когда увидѣли Воеводина, то всѣ зашевелились и послышался шопотъ.

Никого не видя передъ собой, онъ подошелъ къ бѣлому гробу Ирины, упалъ на колѣни и припалъ лицомъ къ бѣлой парчѣ покрыва.

Издвко поднималъ голову и большими, словно безумными глазами смотрѣлъ въ тихое лицо покойницы, которое, отъ игры свѣчныхъ отраженій, казалось живымъ и заплаканнымъ.

Бѣлые живые цвѣты вѣнцомъ увѣнчивали ея голову.

Воеводинъ взглянулъ на нихъ и прошепталъ:

— Цвѣты... цвѣты... Пришель священникъ.

Заструились тихія волны надгробныхъ пѣсопѣній.

... Заклани быша якоже агнца и къ жизни нестарѣемой святя... — плакалъ хоръ.

— Какъ агнца... непорочнаго, радостнаго звоноли грубыя руки мою любовь, — думалъ Воеводинъ подъ тихіе рыдающіе напѣвы пѣнхиды. — Господи, зачѣмъ допустилъ? Зачѣмъ оставилъ меня одинокимъ на этой землѣ, гдѣ толчуть бѣлыя лилии твоей правды? Я былъ, Господи, свѣтлымъ, а любилъ людей, вся жизнь для меня была озарена солнцемъ потоку, что любить. Отняли у меня любовь, агнца возлюбленнаго и вотъ я сталъ злобнымъ. Ты, въ кроткомъ своемъ ученіи говоришь: прости врагу твоему, но какъ я могу простить тому, кто отнял у меня святую душу? Нѣтъ! Я буду мстити! Мстити!

Послѣднія слова Воеводина сказались громко и всѣ слышали...

Съ тихой пачалю взглянулъ на него священникъ.

Когда запѣли величавое, зажигающее на глазахъ слезы и наполняющее душу грустнымъ успокоениемъ: „Со святыми упокой“, — по комнатамъ черными птицами пролетѣли, вдругъ, испуганные шопоты: — Полиція... полиція...

Не успѣли отзвучать послѣдніе аккорды панихиды, какъ къ Воеводину подошли полицейскіе и окружили его тѣснымъ внушительнымъ кольцомъ.

— Вы студентъ Воеводинъ? — сурово спросилъ окологородный.

Воеводинъ спокойно, слегка задумчиво отвѣтилъ:

— Да, я.

— Именемъ закона мы должны васъ арестовать...

Въ рукахъ одного изъ городовыхъ звякнули желѣзные наручники.

Съ грустной улыбкой, съ какимъ-то особеннымъ просящимъ въ большихъ глазахъ, какое только бываетъ у тѣхъ, кто шель на крестъ, на крестъ, на мученичество, Воеводинъ молча протянулъ руки:

— Берите меня. Я готовъ...

На выхоленные, сильныя руки Воеводина одѣли наручники.

Толпа обывателей зная, что надъ этимъ красивымъ студентомъ тяготеетъ подозрѣніе въ позорномъ преступленіи, не вѣрила этому, чувствуя что не виноватъ онъ, и со слезами смотрѣла на арестъ, искренно жалѣя его.

Жутко позавывая желѣзомъ наручниковъ, Воеводинъ близко подошелъ къ гробу своей невѣсты, долгимъ прощальнымъ поцѣлуемъ прильнулъ къ ея лицу, взглянулъ на нее, тихо лежащую въ бѣломъ своемъ гробѣ, увѣчанную бѣлыми цвѣтами, и суровый, какъ скала брошенная въ море, съ рѣзкой складкой у края плотно сжатыхъ губъ, безъ словъ, безъ сопротивленія, стройно выпрямившійся, твердыми крѣпкими шагами пошелъ за полиціей...

(Продолженіе слѣдуетъ)



ТАЙНЫ

НАРВСКИХЪ ПОДЗЕМЕЛІЙ

(Романъ въ двухъ частяхъ).

(Прездущіе номера съ началомъ романа можно получить въ конторѣ газеты).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

9.

Призракъ.

Среди унылыхъ снѣжныхъ равнинъ мчится къ Петербургу курьерскій поѣздъ.

Въ одинокомъ купѣ перваго класса, откинувъ голову на спинку дивана, въ легкой полудремѣ сидѣлъ Сычуговъ.

На пухломъ лицѣ его, всегда самодовольномъ, легли строгія тѣни. Губы плотно сжаты. Глаза полузакрыты.

Мелькавшія картины зимней земли навѣвали на душу Сычугова холодныя, какъ сугробы снѣга, мысли, отъ которыхъ хотѣлось выть, какъ огъ зубной боли.

Опускался зимній вечеръ. Чернѣли дали. Сиротливѣе становилось на землѣ.

Сычугова пугала близость ночи. Она будетъ опять, какъ и предыдущія ночи, страшной своими черными кошмарами, шорохами и видѣніями.

Ритмично стучать колеса и кажется, что стучать онѣ про него, стучать про то, что онъ совершилъ преступленіе.

Сидѣлъ неподвижный, оцѣпеневшій, сжеженный.

Кто-то невидимый шепталъ ему: — Ты преступникъ... Ты!

И смотрѣла на него изъ темнаго угла стеклянныя въ своей неподвижности, совсѣмъ застывшіе, дѣтскіе глаза, глядѣвшіе прямо въ него и ему знакомые...

Мысли говорили: „Ты пойманъ!.. Можетъ быть ты не будешь на каторгѣ, но въ плѣну у совѣсти будешь!..“

Сычуговъ плотнѣе уходилъ въ себя, старался не дышать, но это не помогало.

— Приѣду въ Петербургъ... — разсуждалъ онъ: — все забуду... забуду... Пойду къ своей маленькой Лоло, и въ ея объятіяхъ забуду все... или же къ дѣвочкамъ m-me Розз... Я не виноватъ. Слабость человѣческая. Всѣ люди во всѣ времена грѣшили и ничего...

А невидимый плель тонкую, липкую, непорываемую паутину мыслей...

— А, вдругъ, тебя арестуютъ? Спросятъ: почему вашъ автомобиль стоялъ у воротъ дома Ирины Зиминной? Слѣдователи до всего докопаются. Допросами замучаютъ. Человѣкъ ты трусливый. Показанія спутаешь... вотъ и попалъ... Что тогда?... — спрашивали его мысли.

Волосы зашевелились, словно коснулся ихъ ледяной вѣтеръ. Сердце упало въ паническомъ ужасѣ въ темную, безнадежную бездну. Чтобы разсѣяться, онъ всталъ и

вышелъ на площадку. Открылъ дверь, и сталъ смотрѣть въ морозную ночную мглу. И вдругъ... — Идетъ по снѣгу бѣлая фигура дѣвушки.

— Она! — шепчетъ Сычуговъ въ мистическомъ ужасѣ. — Ирина!.. скорѣе поѣздъ... скорѣе... Страшной

Она спускаетъ по желѣзнодорожной насыпи, бѣжитъ рядомъ съ вагонами, и тянетъ въ мольбѣ къ Сычугову свои тонкія, трогательныя въ своей дѣтской безпомощности руки.

— Ай! О-а!... — дико закрѣпчалъ Сычуговъ и всей тяжестью своего большаго тѣла рухнулъ безъ сознанія на полъ холодной площадки.

Проходившіе кондуктора увидѣвъ его, подняли и отвели въ купѣ.

10.

На утро кондукторъ принесъ сыбія газету. Сычуговъ заглянулъ въ отдѣлъ происшествій и въ глаза бросились короткія строки:

„На дняхъ въ г. Нарвѣ студентомъ Петербургскаго университета М. Воеводинымъ изнасилована дѣвица Ирина Зимина. Дѣвушка перенесла позоръ, отравилась

шьякомъ. Студентъ арестованъ. Улицы, какъ-то: взломанная дверь въ квартирѣ и студенческая фуражка, свидѣтельствуютъ противъ М. Воеводина“.

Сычуговъ, прочтя эти строки, какъ-то неестественно живо вскопчилъ съ дивана, почувствовалъ себя вдругъ бодро и молодо, и даже задрожалъ мотивъ какой-то браваурной пѣсни.

— Гроза миновала! — подумалъ онъ. — Онъ, Сычуговъ, спасенъ!

Гдѣ-то въ глубинѣ души застонали тоскливыя струны неусыпаемой совѣсти, но неудержимой животной жаждой бытія были онѣ заглушены.

Сычуговъ выглянулъ въ окно, и увидѣлъ даль, заваленную сизыми дымокомъ, въ которомъ вырисовывались мягкіе контуры большаго города.

— Ва! да уже и Петербургъ!..

11.

Въ Петербургѣ.

Семья милліонера Сычугова состояла изъ жены и дѣтей — дочери закончившихъ свое обра-

зованіе въ лучшихъ учебныхъ заведеніяхъ Петербурга. Дочь Татьяна, переживавшая семнадцатую весну своей жизни, не была ослѣпляющею красивой, но столько изящества, обаянія, русской простоты и жизнерадостности было въ ея походкѣ, въ интонаціяхъ голоса и въ чарующемъ смѣхѣ, что не было человѣка кто бы не любилъ ее съ перваго взгляда.

Кромѣ дочери Сычуговъ имѣлъ сына Георгія, живо интересовавшагося сначала социальными вопросами, а затѣмъ перешедшаго на изученіе разгульнаго Петербурга. Сіаніе отцовскихъ милліоновъ заставляло многихъ раболопно сгибаться передъ его тонкой хлыщевой фигурой съ фатоватымъ личикомъ и моноклемъ въ лѣвомъ глазу. Мужчины съ нимъ кутили. Женщины на перебой готовы были пойти къ нему на содержаніе. Мамаши мечтали о выгодной партіи для своихъ дочерей.

Жена Сычугова, бывшая шансонетка, красивая для своихъ сорока лѣтъ, поражала избалованную петербургскую публику своими туалетами и брилліантами.

Жили Сычуговы въ блескѣ и довольствіи на Англійской набережной въ роскошномъ особнякѣ, похожемъ на дворецъ. Дѣла Сычугова шли хорошо, и капиталы съ его коммерческихъ предпріятій, раскинувшихъ свои сѣти чуть-ли не по всей Россіи, текли къ нему звонкой золотой рѣкой.

Самъ Сычуговъ — Карлъ Филипповичъ — крестынинъ Ярославской губерніи, пришель, какъ говорятъ, въ Петербургъ, въ маѣ мѣсяцѣ молодымъ робкимъ парнемъ, одѣтымъ въ полушубокъ и валенки, съ маленькимъ зеленымъ сундукомъ черезъ плечо, и, благодаря природному уму, смѣлости и волчьей хваткѣ, быстро пошелъ въ гору, и черезъ короткое время яркой звѣздой засіялъ въ коммерческомъ мірѣ.

Издѣдка супруги Сычуговы устраивали вечера и балы, на которыхъ присутствовали всѣ лучшіе представители театра, музыки и литературы. Объ этихъ званныхъ вечерахъ писалось съ восторгомъ на страницахъ „Петербургскаго Листка“, и они долго были злобой дня петербургскаго общества.

(Продолженіе слѣдуетъ)



ТАЙНЫ НАРВСКИХ ПОДЗЕМЕЛИЙ

(Романъ въ двухъ частяхъ).

(Предыдущіе номера съ началомъ романа можно получить въ конторѣ газеты).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

12.

Въ трущобѣ.

На одной изъ самыхъ глухихъ и нищихъ улицъ Петербурга, поздно вечеромъ, въ грязномъ трактирѣ „Веселая Москва“, въ укромномъ углу, сидѣли за парой пива два человѣка.

Одинъ былъ низкорослый, съ подвинутымъ лицомъ, гибкимъ и крѣпкимъ тѣломъ. Огненно-рыжий. Въ полусубѣ. Второй былъ средняго роста. Въ черной шинели. Сутулый. Съ темными густыми бровями на тонкомъ блѣдномъ лицѣ и фанатичными глазами, мерцавшими, какъ уголья.

— Такъ, значитъ, Викторъ, ты теперь нашъ? — таинственно спрашивалъ огненно-рыжий, пристально всматриваясь въ глаза собеседника.

Викторъ твердо отвѣчалъ, какъ на присягу:

— Вашъ, Алексѣй!

— Клянись!

— Клянусь!

Огненно-рыжий поднялся съ мѣста, пристально осмотрѣлся, и, убѣдившись, что никто не подслушиваетъ, сѣлъ рядомъ съ Викторомъ и зашепталъ ему на ухо:

— Тебѣ я долженъ открыть тайну... Наша организація террористовъ скрывается въ старинныхъ подземельяхъ г. Нарвы...

— Въ Нарвѣ? — удивленно спросилъ Викторъ.

— Да. Въ Нарвѣ. Тамъ и глава

нашей организаціи товарищъ Мечъ, два года тому назадъ бѣжавшій изъ Сибири, куда попалъ за участіе въ покушеніи на одного изъ великихъ князей...

— Такъ и живутъ въ подземельяхъ?

— Такъ и живутъ. Цѣлыхъ три года!

— И полиція не проникла?

— Гдѣ ей! — махнулъ рукой Алексѣй. — Тамъ, братъ Викторъ, такіе ходы и выходы, что самъ сатана заблудится.

— А какъ зимой-то жить тамъ? холодно?

— Теплымъ такая, что у тебя въ банѣ. У насъ тамъ цѣлый камины устроенъ. Одежды цѣлый запасъ.

— Почему-же вы выбрали подземелья для житья?

— Иначе нельзя. Всѣ мы, за малымъ исключеніемъ, бѣглые каторжане, и за нами зорко слѣдитъ полиція.

— Кто-же у васъ тамъ?

— Всякого народа. Есть студенты, рабочіе, одинъ журналистъ, разжалованный за политическую неблагонадѣжность офицеръ и... даже двѣ женщины!

Викторъ нахмурился:

— По моему и безъ нихъ можно было-бы обойтись!

— Ты, Викторъ, сперва съ ними познакомься, а потомъ ужъ и выводи свое заключеніе. Женщины — рѣдкія. Убѣжденные революціонеры. Одна изъ нихъ, Ольга, даже въ тюрьмѣ сидѣла. Мститъ за своего родного брата, котораго повѣсили за революционную пропаганду. И, красавица эта Ольга на рѣзкость! — своей красотой и умомъ дѣлаетъ для партіи большое дѣло...

Въ Нарвѣ находится центръ нашей мощной политической организаціи террористовъ — экспроприаторовъ, отъ котораго идутъ радиусы по всей Россіи. У насъ своя маленькая типографія, лабораторія, пороховой складъ и оружіе. Всѣ мы связаны страшной клятвой и безпрекословно подчиняемся главѣ организаціи — товарищу Мечу. Измѣнниковъ мы не щадимъ, и мстимъ самими крутыми мѣрами. А теперь, товарищъ Викторъ, я долженъ чутьточку оскорбить бѣлизну вашихъ идеальныхъ революціонныхъ взглядовъ...

— Какъ такъ оскорбить? — всколыхнулся Викторъ и блѣдное лицо его вспыхнуло румянцемъ.

Алексѣй ласково взялъ его за руки и тихо заговорилъ:

— Милый идеалистъ... Изъ нашего короткаго знакомства, я помню, что ты на революціонеровъ смотришь какъ на святыхъ, какъ на людей безукоризненно честныхъ и благородныхъ. Это не такъ. Во имя идеи, во имя торжества ея надъ старымъ деспотическимъ миромъ, мы должны быть и ловкими мошенниками, лгунами, и даже ворачи...

— Ворачи? — вспыхнулъ Викторъ, ударя кулакомъ по столу. — Никогда!

— Успокойся, милый! Не надо. Вречь нашъ силенъ. Мы слабы. А слабый человѣкъ идетъ на все, чтобы сбросить съ себя оковы, свѣтя на него сильными человѣкомъ. Намъ не нужны мечтатели, утописты, блѣлоручки. Намъ необходимо имѣть волосатое сердце, твердую руку, юрность мошенника, изворотливость авантюриста. Скажи, ты-бы бросилъ бомбу подъ носу какого нибудь деспота?

— Да. Бросилъ-бы. Недрогнулъ.

— А ураль-бы изъ какого нибудь сейфа или банка сумму денегъ, чтобы помочь своимъ товарищамъ, которые голодаютъ и томятся въ нуждѣ на фабрикахъ и заводахъ. Ураль-бы изъ кармана бумажникъ упитаннаго, пресыщеннаго буржуа, чтобы помочь дѣтямъ, которыя живутъ въ холодѣ и голодѣ на окраинахъ большихъ городовъ? Скажи...

Викторъ смолчалъ. Выпилъ стаканъ пива. Взялъ въ свою руку твердую волосатую руку Алексѣя, крѣпко ее сжалъ, и сказалъ:

— Правильно. Цѣль оправдываетъ средства.

— И такъ, дорогой Викторъ, мы завтра съ утреникомъ поѣдемъ въ Нарву. Я тебя представлю Мечу. Чудной души человѣкъ. Геніальная голова Огонь! Несокрушимая скала! У такъ рѣшено?

— Рѣшено...

(Продолженіе слѣдуетъ)



ТАЙНЫ НАРВСКИХ ПОДЗЕМЕЛИЙ

(Романъ въ двухъ частяхъ).

(Предыдущіе номера съ началомъ романа можно получить въ конторѣ газеты).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

13.

Таинственные скалы.

Недалеко отъ того мѣста, гдѣ раскинулся большой Нарвскій водопадъ, вдоль лѣваго берега рѣки Нарвы тянутся угрюмыя скалы съ зяющими отверстиями, мѣстами поросшими мохомъ и кустарниками.

Около этихъ скалъ зародилось много жуткихъ, красивыхъ и таинственныхъ легендъ, имѣющихъ под собой и реальное историческое основаніе.

Въ далекой древности въ этихъ скалахъ скрывались разбойники и много золота скрыто въ ихъ каменныхъ нѣдрахъ. Недаромъ эстонскія

саги говорятъ: Нарва построена на трехъ пластахъ золота.

На этихъ скалахъ когда-то высился дворецъ князя Меньшикова, и съ этихъ скалъ ливонскій рыцарь Олафъ сбросилъ, въ кипящія въ этомъ мѣстѣ волны Нарвы, свою измѣнницу жену.

Много воспоминаній и тайнъ хранитъ въ себѣ эти скалы, бросающія въ лѣтній день черную тѣнь на синюю поверхность рѣки Нарвы.

Рѣка въ этомъ мѣстѣ угрюмая, и шумитъ она особенно сурово.

Старожилы Нарвы это мѣсто считаютъ страшнымъ и, когда проходить его, шепчутъ молитву.

Надъ Нарвой черныя крылья зимней ночи. Съ моря рѣзкими по-

рывами задувалъ злой, насквозь пронизывающій вѣтеръ. Липкими хлопьями шель снѣгъ. На улицахъ мрачно, какъ въ опустѣломъ разрушенномъ замкѣ.

Было около двѣнадцати часовъ ночи, когда по одной изъ безлюдныхъ станціонныхъ улицъ шли Викторъ и Алексѣй, сутулясь отъ ледяного холода.

Тихо, какъ привидѣнія, они дошли до оврага, въ глубинѣ котораго шумѣли старыя деревья. Молча оглядѣлись по всѣмъ сторонамъ. Ни души. Только ночь, вѣтеръ, снѣгъ, да рокотъ бурной рѣки.

— Садись, Викторъ, и сползай въ оврагъ... — шопотомъ приказалъ Алексѣй.

Викторъ не заставилъ себя долго ждать и мягко, какъ на саняхъ, скатился съ пригорка по рыхлому снѣгу въ темный оврагъ.

За Викторомъ проскользнулъ и Алексѣй.

Утопая въ снѣгу, они обогнули каменную дамбу, нащупали едва замѣтную тропинку и увидѣли маленькую черную избушку, въ которой свѣтиль огонекъ.

Подошли къ избѣ.

Алексѣй всталъ у окна и завылъ собакой.

Условный былъ знакъ, потому что въ снѣгахъ зашевелились.

— Входите... — сказала въ тонкомъ мужской голосъ, распахивая скрипучую дверь.

Викторъ и Алексѣй вошли въ теплую уютную избу. Около печи висѣли рыбацкіе снасти. На столѣ кипѣлъ самоваръ. На полу чистые половники.

— Куда я попалъ? — думалъ Викторъ, внимательно осматривая хозяина.

— Куды онъ высокій. Въ русской осовороткѣ. Сильный. Въ большихъ рыбацкихъ сапогахъ. Умные проницательные глаза. Уচিতная манера, не похожая на плебейскія. Похожъ на интеллигента.

Алексѣй, угадывая мысли Викторъ, сказалъ:

— Знакомься. Товарищъ Замятинъ. Рыбакъ. Нашего толка. — Ты варишь Викторъ... Нашъ. Не стѣсняйся.

Замятинъ крѣпко сжалъ руку Викторъ и мягкимъ ярославскимъ говоркомъ пригласилъ гостей въ столу:

— Пожалуйста. Кстати, и самоваръ на столѣ. Обѣщали сегодня придти Мечъ и товарищъ Ольга. У нихъ сегодня засѣданіе. Надо узнать, скоро-ли они освободятся... Одну минутку...

При послѣднихъ словахъ Замятинъ подошелъ къ большой русской печкѣ, открылъ заслонку, вынулъ изъ темнаго отверстия трубку и бросилъ въ нее коротко: Скоро вы? Самоваръ ждетъ. Гости изъ столицы прибыли.

— Сейчасъ будутъ!.. — сказалъ онъ, тщательно закупоривая заслонку.

Черезъ полчаса, въ теченіи котораго Викторъ внимательно присматривался къ убранству избы, подъ поломъ, вдругъ, послышались глухіе, крадущіеся шаги.

— Идутъ... наконецъ-то!.. — сказалъ Замятинъ, поднимаясь изъ-за стола, и направляясь къ темному углу занавѣшенному одеждой.

Замятинъ нажалъ невидимую кнопку и передъ глазами Виктора открылась маленькая потайная дверь, въ которую входили двѣ фигуры, закутанныя въ черное.

— Товарищъ Мечъ и Ольга... —

прошептала Алексѣй на ухо Виктора и почтительно всталъ.

Лицо Меча суровое, непроницаемо-сѣрое, какъ у сфинкса. Черныя косматыя брови. Крѣпкая, словно отлитая изъ стали, фигура средняго роста. Короткій, словно обрубленный носъ. На правой щекѣ шрамъ. Сверкали темные глаза, таившіе умъ, отвагу, хитрость и несокрушимую желѣзную волю...

Опираясь на руку Меча, входила Ольга, и словно частицу весенняго солнца вносила она въ маленькую, закопченную избу. Рѣдкой красоты лицо. Тонкая, изящная фигура. Прекрасные въ своей дѣтской чистотѣ глаза и одна изъ тѣхъ улыбокъ, ради которой шли молча умирать гордые рыцари. Въ то-же время эти глаза говорили за то, что эта красивая женщина, неуловимая мстительница и гордость подпольной организаціи террористовъ...

(Продолженіе слѣдуетъ)



ТАЙНЫ

НАРВСКИХЪ ПОДЗЕМЕЛІЙ

(Романъ въ двухъ частяхъ).

(Предлужеіе номера съ началомъ романа можно получить въ конторѣ газеты)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

14.

Допроѣсъ.

Прошелъ мѣсяцъ. Морознымъ солнечнымъ днемъ въ кабинетѣ судебного слѣдователя Орлова сидѣлъ Воеводинъ.

Блѣдный. Осунувшійся. Между бровей рѣзкая глубокая складка — слѣдъ большаго нравственныхъ страданій и непрерывныхъ тяжелыхъ думъ.

На него испытующе смотрѣли приторно-ласковые глаза слѣдователя, который говорилъ приятнымъ, подкупающимъ баритономъ.

— Отъ души жалѣю васъ, г-нъ студентъ. У человѣка столько неуловимаго, загадочнаго, что трудно обвинить его за какое-нибудь злодѣяніе. Съ нѣшей, человѣческой точки зрѣнія онъ преступникъ, а съ точки зрѣнія Достоевскаго — несчастный человѣкъ. Душа человеческая — лабиринтъ. Много ходовъ

всякихъ. Темныхъ. Запутанныхъ. Не всякому, а тѣмъ паче юристамъ дано заглянуть въ этотъ лабиринтъ... Вы, г-нъ студентъ, не преступникъ. Нѣтъ. Ваши глаза чисты. Въ нихъ чистая душа ваша. Не правда-ли, вы изнасиловали Ирину Зимину, подъ влияніемъ особаго неизлѣдованнаго врачами, чувства подсознательнаго? Вы не хотѣли этого слѣлать? Правда? Да? Сожмите...

Воеводинъ молчалъ.

— Вы согласны съ моими взглядами? Не хотите отвѣчать... Орловъ вздохнулъ, и, стараясь казаться только милымъ приятнымъ собесѣдникомъ, а никакъ не слѣдователемъ, все также вкрадчиво продолжалъ:

— Я вѣрю въ грядущее свѣтлое, когда, такъ называемыхъ съ точки зрѣнія закона, преступниковъ будутъ судить не юристы, а опытные психологи... и вмѣсто тюремъ и каторги будутъ свѣтлыя больницы. Правда, это время было-бы прекраснымъ, г-нъ студентъ? Кошачьи подходы слѣдователя

раздражали Воеводину. Онъ поднялъ высоко голову. Съ ненавистью взглянулъ въ мягкіе женственные глаза слѣдователя и раздраженно отвѣтилъ:

— Оставьте, г-нъ слѣдователь, этотъ примитивный способъ допроса. Безъ всякихъ подходовъ задавайте мнѣ вопросы, и я, по возможности, буду отвѣчать вамъ!

Не обративъ вниманія на вспышку Воеводину, слѣдователь продолжалъ, не измѣняясь самъ, и не измѣняя своего вкрадчиваго тона:

— Голубчикъ! Себя пожалѣйте. Вѣдь вы молодой, красивый. Вся жизнь передъ вами. За васъ стараюсь... Дѣло-то, если не сознаетесь, длительной каторгой пахнетъ. Со старитесь на каторгѣ. Поймите. Сознаетесь, вы совершили преступленіе?

Воеводинъ отвѣтилъ, открыто глядя въ глаза слѣдователя:

— Я не виновенъ!
Слѣдователь встрепенулся:
— Конечно, не виновенъ... Конечно... это ваше подсознательное чувство...

— Пошли вы къ черту съ вашимъ подсознательнымъ чувствомъ! — голосомъ ненависти, и острой душевной боли крикнулъ Воеводинъ, и устало уронилъ голову на край письменнаго стола. Плечи Воеводину вздрагивали отъ глухихъ безслезныхъ рыданій.

Слѣдователь ехидно улыбнулся

и, тихо поглаживая по плечу Воеводину, спрашивалъ:

— А какимъ образомъ очутились ваша фуражка въ квартирѣ Ирины Зиминной? А кто дверь взломалъ?

На всѣ вопросы слѣдователя Воеводинъ отвѣчалъ молчаніемъ. Только вздрагивали плечи отъ глухихъ рыданій.

Слѣдователь поднялся изъ-за стола, закурилъ папиросу и сталъ ходить по кабинету мелкими семенящими шажками, заложивъ за спину илениныя пухлыя ручки. Слѣдъ нѣсколько шаговъ, Орловъ всталъ около Воеводину, взялъ его за пуговицу студенческой тужурки и устался на него немигающими, сверлящими глазами.

— Каторга вамъ будетъ, г-нъ студентъ! Чистосердечное сознание облегчитъ наполовину ваше невольное преступленіе. Сознаетесь г-нъ студентъ! Два дня даю вамъ на размышленіе...

Слѣдователь позвонилъ. Въ дверяхъ показались двѣ фигуры городовыхъ.

— Отвести въ камеру! — началъ ниически-сухо и строго приказавъ слѣдователь...

(Продолженіе слѣдуетъ)



= ТАЙНЫ =

НАРВСКИХ ПОДЗЕМЕЛИЙ

(Романъ въ двухъ частяхъ).

(Предшущіе номера съ началомъ романа можно получить въ конторѣ газеты).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

15.

Въ каменныхъ стѣнахъ.

Когда Воеводина опять очутился послѣ свѣтлаго слѣдовательскаго кабинета въ темной сводчатой камерѣ съ голыми сырыми стѣнами, постылой арестантской кроватью и суровымъ рѣшетчатымъ окномъ, душу его, переполненную страданиями, охватила острая, невыносимая боль, отъ которой хотѣлось биться головой объ эти сырые каменные стѣны, и бросать невѣдомо кому жгучія, озлобленные слова. Усиліемъ воли онъ сдержалъ себя. До боли только стиснулъ зубами губы и тихо простоналъ.

Онъ сѣлъ на деревянную кровать, покрытую досками, и тяжело задумался, глядя въ синій рѣшетчатый квадратъ окна.

Наступали сумерки. Звонили къ вечернѣ на соборной колокольнѣ. Звуки колокола тоскливо отзывались въ его душѣ, наполняя ее остро-печальными думами.

Въ тихихъ молитвенныхъ звонахъ, въ синей вечерней дымкѣ вставалъ передъ Воеводинымъ незабываемый образъ Ирины. Невѣсты. Любимой. Бѣлая лилія, растоптанная грязными ногами человѣка—звѣря!

Въ этихъ суровыхъ каменныхъ стѣнахъ заключенія, вставала передъ нимъ вся жизнь съ Ириной. До боли яркая. Всѣ мелочи были выпукло четки и разрывали душу на части. И рядомъ съ Ириной

вставалъ другой образъ, не менѣе родимый и близкій...

Образъ матери—старушки, доживающей свои дни въ тихой деревенькѣ на берегу Чудского озера... Ждетъ, навѣрное, своего Мишу, тревожится его долгимъ отсутствіемъ, молится передъ старинными образами, а надъ Мишей тяготеетъ страшное подозрѣніе въ преступленіи. Миша, любимый, единственный ея сынъ, въ тюрьмѣ...

Не знали куда уйти отъ этихъ видѣній. Днемъ и ночью онъ постѣдали его и уводили въ свѣтлую страну пережитаго...

Все прошло передъ глазами Воеводина. Радость, мечты, смѣхъ, цвѣты...

Упало солнце въ синее глубокое море. Не взойдетъ оно больше для Воеводина. Нѣтъ Ирины — нѣтъ и солнца, нѣтъ весны, угасли цвѣты. Ночь. Отчаяніе, Злоба. Каменные стѣны тюрьмы и каторга...

— Каторга... — шептала Воеводина, и отъ этого слова блѣднѣла его душа, и передъ глазами разверзалась черная бездна, откуда нѣтъ возврата. — За что Ты наказалъ меня, Господи?

Душа не отвѣчала на его мольбу. Не было словъ. Безсилны были утолить его страшной горѣ, которое не описать перомъ; не сказать словами, не написать красками, а надо только чувствовать.

Какъ молнія, которая на время освѣщаетъ ночную темную дорогу, Воеводина вдругъ обожгла мысль: — Каторга! А какъ-же... Какъ я отомщу мерзавцу Сычугову? Если буду отрѣзанъ отъ міра? Для меня будетъ закована въ цѣпи. Надо отсюда бѣжать. Какъ можно скорѣе. Всякими путями. Судъ не оправдаетъ. Надо бѣжать отъ каторги, чтобы отомстить... Отомстить и местию своей наследственной — надо бѣжать! — стучала мысль.

Послѣ долгихъ и упорныхъ размышленій Воеводина рѣшилъ бѣжать изъ своего каменнаго заключенія въ одну изъ ближайшихъ ночей...

(Продолженіе слѣдуетъ)



= ТАЙНЫ =

НАРВСКИХ ПОДЗЕМЕЛИЙ

(Романъ въ двухъ частяхъ).

(Предшущіе номера съ началомъ романа можно получить въ конторѣ газеты).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

16.

Побѣгъ.

Шла ночь.

Выла вьюга.

Ратушные часы били полночь.

Нарва загасила свои тусклые огни и засыпала крѣпкимъ сномъ подъ заунывные пѣсни вьюги. Въ мрачномъ средневѣковомъ зданіи полициі долго еще горѣли огни, наконецъ, и они устали — тоже заснули. Остался лишь одинокій бодрствующій огонекъ въ комнатѣ дежурныхъ.

Мертвый покой царилъ въ холодныхъ старинныхъ стѣнахъ полициі. Изрѣдка, какъ привидѣніе, проидетъ надзиратель, нарушитъ вѣковой покой своихъ тяжелыми шагами, звономъ ключей, и опять оставитъ тишину невозмутимую.

Заключенные спятъ.

Не спалъ лишь въ эту черную вьюжную ночь студентъ Воеводина.

Сегодняшняя ночь для него рѣшующая:

— Или-же воля, или долгая каторга?

Когда смолкли послѣдніе шаги надзирателя и стало такъ тихо, что даже слышно стало, какъ бьется сердце и шуршитъ за окнами вьюга, Воеводина осторожно поднялся съ кровати и на цыпочкахъ подошелъ къ тяжелой двери, окованной желѣзомъ.

Заглянулъ въ зарѣшетенный овалный глазокъ. Острыми пристальными взглядами впился въ корридоръ, озаренный жалкой керосиновой лампочкой, и убѣдившись, что никого нѣтъ, быстрымъ движеніемъ подошелъ къ окну и крѣпкими, словно стальными пальцами сталъ вынимать гвозди, прикрѣпившіе раму. Гвозди были слабо и поддавались легко. Освободивъ раму изъ подъ пакли, онъ осторожно снялъ ее, чутко прислушиваясь къ тишинѣ.

Днемъ Воеводина успѣлъ замѣтить, что рѣшетка окна держится

слабо и достаточно небольшой силой, чтобы сбросить ее въ мягкіе, неслышные сугробы снѣга. Сдѣлать это было легко, такъ какъ окно находилось на первомъ этажѣ, и на улицѣ не стояли часовые. Воеводина быстро снялъ раму. Съ улицы подулъ холодомъ и запырошило снѣгомъ.

Несмотря на то, что Воеводина былъ безъ шапки и въ одной студенческой тужуркѣ, онъ не чувствовалъ холода.

За окномъ разстилалась воля, къ которой такъ рвалась его изблѣвшая душа.

Близость воли согрѣвала его и удваивала энергію. Вдругъ, за дверью послышались чьи-то тяжелые, четкіе шаги.

Въ ужасѣ поблѣднѣла душа. Перехватило дыханіе.

Острой болью заболѣли виски.

— Неужели гибель? — испуганной птицей металась мысль. — Неужели нагрянуть? — и сейчасъ же овладѣлъ собой:

— Нѣтъ, этому не бывать! Жизнью своей заплачу, но поймать себя не позволю!

Шаги умолкли.

Также чутко прислушиваясь къ тишинѣ, онъ сталъ расшатывать желѣзную рѣшетку. Въ одномъ мѣстѣ выскочили гвозди. Гулулись прутья. Рѣшетка поддавалась все больше и больше его богатырской силѣ.

Вьюжный вѣтеръ раздѣвалъ его волосы. Морозъ леденилъ руки, но не чувствовалъ ничего Воеводина. Жажда свободы жгла его.

— Ко мнѣ, ко мнѣ! — звала Воеводина потайная вьюжная ночь. — Я тебя скрою, усталога... несчастнаго... оскорбленнаго... Никто не увидитъ!

И онъ шелъ навстрѣчу зовущей вьюжной ночи. Навстрѣчу волѣ.

Еще два-три усилія и рѣшетка упала бы въ снѣжные сугробы, какъ, вдругъ, звякнулъ ключъ въ ржавомъ замкѣ камеры, и не успѣлъ Воеводина оглянуться, какъ въ камеру съ потайнымъ маленькимъ фонарикомъ вошелъ надзиратель.

Медлительно важный и строгій онъ подошелъ къ Воеводина. Взявъ его за плечо и злорадно спросилъ: — Убѣгать думали, г. студентъ?

Воеводина вздрогнулъ. Выпрямился. Понялъ, что безъ борьбы не выйти изъ этихъ каменныхъ стѣнъ и рѣшилъ бороться.

Какъ молодой звѣрь, у котораго хотятъ отнять родную стихію — лѣсъ, Воеводина мошнымъ, какъ тѣлесная гиря, кулакомъ замаякнула на надзирателя, но тотъ ловко изогнулся и успѣлъ отвести этого удара.

Неудача еще больше распяла студента. Онъ гибкимъ прыжкомъ очутился около своего противника

и сталъ наносить ему ударъ за ударомъ.

Завязалась борьба.

Надзиратель пытался было за- свистать, чтобы призвать на по- мощь, но Воеводинъ нанесъ ему по головѣ настолько сильный ударъ, что тотъ безъ сознанія, какъ подкошенный, упалъ на полъ, не успѣвъ свистнуть.

Въ головѣ Воеводина быстро созрѣлъ планъ, который нужно вы- полнить съ быстротой молнии. Ма- лѣйшее промедленіе грозитъ ги- белью.

Пока надзиратель недвижнымъ тѣломъ лежалъ на полу, онъ бы- стро снялъ съ него шинель, пере- одѣлся въ нее, отцѣпилъ на всякій случай револьверъ, одѣлъ на себя фуражку и, поднявъ воротникъ, переодѣтымъ городовымъ сталъ выходить изъ камеры, предвари- тельно закрывъ ее на ключъ.

Дѣловитой, смѣлой походкой на- правился къ главному выходу.

На площадкѣ лѣстницы стоялъ городской и отъ скуки мурлыкалъ пѣсню:

— За послѣднюю пятерку Найму я тройку лошадей.

Воеводинъ прошелъ мимо него и сталъ спускаться по лѣстницѣ.

— Ты куда? — спросилъ пѣв- чій городской.

Воеводинъ, не поворачивая голо- вы, угрюмо отвѣтилъ.

— На постъ.

Не успѣлъ онъ спуститься съ лѣстницы, какъ, вдругъ, на всю ти- хую морозную улицу, изъ окна ка- меры раздался пронзительный крикъ надзирателя:

— Де-ержите!.. Преступникъ сбѣ- жалъ!.. Держите!..

Рѣзко засвистали свистки. Хлоп- нули тяжелыя дубовыя двери по- лиціи. Сбѣжалось съ постовъ нѣс- колько человекъ городскихъ. Гля- дѣли по сторонамъ.

Увидѣли Воеводина въ формѣ городского.

Спросили его:

— Не видаль-ли, куда побѣжалъ преступникъ?

Воеводинъ указалъ рукой влѣво, а самъ повернулъ вправо, въ пу- стынную темную улицу...

Съ рѣшетчатого окна камеры надрывался голосъ надзирателя:

— Ловите его! Этого самого! Онъ мою шинель одѣлъ!.. Дураки! Онъ переодѣтый!.. Бѣгите вправо!..

Городовые все поняли и устре- мились вправо, по свѣжимъ слѣ- дамъ Воеводина.

Воеводинъ бѣжалъ отъ опасно- сти, но она настигала его и тянула къ нему страшные, цѣпкіе шупальцы...

(Продолженіе слѣдуетъ)



ТАЙНЫ НАРВСКИХЪ ПОДЗЕМЕЛІЙ

(Романъ въ двухъ частяхъ).

(Прездущіе номера съ началомъ романа можно получить по каталогу газеты)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

17.

Погоня.

Воеводина настигали. Въ чернотѣ вьюжной ночи разда- вались изступленные голоса горо- довыхъ и стражниковъ.

— Держи его!

Онъ бѣжалъ безъ пути, безъ от- дыха и оглядки, увязая въ глубо- кихъ сугробахъ снѣга. Его покида- ли силы.

Шинель городского связывала движенія Воеводина.

Было желаніе упасть въ бѣлую снѣжную постель, спрятаться въ су- гробахъ, и отдохнуть.

Настигали.

Цакали по мерздой землѣ лоша- ди стражниковъ.

— Бѣги, бѣги! — гнала мысль. — Тебя ждетъ каторга, каторга!

Воеводинъ напрягалъ всѣ усилія, чтобы скрыться отъ преслѣдова- телей.

— Вотъ, онъ! Стрѣляй ему въ но- гу! — крикнулъ кто-то изъ городо- выхъ и тихая ночь огласилась ре- вольвернымъ выстрѣломъ.

Воеводинъ свернулъ за уголъ, увидѣлъ открытыя ворота большо- го дома и быстро скользнулъ въ нихъ.

Вошелъ въ темный молчаливый дворъ, увидалъ полѣнницу дровъ и за ними спрятался.

Полиція прошла мимо воротъ.

— Не замѣтили! — облегченно по- думалъ Воеводинъ и только что рѣшилъ дать покой своимъ уста- лымъ ногамъ, какъ, вдругъ, откуда ни возмись, выбѣжала собака, по- чуяла чужого человека и отчаянно залаяла.

Какъ не старался Воеводинъ успокоить встревоженную собаку, она еще пуще заливалась лаемъ.

За воротами послышались опять шаги и голоса.

— Куда онъ могъ удрать? — не- годовалъ кто-то, и по тому тону, какимъ былъ заданъ вопросъ, было ясно, что человекъ зорко смотрѣлъ по сторонамъ и прислушивался къ каждому звуку. Другой утверди- тельно замѣтилъ.

— Онъ, навѣрное, въ этомъ дво- рѣ!

— На кого это собака такъ от- чадно лаетъ?

— На кого! Конечно на него. Онъ тамъ.

— Оцѣпить донь!.. Смотрѣть въ оба!

— Эти голоса нестерпимо жгли душу Воеводина. Учащенно билось сердце. Было желаніе остановить его, словно могли услышать за во- ротами, какъ бьется человѣческое сердце.

Куда бѣжать? — думалъ онъ. — Всѣ пути отрѣзаны.

Онъ поднялъ изъ за полѣнницы голову и сталъ озираться по сто- ронамъ: нѣтъ ли выхода?

Дверь тѣсно была сомкнута стѣ- нами домовъ, и выхода, за исклю- ченіемъ большихъ воротъ, не было.

— Что дѣлать? Отдать ли себя добровольно въ руки полиціи или биться до конца?

Въ эту минуту, смертную для Во- еводина, когда холодныя цѣпкіе шупальцы все ближе и ближе тя- нулись къ его душѣ, умеръ преж- ній Воеводинъ — слабый духомъ, сомнѣвающийся, двойственный, и явился новый, смѣлый рѣшителъ- ный, неумолимый, готовый биться до смерти. Померкъ въ душѣ ти- хій ласковый свѣтъ воспоминаній. Боль объ ушедшемъ уступила мѣ- сто клочку злобѣ.

Въ то время, когда во дворъ вхо- дила полиція, Воеводинъ замѣтилъ лѣстницу, приставленную къ одно- му изъ домовъ.

Не долго думая, онъ подбѣжалъ къ ней и быстро сталъ подниматься на крышу.

Преслѣдователи его замѣтили и ожесточенно — злобно крикнули:

— Ни съ мѣста!

Нѣсколько человекъ гордсовыхъ подбѣжали къ лѣстницѣ.

Одинъ изъ нихъ хотѣлъ подняться слѣдомъ за Воеводинымъ, но въ это время раздались выстрѣлы. И городской, тихо простонавъ, упалъ на землю.

На выстрѣлъ Воеводина отвѣтили также выстрѣломъ.

Огнемъ обожгло плечо Воеводина. Онъ почувствовалъ, какъ горячая кровь струилась по рукѣ, и жгла нестерпимая боль, но не растеря- ся, а наоборотъ эта рана прибави- ла ему рѣшимости.

Воеводинъ достигъ крыши и сбро- силъ лѣстницу, отрѣзая къ себѣ путь.

Полицейскіе ругались, и продол- жали глушить ночь револьверными выстрѣлами.

Цѣпляясь за черепицы, Воево- динъ старался достигнуть противо- положнаго края крыши, но это удавалось съ большими усиліями.

Скользили ноги. Поминутно гро- зила опасность свалиться внизъ и разбиться.

Онъ доползъ до водосточной тру- бы, и быстро сталъ спускаться внизъ. Но только что ноги его ко- рснулись твердой землѣ, какъ раз- дался громкій голосъ, заставившій Воеводина вздрогнуть:

— Ни съ мѣста! Руки вверхъ!

(Продолженіе слѣдуетъ)



ТАИНЫ

НАРВСКИХ ПОДЗЕМЕЛИЙ

(Романъ въ двухъ частяхъ).

(Предидущіе номера съ началомъ романа можно получить въ конторѣ газетъ.)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

18.

Настигаютъ.

Стоялъ городской, направляя на Воеводина дуло револьвера. Мѣсто было глухое, окруженное заборомъ.

Быстрой хищной птицей налетѣлъ Воеводинъ на городского, выбилъ изъ его рукъ револьверъ, сильнымъ ударомъ кулака лишилъ его сознанія, и пока тотъ ничкомъ лежалъ въ сугробѣ, гибкими кошачьими прыжкомъ взметнулся черезъ заборъ, подобралъ полы шинели, и побѣжалъ улицами, перелюкми.

Навстрѣчу Воеводину, откуда ни возьмись, метнулась черная фигура городского.

— Куда бѣжишь? — спросилъ онъ. Воеводинъ не растерялся и отбѣтилъ:

— Тюря, развѣ ты ничего не

знаешь? Изъ предварительнаго заключенія бѣжалъ преступникъ! Вся полиція на ногахъ! Стоишь истукакомъ и ни черта не знаешь!.. Ну мнѣ, нѣкогда! — прибавилъ онъ: — бѣгу ловить, авось попадется!

— Ну, помогай Богъ! — напустивалъ Воеводина городской.

Не успѣлъ Воеводинъ скрыться во мракѣ улицъ, какъ показалась полиція. Остановилась, и спросила городского, только что разговарившаго съ бѣглецомъ.

— Никого не выдалъ?

— Видаль одного изъ нашихъ. Бѣжалъ въ погоню, говоритъ, за преступникомъ...

— Кто такой?

— Незнакомый какой-то. Видно изъ новиковъ. Ретивый да быстрый съ виду-то!

На бѣднаго городского посыпались ругательства и проклятія:

— Дуракъ! Оселъ! Что-бъ тебѣ издохнуть! Ты вѣдь преступника упустилъ! Хитрымъ манеромъ онъ

переоделся въ нашу шинель и бѣжалъ изъ камеры!.. У-у морда! — горчился старшій, поднесъ уваренный кулакъ къ самому носу опѣшившаго городского.

— Куда побѣжалъ? нетерпѣливо теребили его. — Въ какую сторону? Городовой указалъ направленіе.

Воеводинъ добѣжалъ до берега рѣки. Мѣсто было укромное. Усилывалась вьюга. Въ ея снѣжныхъ космахъ ничего не было видно. Считая себя въ безопасности, онъ пошелъ шагомъ.

Ныло прострѣленное плечо. Теплыми струями шла кровь.

Отъ потери крови чувствовалась слабость и менталось о покоѣ, все равно гдѣ, въ пещерѣ-ли, въ сараѣ, но только уйти-бы отъ людей, преслѣдующихъ его по пятамъ, и не слышать ихъ рѣзкихъ озлобленныхъ голосовъ.

Онъ дошелъ до высокихъ черныхъ скалъ, расположенныхъ на безлюдномъ глухомъ берегу Наровы. Сѣлъ на камень и задумался. Кружилась снѣгъ. Свирѣпо рычалъ неподалеку водопадъ. Раздавались свистки паровоза.

Надъ головой Воеводина пѣла вьюга. Пѣла о томъ, какъ хорошо сейчасъ въ родномъ уютномъ домѣ, и какъ хорошо заснуть на теплой лежанкѣ, въ тихомъ мерцаніи лам-

падъ, подѣ снѣжными пѣси, за окномъ — морозомъ разурореннымъ...

Слипались вѣки. Передъ глазами не было вьюги черныхъ скалъ, полицій, погоня, а была свѣтлая уютная горница на тери... тамъ... въ деревушкѣ на берегу Чудского озера...

И было хорошо. Кто-то ласково кто-то пѣлъ, кто-то заботливо ронялъ крыльцо одѣломъ, и только что хотѣлъ Воеводинъ улыбнуться благодарно заботливому человеку и уйти въ тихій сонъ, какъ вдругъ послышались рѣзкіе, такіе знакомые и такіе ненавистные голоса, которые такъ грубо разорвали нѣжную шелковистость сна...

Воеводинъ встрепенулся:

— Полиція!

Въ глаза бросилось зябущее мѣсто скалахъ отверстіе, поросшее кустарникомъ.

Онъ бросился туда. Прогнавъ въ большиимъ трудомъ вѣтвь — въ черную тьму и сталъ прислушиваться.

Полиція подошла къ самымъ скаламъ...

(Продолженіе слѣдуетъ.)



ТАИНЫ

НАРВСКИХ ПОДЗЕМЕЛИЙ

(Романъ въ двухъ частяхъ).

(Предидущіе номера съ началомъ романа можно получить въ конторѣ газетъ.)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

19.

Въ Нарвскихъ подземельяхъ.

Воеводинъ притаился въ тѣсномъ каменномъ ущельѣ и настороженно прислушивался къ голосамъ полиціи.

Усталые и озлабленные городовые переругивались:

- Чертова мятель!
- Гдѣ его, окаяннаго, сыщешь?
- Эги не видать!
- Въ рукахъ, вѣдь, былъ разбойникъ, а сумѣлъ вывернуться!
- Не спрятались-ли онъ гдѣ нибудь въ скалахъ?
- Надо помянуть!
- Вахромѣвъ, загляни въ то отверстіе, что кустами заросло. Видны какіе-то подозрительные слѣды... Навѣрное тамъ спрятались!

Воеводинъ слушалъ діалогъ между городовыми и старался тѣснѣе спрятаться въ уютномъ нутрѣ подземелья.

Опять ткнулись цѣпкія щупальцы опасности.

— Ничего не подлѣзай, — устало думалъ онъ. — Меня сейчасъ найдутъ. Бороться нѣтъ силъ...

Потеря крови отразилась на немъ. Болѣла голова. Все тѣло было разбитымъ, словно пробѣжала тяжелая повозка, и хотѣлось отдыха... А отдыха не было.

Городовой все ближе и ближе подходилъ къ его убжищу.

Подѣ его ногами шуршали потревоженные камни.

Несмотря на то, что была смертельная усталость и болѣло пораненное плечо, Воеводинъ нашель силы инстинктивно попятиться назадъ, и, вдругъ, неожиданно для себя провалился въ какую-то яму, и потерялъ сознаніе...

20.

Сколько прошло времени, Воеводинъ не могъ опредѣлить. Когда онъ очнулся, то увидѣлъ себя въ громадной каменной галлерей. Съ толка свѣшивались сталактиты. Гдѣ-то журчалъ подземный ручей. Воеводинъ съ облегченіемъ подумалъ, что онъ спасенъ какой-то невѣдомой силой, и почувствовалъ, что теперь его никто не увидитъ, и онъ можетъ отдохнуть,

Онъ поднялся и безпокойно сталъ ходить, но была такая слабость, что не могъ удержаться на ногахъ, и опять сѣлъ.

Вдругъ, среди ясной тишины подземелья, до слуха Воеводина донеслись придушенные глухіе голоса.

Онъ прислушался. Притаился. Словъ нельзя было разобрать, слышался неясный гулъ.

— Кто-же это? Не полиція-ли? Но, полиція осталась за стѣнами подземелья, а эти голоса доносятся откуда-то снизу?

Воеводинъ заинтересовался эти таинственные подземные голоса, и онъ пошелъ имъ навстрѣчу.

Голоса раздавались все ближе и ближе.

Найдя въ стѣнѣ отверстіе, Воеводинъ проскользнулъ въ него, и по какимъ-то невѣдомымъ ступенямъ сталъ спускаться внизъ, принимая всѣ мѣры предосторожности.

Говорили гдѣ-то по близости. Слышны были слова: „группа террористовъ... Снарядъ съ нитроглицериномъ... Товарищъ Викторъ...“

— Викторъ? — удивился Воеводинъ. — Неужели мой другъ Викторъ? Какъ онъ сюда попалъ, и что за люди ютятся въ подземельяхъ?

И ему вдругъ, съ отчетливой ясностью, вспомнилась ночная встрѣча съ Викторомъ когда онъ прѣхалъ изъ Петербурга и шелъ къ Ирину... Припомнились и слова Виктора: „йду въ подполье... Террористомъ задѣлаюсь!“

Воеводинъ дошелъ до двери окованной желѣзомъ. Нажалъ ручку и открылъ дверь въ уютную,

освѣщенную свѣчами камеру съ низкимъ сводчатымъ потолкомъ. Громадная фигура Воеводина въ шинели городского восторженно обитателей этого страннаго жилища. Нѣкоторые поспѣшно схватились за оружіе, и приготовились обороняться, полагая, что полиція дѣлаетъ облаву.

Но Воеводинъ протянулъ къ нимъ руки и сказалъ:

— Не надо. Я усталый человекъ! — и, какъ подкошенный, упалъ на полъ...

— Миша! Голубчикъ! Ты, какъ сюда попалъ? — бросился къ нему Викторъ, узнавъ по голосу своего закладнаго друга... — и затѣмъ обрратился къ своимъ друзьямъ:

— Это Воеводинъ, котораго обвинили... Онъ, навѣрное, бѣжалъ изъ тюрьмы... Помогите ему!

Воеводина подняли бережно, раздѣли, увидѣли рану, перевязали ее, и уложили его въ постель... Тѣсныя стѣны наполнили подземелье, и стѣны безъ словъ говорили, что этотъ большой, красивый и сильный человекъ усталъ физически и морально, и сейчасъ, когда онъ лежалъ блѣдный, съ компрессомъ на головѣ, и страляющей, была похоть на большого ребенка, котораго хотѣлось жалѣть.

У изголовья Воеводина Ольга, взявшаяся исполнять обязанности сестры милосердія.

(Продолженіе слѣдуетъ.)



ТАЙНЫ НАРВСКИХ ПОДЗЕМЕЛИЙ

(Романъ въ двухъ частяхъ).

(Предыдущіе номера съ началомъ романа можно получить въ конторѣ газеты)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

21.

Бредъ.

«Шель Воеводины по снѣжной безконечной степи. Не видно дороги. Не мерцало адали огни деревьевъ. Беззвѣдно. Одноно. Холодно. Онь усталъ. Погружался въ глубокіе суробы снѣга. Мечталось о семейномъ покое. О Ирину — невесту снѣжной, что ждетъ его, Мишу, въ своей комнатѣ. Тяжела была бѣлая дорога, но онь старался преодолѣть ее — впереди Ирина, счастье, отдыхъ...
Валеръ ухмылялся егоньку.
Около огонька Ирина.
Онь сплещитъ навстрѣчу огню.
На крыльцо вышла она бѣлымъ видѣніемъ. Въ осеннемъ платьѣ. Съ живыми дѣлами въ рукахъ. Хотѣла крикнуть ей, взволнованной встрѣчей.
— Ирина! Снѣгъ, вьюга, тебѣ холодно!

Но въ это время съ разныхъ концовъ черными птицами налетѣли городовые, окружили его чернымъ сомкнутомъ кольцомъ и злорадно зашипѣли, протягивая къ нему свои когтистыя лапы!
— Попался!!!

Безпомощный метался Воеводины въ черномъ, сомкнутомъ кольцѣ и кричалъ рыдающимъ крикомъ:
— Спасите меня! Спасите!

Ольга не успѣвала прикладывать компрессы къ его воспаленной головѣ. Сильныя руки Виктора и Алексѣя едва удерживали мечущагося въ жару Воеводина.

Медикъ Кусковъ — одинъ изъ обитателей подземелья, маленький, горбчатый, въ синихъ очкахъ — приготовлялъ лѣкарство.

На мгновение откроетъ Воеводины глаза. Сурово обведетъ ими стѣны подземелья, углубленные ершикомъ, каменный столъ, ивдрезанные табуреты, каминъ, полку съ книгами, чередъ въ переднемъ углу въѣзде образа, прекрасную женщину, не оскодившую отъ

его постели, лица Виктора и незнакомыхъ ему людей и олять передъ его глазами туманы, вьюга, снѣгъ и полнѣя, преслѣдующая его по пятамъ, и олять безсвязный бредъ колыхался въ тихихъ суровыхъ стѣнахъ подземелья.

Въ темномъ углу стояли Мечъ и неуклюжий, съ короткими ногами мужчина, плѣшивый, безусый, съ круглымъ комичнымъ лицомъ, и вели разговоръ шопотомъ.

— Вамъ, товарищъ Енисей, необходимо познакомиться съ женой Н-скаго губернатора. Когда это будетъ удобнымъ, вы должны выкрасть изъ кабинета ея мужа списокъ смоленскихъ террористовъ, захваченный полицией въ квартирѣ студента Творогина...

— Я всегда подчинялся вашимъ распоряженіямъ, товарищъ Мечъ! — говорилъ Енисей: — дѣлать дѣла и поважнѣе этого, но долженъ въ интересахъ нашей партіи отказаться отъ этой миссии...

Брови Меча дрогнули:

— Почему?

Енисей виновато, съ улыбкой развелъ руками:

— Кавалеръ-то я болѣе некалѣбный. Жена губернатора интересна, воспитанная дама. На нее надо произвести впечатлѣніе. Этого я, при всемъ желаніи, не могу сдѣлать. Я не кавалеръ, а шутъ гербовый! Мнѣ только съ губернато-

ромъ дѣло имѣть, да и то въ «теню».

Мечъ разсмѣялся:

— Да, положимъ вы правы. Анчико-то ваше, не тое... не патристическое... Подвести мину подъ губернаторшу, дѣло мудреное... хе-хе... Но какъ-же быть? Кого послать? Ни одного парня красиваго, нѣтъ на наше несчастіе!

— Какъ нѣтъ? — голосомъ удивленія спросилъ Енисей. — А этого! — и онь кивнулъ въ сторону бредившаго Воеводина.

Лицо Меча пряснѣло:

— Правда! Совсѣмъ изъ головы гласится-ли? Парень хоть куда... Но...

— Конечно, согласился! — Уверенительно замѣтилъ Енисей. — Ему теперь некуда пойти. Изъ Воеводина царить таксе, что онь на все пойдеть. Парню душу растоплятъ. А коли душу растопчутъ, съ Богомъ бороться будешь, а не то что съ человѣкомъ.

Мечъ немного подумалъ и сказалъ: — Да. Ему пойти некуда. Дѣланъ онь будетъ цѣннымъ приспособленіемъ. Будетъ ждать его, раздѣловленія, а потомъ и поговоримъ.

(Продолженіе слѣдуетъ)



ТАЙНЫ НАРВСКИХ ПОДЗЕМЕЛИЙ

(Романъ въ двухъ частяхъ).

(Предыдущіе номера съ началомъ романа можно получить въ конторѣ газеты)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

22.

Ночной Петербургъ.

Когда дневной, трудолюбивый Петербургъ гасилъ свои огни и отдыхалъ до слѣдующаго, полного заботъ и труда утра, ночной праздничный Петербургъ просыпался отъ дневного сна, закигалъ свои яркіе звушые огни и не гасилъ ихъ до снѣжнаго разсвѣта.

Трудовой Петербургъ спалъ. Праздничный Петербургъ веселился. На окраинѣ города, въ богатомъ особнякѣ въ мавританскомъ стилѣ, подъ скромной, не наводящей ни на какия подозрѣнія вывѣской «Пансионъ» было весело и людно.

Въ залѣ преобладала молодежь. Студенты, офицера, гимназистки, купеческіе и дворянскіе сынки. Играли. Пѣли. Танцевали. Въ тѣни пальмъ цѣловались, объяснялись въ любви... Все было скромно, безъ всякаго специфическаго оттѣнка загородного публичнаго дома. На

стѣнахъ бѣлѣли амплаги «Пьянымъ входъ воспрещается». Грамидные сильныя лакеи зорко слѣдили за молодыми гостями и не давали «развернуться». Изрѣдка въ залѣ появлялась хозяйка дома, обрусѣвшая француженка м-ме Розз — упитанная женщина, одѣтая въ шелкъ и зажатая драгоценными камнями, неприятная, имѣющая странное сходство съ жабой. Но эта «неприятность» сглаживалась хорошими манерами, ласковымъ подкупающимъ голосомъ и милымъ радушіемъ. Съ материнской нѣжностью она смотрѣла на дѣтокъ, какъ она всегда называла своихъ молодыхъ гостей. Для каждаго она находила привѣтливое слово, и гости были довольны своей хозяйкой.

Домъ м-ме Розз былъ мѣстомъ свиданій всѣхъ влюбленныхъ Петербурга.

Полиція, такъ много слышанная о чудовищныхъ оргіяхъ, происходящихъ въ этомъ «пансионѣ», часто дѣлала неожиданныя облавы и обыски, и всегда наталкивалась на привѣтливую, воспитанную м-ме

Розз, и на молодое, не пьяное, невинное общество въ томъ залѣ, гдѣ вистль аншлагъ «Пьянымъ входъ воспрещается». Пслѣдняя, слѣдомъ за привѣтливой хозяйкой, обходила весь домъ, съ многочисленными запутанными комнатами, заглядывала въ каждый уголокъ, и, убѣдившись, что ничего подозрительнаго нѣтъ, смущенно пожимала плечами, извинялась и уходила...

Но людская молва продолжала твердить о чудовищныхъ оргіяхъ, происходящихъ въ этомъ невинномъ «пансионѣ».

Ночные прохожіе часто слышали, какъ гудитъ этотъ большой, безъ единого огонька въ окнахъ домъ отъ какихъ-то странныхъ головомъ и придуренной, словно идущей изъ подъ земли музыки.

Суевѣрный прохожіе полагалъ, что тамъ нечистая сила, несуетверный догадывался, что въ этомъ мрачномъ домѣ пляшетъ обнаженный грѣхъ...

23.

М-ме Розз безпокоилась. Часто вызывала лакея, тайно и о чемъ-то его спрашивала и продолжала бѣгать изъ одной комнаты въ другую, то поднимаясь по широкой, покрытой безшумнымъ ковромъ лѣстницѣ, то спускаясь внизъ и отдавая на ходу распоряженія прислугѣ.

— Не пріѣхалъ еще? — спрашивала она милостивую горничную въ темномъ углу.

— Нѣтъ еще.

— Все готово?

— Мало опума, но я послалъ Фрица въ китайское посольство въ Ли-Чиню...

— Прекрасно, но какъ та... наша ревунья-дикарка?

— Плѣчетъ, и никакихъ! — раздала руками горничная: — просится къ мамѣ.

— Дура... — ухмыльнулась жаба гримасой м-ме Розз. — Неужели и подвалъ ее не могъ образумить?

— Надо полагать.

— Позови скорѣе ко мнѣ Макса — раздраженнымъ голосомъ приказала м-ме Розз.

Черезъ нѣсколько минутъ передъ ней предсталъ Максъ, неуклюжий, мрачный, похожий на герилау.

— Пойдемъ со мной! — сказала она ему.

Максъ тяжело, какъ звѣрь, пошелъ за ней.

Прошли рядъ комнатъ и очутились въ маленькой уютной, освѣщенной голубоватымъ свѣтомъ комнаткѣ.

На кровати сидѣла матушкая, лѣтъ двѣнадцати дѣвочка и горько, навзрыдъ плакала.

Она была обнажена, и около нея, на полу, въ беспорядкѣ вадалось шелковое платице и черныя кія туфельки.

Когда вошла м-ме Розз съ страшнымъ звѣроподобнымъ Максомъ, дѣвочка вскоочилась съ крикомъ, закричала острымъ крикомъ, и въ испугѣ хотѣла спрятаться подъ кро-

мать, но подскочил Макс, схватил ее желтыми тисками за ноги, и бросил на пол, ударив ее в спину носком сапога. Девочка с тихим стоном упала на пол, и замолкла. М-те Розз безпокойно нагнулась к ней, прислушалась к биению ее сердца, и, убдившись, что девочка жила, отдала Макс распоряжение: — Отнеси ее в подвал! Когда освети, посжи ее ремнем, но смотри: съж по одному мѣсту, а то изуродуешь ее тѣло полосами. — Съ полосами-то она будет лучше! — ухмыльнулся Макс. — Больше наслажденій г-ну Сычугову... — Будь осторожен! — заботливо добавила м-те Розз. Какъ тонкую бѣлую березку, взвалилъ Макс девочку на плечи, отнес ее въ сырой, мрачный подвал, и положил на земляной аламаный пол, по которому бѣгали крысы...

24.

Сгнѣла часовъ дѣлалась къ двумъ часамъ ночи. М-те Розз вошла въ залъ. Ухлопнула ладонями рукъ, призывая танцующую публику къ вниманию. И когда всѣ умолкли, сказала съ нѣжной заботой матери къ своимъ дѣтямъ: — Дети! Часъ поздній. Пора спать! Въ постельку. А то придетъ полиція, и вашу добрую мамашу м-те Розз посадятъ въ тюрь-

му за развращеніе молдакхъ прывовъ... Не подводите свою мамашу и расходитесь...

Молодежь, нехотя, покидала уютный залъ.

Черезъ часъ домъ м-те Розз опустѣлъ и погасилъ огни.

Полиція, дѣлавшая облаву на тайные кабаки и публичные дома, внимательно приглядѣвшись къ „пансіону“, прошла мимо, успокоенная его молчаніемъ, сномъ и погашенными окнами.

Но только что умолкли шаги полиціи, какъ въ окнахъ пансіона вспыхнулъ робкій огонекъ свѣчи, и къ черному укромному ходу „пансіона“ стали сходиться темныя, озирющіяся по сторонамъ, фигуры, звонили, и безшумно ныряли въ неслышно растворенныя двери.

— Вы, г-нъ Сычуговъ? — таинственнымъ шопотомъ спрашивала въ прихожей м-те Розз.

— Я! — хриплымъ басомъ отъ-чалъ Сычуговъ. — Чѣмъ вы меня сегодня порадуете?

— Порадую, порадую, — отъбѣжала она. — Въ вашемъ вкусѣ. Недавно изъ деревни.

(Продолженіе слѣдуетъ)



= ТАЙНЫ =

НАРВСКИХЪ ПОДЗЕМЕЛІЙ

(Романъ въ двухъ частяхъ).

(Презащудіе номера съ началомъ романа можно получить въ конторѣ газеты)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Въ угарѣ страстей.

25.

Впереди шла со свѣчей м-те Розз. За ней, какъ заговорщики, шли десятка полтора крупныхъ пестербургскихъ богачей, собравшихся сюда весело проводить время.

Пришли въ маленькую комнату, въ которой стоялъ около стѣны большой рѣзной шкафъ.

М-те Розз позвонила.

Въ дверяхъ показались двѣ фигуры высокаго лакея, которые, ни слова не говоря, молча отодвинули шкафъ, за которымъ обѣла небольшая дверь.

Въ дверь гости входили поочередно и спускались по небольшой лѣстницѣ въ подвал-ное помѣщеніе, откуда доносились ласкающіе звуки музыки.

Дошли до высокаго, задрاپированнаго дверей, которая, словно по мановенію волшебной палочки, безшумно растворились, и глазами вошедшихъ представилось зало, мягко освѣщенное глубокимъ свѣтомъ.

Посерединѣ стоялъ сервированный столъ. Цветы. Дорога вина. Вѣсто стульевъ — древнія языческія лавы. Въ глубинѣ зала сцена

закрытая занавѣсомъ, на которомъ вышиты обнаженныя женщины.

Очувившись въ укромномъ, уютномъ мѣстѣ, гости оживились, и стали разсаживаться по мѣстамъ.

Заиграла музыка.

Взвился занавѣсъ.

Обнаженныя, обольстительныя женщины закружились въ вольномъ грѣховномъ танцѣ.

Пресыщенный Сычуговъ лѣниво смотрѣлъ на женщинъ, потягивая крушонъ. Онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ, когда позовутъ его м-те Розз... къ той невинной дѣвочкѣ...

Выпитое вино, обнаженныя женщины создавали ту обстановку, въ которой теряется грань между дозволеннымъ и недозволеннымъ. Посыпались скабрзные анекдоты, шутки. Появилась развязность манеръ. Женщины безцеремонно обнимали мужчинъ. Черезъ какой-нибудь часъ въ низкихъ сводахъ „пансіона“ стоялъ тотъ пьяный угарный шутъ, отголоски котораго долетали до тихихъ ночныхъ улицъ и пугали робаго прохожаго

Но Сычуговъ не былъ веселъ. Последнее время его обуревали мрачныя мысли, отъ которыхъ онъ не зналъ куда убѣжать.

— Забыться... забыться! — дѣл огненной боли твердила его душа.

И онъ, въ винѣ, въ развратѣ топилъ сумасводящую, ни на минуту его не покидающую тоску...

А тоска шла за нимъ, мучила его, и отравляла всѣ радости жизни, которая когда-то улыбались ему, а теперь смотрѣли тоскливо, какъ осенній грязный дорожки...

И вотъ, сейчасъ, несмотря на то, что веселье пѣнилось и кипѣло, какъ вино, онъ мрачно курилъ папиросу за папиросою.

— Что головушку повѣсилъ? — спросилъ его миллионеръ Рыбниковъ.

Сычуговъ грубо отрѣзалъ:

Отстанъ.

Къ нему подходили женщины, пробуя заворожить своими улыбками, но онъ ихъ бросалъ рѣзко и грубо:

— Вонъ убирайтесь!

Къ Сычугову подошелъ лакей и шепнулъ на ухо.

Сычуговъ улыбнулся, поднялся изъ за стола и пошелъ за лакеемъ. Дошли до какой-то двери.

— Здѣсь... — шепнулъ лакей и скрылся.

Сычуговъ открылъ дверь.

Маленькая комната въ сумрачномъ свѣтѣ.

На оттоманкѣ сидѣла дѣвочка въ бѣломъ платьицѣ, которая испуганно смотрѣла на вошедшаго. Слышно было, какъ лихорадочно стучали ея зубки. Дѣвочка встала, заплакала и въ мольбѣ протянула къ нему свои руки.

И когда Сычуговъ увидѣлъ ее, въ бѣломъ, съ протянутыми въ мольбѣ къ нему дѣтскими ручками, имъ овладѣлъ страхъ. Онъ закрылъ лицо руками и попятился назадъ, прошептавъ голосомъ безумія:

— Она!.. Ирина!..

Вспомнилъ призракъ...

Дѣвочка тянула къ нему свои дѣтскія худыя ручки, и чудится Сычугову, ясно чудится, что это не,

она тянетъ къ нему руки, а Ирина, надъ которой онъ совершилъ преступленіе...

Онъ вскрикнулъ, и тяжело рухнулъ на полъ...

Дѣвочка сообразила, что нельзя терять время, и надо бѣжать изъ этого страшнаго дома...

Осторожными крадущимися шагами она вышла изъ комнаты, открыла дверь и стала пробираться къ выходу.

Вошла въ темную комнату, въ которой было открыто окно.

Подойдя къ нему, она благополучно выпрыгнула въ садъ, откуда черезъ желѣзную ограду перебралась на улицу и со всѣхъ ногъ порѣжала прочь отъ этого дома, гдѣ ее такъ мучили злая тетя и дядя...

Навстрѣчу дѣвочкѣ шла полиція. Заинтересовались бѣгушей, босой дѣвочкой въ легкомъ шелковомъ платьицѣ, пуливо озирющейся по сторонамъ.

Остановили

Спросили.

— Откуда ты, дѣвочка?

Она разсказала подробно о томъ страшномъ домѣ, въ которомъ злая тетя заставляла ее голодать въ сырость подвалъ и съж ремнями.

— Покажи намъ этотъ домъ, дѣлая дѣвочка!

Дѣвочка съ готовностью согласилась и повела полицію къ „пансіону“ м-те Розз.

Въ эту ночь не помогла любовь м-те Розз. Съ помощью дѣвочки удалось найти то мѣсто, гдѣ происходили оргіи.

М-те Розз и ея ночные гости были арестованы...

(Продолженіе слѣдуетъ)

ТАЙНЫ

НАРВСКИХ ПОДЗЕМЕЛИЙ

(Роман в двух частях).

(Предыдущие номера с началом романа можно получить в конторѣ газеты).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Важное поручение.

26.

— Вы, товарищ Воеводинъ, должны выкрасть у Н-скаго губернатора списокъ террористовъ, захваченный полицией въ квартирѣ студента Творожника! — говорил Мечъ. — Если вы этого не сдѣлаете, нашимъ товарищамъ грозитъ смерть. Воеводинъ, слегка испугавшись послѣ перенесенной болѣзни, внимательно слушалъ приказаніе и коротко, съ видомъ человѣка готовога идти на все, твердо отвѣчалъ: — Хорошо. Постараюсь послужить партіи!

Изъ короткаго знакомства съ подземными жителями Воеводинъ вынесъ о нихъ самое отрадное впечатленіе. Всѣ они представились Воеводину местными, идейными людьми, готовыми жизнь свою отдать за благо грядущихъ поколѣній, и чѣмъ въ особенности отъяло теребренному его душевному состоянію

такъ это то, что они не щадили тѣхъ, кто топталъ слабыхъ... Радовало Воевотина, что рядомъ съ нимъ хорошій другъ Викторъ, который рѣдко ошибался въ выборѣ хорошихъ людей, радовало и то, что при посредствѣ этихъ безкорыстныхъ идейныхъ людей скорѣе и уточненнѣе можно осуществить свою мѣсть. Близость борьбы, неизвѣданныхъ опасностей, тревожная сладость конспирацій вливали въ душу Воевотина энергію, и хотѣлось какъ можно скорѣе войти въ эту новую жизнь...

Товарищ Мечъ продолжалъ: — Я вамъ предлагаю способъ похитить эти важные документы... Черезъ недѣлю въ Н-скѣ большой традиціонный балъ. Устроительница — сама губернаторша. Она интересная, пикантная женщина. Вамъ не трудно будетъ произвести на нее впечатленіе... Вы съ ней познакомитесь. Безусловно — будете бывать въ ихъ домѣ, я тамъ... тамъ вамъ будетъ все ясно...

Воеводинъ вслухънулъ: — Нѣтъ. Такой способъ для меня неприемлемъ. Я не желаю пользо-

ваться услугами женщины. Я сдѣлаю самъ. У меня созрѣлъ планъ, по которому, думаю, мнѣ удастся захватить документъ...

Мечъ спросилъ: — Какой планъ? — Такой. Вы должны сфабриковать мнѣ удостовѣреніе на имя какого нибудь чиновника петербургской охранной полици, дать нѣкоторую сумму денегъ на которую я могъ бы прекрасно одѣться и задать тонъ... этого важнаго петербургскаго чиновника...

Мечъ просилъ отъ удовольствія. — У васъ, дорогой товарищъ, гениальная голова! Все это будетъ исполнено и вы сегодня же ночью отбудете въ Энскъ. Помните: дѣло серьезное. Въ вашихъ рукахъ сотни жизней, которымъ грозитъ смерть. Я слышалъ отъ вѣрнаго человѣка, что этотъ списокъ черезъ недѣлю будетъ отправленъ въ Петербургъ, и сразу же начнутся аресты... Вы меня поняли? — Понялъ и сознаю всю важность и отвѣтственность вашего порученія!

Мечъ прошепталъ съ тихой отеческой задушевностью: — Помогите вамъ всемогущій Разумъ! Сегодня ночью вы загримируетесь, передѣнетесь и съ курьерскимъ поѣздомъ поѣдете въ Энскъ...

27.

Къ вечеру Воевотину принесли одичавшій, смѣщенный, достроенный, приготовили документъ на имя Василія Па-

вловича Розова, чиновника Петербургской охранной полици, и доверительную бумагу за подписью министра юстици въ которой значилось: «выдать списокъ саратовскихъ террористовъ подателю сего Василію Павловичу Розову».

Документы были сфабрикованы безукоризненно, чисто, безъ всякаго подѣлки.

Воеводинъ удалился въ свою комнату, въ которой при помощи Виктора приступилъ къ гриму...

Черезъ полчаса онъ пришелъ въ общую, но уже передѣтый и загримированный и вызвалъ бурю восторга.

Гримъ былъ удачнымъ. Маленькие закрученные усики Чернышка, эспаньолка, Золотопенсы. Типичный чиновникъ «сердцебѣдъ»...

Ночью тайнымъ ходомъ изъ приземелья, по направленію къ станціи, вышли передѣтые Воеводинъ и Викторъ.

На станци тепло, по дружески распространились. Воеводинъ узнавалъ навстрѣчу новой жизни, поспѣвалъ.

Викторъ долго смотрѣлъ на удалявшійся поѣздъ, беззвучно посылалъ ему свой дружескій помыслъ и думалъ:

— Доканали тебя, мидого, башки снаго, злые люди! Найдеши ты свое счастье въ новой жизни... (Продолженіе слѣдуетъ)

ТАЙНЫ

НАРВСКИХЪ ПОДЗЕМЕЛИЙ

(Роман в двух частях).

(Предыдущие номера с началом романа можно получить в конторѣ газеты).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

У губернатора.

28.

Раннимъ зимнимъ утромъ по улицамъ бойкаго и красиваго города Энска, мягко скользя по чистому, выпавшему за ночь снѣгу, мчалась тройка.

Она домчалась до губернаторскаго особняка и остановилась.

Изъ саней вышелъ высокій, одѣтый въ богатую шубу, Василій Павловичъ Розовъ, по подлинному паспорту Михаилъ Воеводинъ.

Воеводинъ поднялся къ поѣзду. Позвонилъ.

Вышелъ швейцаръ и подобострастно открылъ дверь передъ незнакомымъ, но важнымъ и представительнымъ гостемъ.

Воеводинъ вошелъ въ прихожую, отдалъ засланному лакею свою визитную карточку и сталъ ожидать губернтора.

Время шло медленно. Онъ подошелъ къ окну, и, улыбаясь, думалъ: — Удастся ли мнѣ сыграть роль безсмертнаго Хлестакова? — и тутъ же думалъ: — Откуда это у меня, славянскій мечтательной природы, появились, вдругъ и наглость и хладнокровіе, что у американскаго ковбоя? Коробила мысль: — Хорошо ли я сдѣлалъ, что такъ рано ворвался сюда и поднимаю съ постели губернтора?.. Не лучше было бы остановиться въ гостиницѣ? Успокаивалъ себя: — Это хорошо. Неожиданный пріѣздъ петербургскаго чиновника больше напугаетъ его. Днемъ, почему знать, онъ еще наведетъ обо мнѣ справки, и тогда пиши «пропало», да и къ тому же могу сказать, что ѣду обратнымъ дневнымъ поѣздомъ въ Петербургъ... Ни минуты промедленія!

Въ дверяхъ показался лакей. — Его превосходительство проситъ васъ въ кабинетъ! Воеводинъ пошелъ за лакеемъ.

Въ кабинетѣ ожидалъ маленький, на смерть перепуганный старичекъ, который сдѣлался еще меньше при видѣ внушительной фигуры важнаго петербургскаго чиновника.

Дрожащей рукой онъ пригласилъ гостя сѣсть, и тихо, не скрывая тревоги, спросилъ:

— Чѣмъ могу служить? — Просите, ваше превосходительство, что пришлось побеспокоить васъ въ такой ранній часъ, но что дѣлать... Долгъ службы.. Неотложное дѣло. Некогда даже отдохнуть. Со слѣдующимъ поѣздомъ, который идетъ черезъ три часа, мнѣ надо отправляться въ Петербургъ...

Воеводинъ спокойно сѣлъ, закурилъ, спокойно устремилъ на губернтора свои открытые глаза и тихо, словно сообщая тайну, заговорилъ: — Дѣло неотложной важности, ваше превосходительство... Трону Его Императорскаго Величества угрожаетъ опасность... Лучшіе люди страны звѣрски уничтожаются террористами. Наглость ихъ развивается въ геометрической прогрессіи...

Губернаторъ сочувственно качалъ лысой головой и вздыхалъ.

Воеводинъ все больше и больше входилъ въ роль.

— На тайномъ совѣщаніи вѣрныя слугъ Царя и родины мы постановили принять самыя крутыя мѣры по отношенію къ нашимъ заклятымъ врагамъ... Мнѣ поручено

собрать всѣ списки и всѣ свѣдѣнія о революціонерахъ и въ кратчайшій срокъ представить министру юстици. Намъ извѣстно, что у васъ имѣется списокъ саратовскихъ террористовъ, захваченный у студента Творожника...

— Есть, есть! — отвѣтилъ губернторъ, гаса свой испугъ и облегченно вздыхая: ничего, моль, нѣтъ страшнаго въ неожиданномъ пріѣздѣ петербургскаго чиновника.

Воеводинъ, выдержавъ небольшую паузу, сказалъ: — Г-нь министръ просилъ меня передать вамъ благодарность за энергичные розыски и преслѣдованіе крамольниковъ...

Губернаторъ расцвѣлъ самоодовольной улыбкой и скромно отвѣтилъ:

— Я всей душой готовъ послужить Царю своему и отчизнѣ... — И такъ, ваше превосходительство, я пріѣхалъ къ вамъ за этими списками. Вотъ мой документъ...

Воеводинъ открылъ портфель и вынулъ документъ за подписью министра юстици.

Отъ поспѣшности онъ не замѣтилъ, какъ упала изъ портфеля на коверъ какая-то бумага.

Губернаторъ благоговѣнно пробылъ глазами документъ, быстро, вдругъ, поднялся и пошелъ къ маленькому несгораемому шкафу. Губернаторъ открылъ дверцу шкафа и вынулъ синюю папку, на которой стояло печатными буквами: «Спи-

сокъ саратовскихъ террористовъ... и аручилъ ее Воеводину...

Когда все было окончено, губернаторъ съ милымъ русскимъ радушиемъ предложилъ Воеводину позавтракать и отдохнуть...

До поезда было около часа и Воеводинъ съ удовольствіемъ принялъ предложение губернатора.

Завтракъ приготовили на скорую руку, и когда онъ сѣлъ за столъ въ душѣ у него шевельнулась жалость къ этому доврчивому радужному человѣку, но, вспомнивъ, что въ рукахъ этого человѣка судьба сотенъ людей, Воеводинъ успокоился...

Сердечно распрощавшись съ губернаторомъ, онъ на той же тройкѣ помчался къ станци...

29. Въ канцеляріи Энскаго губернатора кипитъ работа.

Несмотря на то, что было много скучныхъ посѣтителей и скучныхъ дѣлъ отъ которыхъ раньше у губернатора разливалась желчь, въ этотъ день, день пріѣзда петербургскаго чиновника, въ хорошемъ расположеніи духа былъ губернаторъ. Ласкала мысль, что на него въ Петербургѣ обратили внимание, и даже самъ министръ послалъ ему благодарность.

Свѣтло мечталось о повышеніяхъ и наградахъ... Всѣ люди и всѣ дѣла не казались больше ненужными и скучными, и приобрѣли значительность и красочность.

Вошелъ адъютантъ. Поклонился и обратилъ внимание на брошенную къѣмъ-то на полъ бумажку.

Поднялъ ее. Положилъ на письменный столъ и спросилъ:

— Ваша бумажка?
Губернаторъ прочиталъ бумагу, пожалъ плечами и спросилъ:

— Какъ сюда попалъ отпускной билетъ студента Петербургскаго университета Михаила Воеводина? Долго вертѣлъ ее въ рукахъ и ничего не могъ понять.

Вдругъ онъ вздрогнулъ и вспомнилъ, какъ изъ портфеля чиновника Розова выпала какая-то бумага.

Заметались тревожныя мысли: — Что можетъ быть общаго между чиновникомъ Розовымъ и студентомъ Воеводинымъ?

Шевелилось подозрѣніе: — Не аферистъ-ли этотъ Розовъ? Можетъ-быть путемъ обмана и поддѣлки документа онъ выманилъ у меня списокъ террористовъ? Не террористъ-ли былъ у меня? Они на всѣ штуки способны... Народъ хитрый... Вотъ тебѣ и радости!

Губернаторъ схватился за голову и закричалъ вдругъ отчаяннымъ крикомъ:

— Въ погоню!
(Продолженіе слѣдуетъ)



ТАЙНЫ

НАРВСКИХЪ ПОДЗЕМЕЛІЙ

(Романъ въ двухъ частяхъ).

(Прездущіе номера съ началомъ романа можно позучать въ конторѣ газетѣ).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

БЫЩИКИ.

30.

На отчаянный крикъ губернатора съѣжались:

— Въ чемъ дѣло, ваше превосходительство?

Губернаторъ безсвязно объяснилъ:

— Сегодня рано утромъ... подѣ видѣлъ чиновника петербургской охранной полиціи... пріѣхалъ ко мнѣ къте Розовъ... выманилъ у меня списокъ саратовскихъ террористовъ... и уѣхалъ... По его уходѣ была найдена бумага, выпавшая на мою глазахъ изъ его портфеля и удостоверяющая, что онъ не Розовъ, а студентъ Воеводинъ... Террористъ какойнибудь... Боже мой! Что же мы лясъ точимъ... Скорѣе въ погоню!

Изъ безсвязныхъ словъ губернатора кое-что поняли, спросили при-

мѣты и, не теряя времени, сообщили по желѣзнодорожнымъ станціямъ, чтобы задержали нѣкоего Василія Павловича Розова...

Въ купѣ перваго класса сидѣлъ Воеводинъ, углубившись въ газету. Въ отдѣлѣ происшествій, со всѣми подробностями сообщалось о раскрытіи тайнаго публичнаго дома т-те Розъ и арестѣ видныхъ за сегдаевъ этого дома коммерсантовъ Рыбникова, Сычугова и др. Ненавистное имя, отпечатанное на страницахъ газеты, какъ ножомъ, растравило незаживающую, все еще кровоточащую рану...

Онъ думалъ: — Негодяя! Кутить... развратничать... забыться хочешь? Уйти отъ самого себя? Не уйдешь, скотина! Если совѣсть тебя не доконаетъ, я, какъ тѣнь, буду преслѣдовать тебя... и, гдѣ-бы ты ни былъ, я найду тебя и сумѣю посчитать... Проклятый, проклятый!.. — сквозь стиснутые зубы шепталъ онъ, охвативъ руками голову...

Не дожмая маленькаго провинціальнаго городка, въ купѣ вошелъ юркій господинъ. Въжливю раскланялся съ Воеводинымъ, молча сѣлъ, развернулъ газету и сталъ читать.

Отъ глазъ наблюдательнаго Воеводина не ускользнуло, что юркій господинъ бросалъ на него короткіе, подозрительные взгляды, отъ которыхъ становилось неприятно, какъ отъ глазъ слѣдователя...

— Что ему надо? — спрашивалъ себя Воеводинъ. — Не сыщикъ-ли?

Юркій господинъ продолжалъ слѣдить за Воеводинымъ, расширявъ себя большою газетою.

Воеводинъ все больше и больше убѣждался, что этотъ типъ слѣдить за нимъ не спроста. Вѣроятно, въ Энскѣ разузнали его инкогнито и послали въ погоню...

Былъ неприятенъ этотъ выслѣживающій и хищно высматривающій человѣкъ.

Чтобы не видѣть его, Воеводинъ вышелъ на площадку.

Не прошло и пяти минутъ, какъ рядомъ съ нимъ очутился тотъ, — На природу любуетесь? — спросилъ ехидное хихиканье спросилъ тиль.

Воеводинъ не отвѣтилъ. — Далеко изволите ѣхать? — продолжилъ спрашивать тотъ. — Далеко!.. — недружелюбно процѣдилъ Воеводинъ...

— Ожудъ чаете?

Воеводинъ не отвѣтилъ и пошелъ въ купѣ.

Бросилось въ глаза, что пріоткрыта крышка портфеля. Было ясно, что юркій господинъ заглядывалъ туда. Хорошо, что списокъ потайномъ карманѣ...

— Нѣтъ никакихъ сомнѣній! За мной слѣдятъ! — рѣшилъ Воеводинъ.

На площадкѣ стояло двое. Одинъ изъ нихъ сѣлъ по купѣ Воеводина, другой высокой и худощавый. Вполголоса разговаривали.

— Онь... — говорилъ юркій. — Я видѣлъ бумаги въ его портфелѣ.

— Коли онъ, такъ надо встать...

— Не сталь-бы обороняться? Эдоровый дядя. Цѣлую руку расщеврять можетъ... Лучше дождаться до станци, а тамъ, при помощи полици, его и схватимъ...

Не успѣли отвѣчать слова двухъ сыщиковъ, какъ изъ те мощныя сиватили ихъ изъ желѣзными руками и маъ поѣздъ...

Это былъ Воеводинъ. Поѣздъ подходилъ къ маленькому провинціальному городку, гдѣ на была пересадка въ петербургскій поѣздъ.

Воеводинъ вышелъ изъ вагона. Надвисались сумари...

Звонили въ церкви рѣдкимъ величественнымъ звономъ.

До прихода поѣзда два часа. Воеводинъ пошелъ въ городъ, чтобы нанять номеръ въ гостиницѣ и, во избѣжаніе слѣжки, тамъ переселиться и выйти незамѣченнымъ. За Воеводинымъ, какъ по пятамъ, шла черная мужская фигура.

— Слѣдятъ! — подумалъ онъ. Къ этой фигурѣ присоединилось еще нѣсколько человекъ.

Куда Воеводинъ, туда и они. Подошелъ къ церкви, въ которой шла служба, и юркнулъ въ нее.

Было полутемно. Шла исповѣдь. Исповѣдники одинъ за другимъ уходили за ширму.

Блестящая, но рискованная мысль ослѣпила Воеводину.

Онъ рѣшительными шагами направился за исповѣдальную ширму.

Стоялъ священникъ съ добрыми луринскими глазами и тихо прилащивалъ покаяться...

— Святюшка! — зашепталъ Воеводинъ. — Спасите меня... За мной слѣдятъ... Дайте мнѣ возможность переселиться здѣсь парикъ и измѣнить свой гримъ...

Священникъ въ ужасѣ попытаться навада.

— Не могу, чадо. Не могу поводить... За тобой слѣдятъ значиль, ты преступникъ... По долгу, пастьръ

ства, я долженъ передать тебя въ руки правосудія.

И, вотъ, тутъ-то, въ мистической полутьмѣ храма, передъ Крестомъ и Евангелиемъ, Воеводинъ рассказалъ священнику все: какъ у него отняли невѣсту, какъ его арестовали, какъ онъ бѣжалъ изъ тюрьмы, попалъ въ кружокъ революціонеровъ, и какъ онъ похитилъ у губернатора списокъ людей, которымъ грозила смерть.

Священникъ внимательно выслушалъ Воеводину, и, нисколько не усумнясь въ его правдѣ, тихо поглядывая по головѣ склоненнаго передъ аналоемъ Воеводину, ласково зашепталъ:

— Жаль мнѣ, тебя человекъ... Молодъ ты, а сколько перестрадалъ... сколько... Молись Тому, Кто тоже страдалъ, и Кто одинъ можетъ помочь... Вѣрю тебѣ, чадо, ибо нѣтъ лжи въ очахъ твоихъ... Твори свое дѣло, а я обороню тебя... Помогни тебѣ, Христось...

Воеводинъ сорвалъ эпидеиоку, и нацѣпилъ длинную свѣтлую бороду... Поднялъ воротникъ, взялъ у священника благословеніе, и незамѣченный вышелъ изъ церкви...

(Продолженіе слѣдуетъ)



ТАЙНЫ

НАРВСКИХЪ ПОДЗЕМЕЛІЙ

(Романъ въ двухъ частяхъ).

(Полнѣтисе номера съ издательствомъ романа можно получить въ конторѣ газетъ)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

По слѣдамъ.

31.

Въ бирюзовыхъ, предвесеннихъ сумеркахъ, среди талыхъ снѣговъ, мчался къ Петербургу поѣздъ.

Въ вагонѣ III класса, у окна сидѣло двое и подъ шумъ разговоровъ, смѣхъ и визиты гармоникъ вели шопотную бесѣду.

Одинъ изъ нихъ маленький, чернявенькій, похожій на еврея, другой высокой, осанистый, съ длинной сѣдой бородой, какъ у старообрядческаго начетчика, и въ дорогой кулеческой шубѣ.

Маленькій уныло жаловался высокому.

— Тяжелая наша служба. Безпечная. Всѣ-то насъ ругаютъ, сторонятся, а, вотъ, въ нутро-то сыщика заглянуть не желаютъ... Жалованье наше маленькое, а дѣловъ много. А дѣла-то все опасныя. Смерть по пятамъ нашимъ такъ и рыскаетъ. Не успеешь отдохнуть, какъ сейчасъ-же требуютъ: Кашкинъ, сыпь въ Бологое... Послѣди

за такимъ-то... Очей не сомкнешь, такъ вотъ, какъ гончая собака, и рыскаешь... А я, вѣдь, человекъ о монашеской жизни даже очень мечтаю...

Бородатый сочувственно вздыхалъ:

— Чижолва ваша работа...

— И-и! Не говорите, ваше степенство. Вотъ и сейчасъ ѣду до Петербурга... Преступника одного выслѣживаю. Террориста...

— Вѣшать ихъ, чертовъ, надо! — прорычалъ бородатый.

— Именно, вѣшать! Сколько изъза нихъ безпокойства у насъ всякаго. Вотъ къ примѣру вамъ случай: прѣхалъ, этакимъ, столичнымъ орломъ къ Энкскому губернатору чиновникъ особыхъ порученій, выманилъ важные революціонные документы и былъ таковъ. Уѣхалъ. А на чистую вышло, что онъ вовсе не чиновникъ, а террористъ...

— Ахъ, онъ окаянный! — сплюнулъ бородатый съ искренней досадой.

— Да-съ. Словхались. Въ погоны послали. Въ поѣздѣ настигли. Только что арестовать хотѣли, а террористъ-то этотъ самый схватилъ двухъ изъ нашихъ за шиворотъ, да, какъ котовъ, и выбросилъ изъ вагона, среди поля! Вотъ какой

разбойникъ!

— Грѣхи! — кивалъ бородой высокой. — Войстину грядутъ времена антихристовы... А вы куда сейчасъ путь держите?

Чернявенькій отвѣтилъ:

— Къ Петербургу. Случайно, не видакъ, аше степенство, этакое, здоровеннаго, высокаго барина, въ шубѣ, какъ у васъ, и съ ослань-ошкой?

— Не видакъ, къ сожалѣнію не видакъ. Если-бы я его запримѣтилъ, такъ я бы его, окаяннаго... старикъ скрипнулъ зубами: — задушить бы крамольника!

Сыщикъ вдругъ вонзился въ старика. Изумленіе и ужасъ изобразились на его маленькомъ лицѣ. Въ глазахъ загорѣлись бѣглыя, едва уловимыя искорки затененной хитрости.

Старикъ не могъ понять, что случилось съ сыщикомомъ? Почему онъ такъ изумленно взглянулъ на его лицо и быстро перемѣнился?

Сыщикъ посидѣлъ минуту двадцать, поговорилъ о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ, поднялся и быстро вышелъ.

Старикъ, въ котораго былъ передѣтъ и заgrimированъ Воеводинъ, забеспокоился.

Вынулъ зеркало. Заглянулъ въ него и издрогнулъ: наспѣхъ приклеенные усы за исповѣдальной ширмой отклеились и чуть держались... На это-то, вотъ, и обратилъ внимание сыщикъ...

— Я погибъ... — подумалъ Воеводинъ. — Надо спасаться!

Къ Воеводину шли какихъ-то три незнакомыхъ человека подъ пред-

водительствомъ маленькаго, въ фу- какъ котораго поблескивало дуло револьвера.

— Настигли! — пыталась было замататься испуганная мысль, но хладнокровіе Воеводину задушило испугъ.

Не теряя секунды, онъ молниеносно снялъ тяжелую шубу, и, къ ужасу пассажировъ, сильнымъ прыжкомъ перескочивъ черезъ спинку дивана, направился къ двери...

— Стой! — визгливо закричалъ сыщикъ и направилъ дуло револьвера, но быстро спохватился: стрѣлять было рискованно въ вагонѣ до кровей переполненномъ пассажирами, и онъ только пригрозилъ:

— Стрѣлять буду!

— Держите его!

Но тѣ, кто пытался задержать Воеводину, получили отъ него такіе увѣсистые удары кулакомъ, отъ которыхъ леди падали съ глухимъ стономъ и проклятіями.

Воеводинъ выбѣжалъ на площадку. Дверь предсудотительно была заперта.

Оставался одинъ выходъ, броситься съ буферной площадки, но это грозило опасностью попасть подъ колеса бѣшено несущагося поѣзда.

— На крышу! — подсказала мысль.

Воеводинъ схватился за карнизъ крыши, поднялся на мускулахъ и только что хотѣлъ закинуть ноги, какъ кто-то внизу крѣпко уцѣпился за нивъ и стѣль тянуть ниву...

(Продолженіе слѣдуетъ)

ТАЙНЫ

НАРВСКИХ ПОДЗЕМЕЛИЙ

(Романъ въ двухъ частяхъ).

(Прездущіе номера съ началомъ романа можно получить въ конторѣ газеты).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

На мельницѣ.

32.

Нѣсколько сильныхъ рукъ тянули Воевину, не давая возможности подняться на крышу вагона.

Одольвали. Пальцы его все слабѣе и слабѣе держались за карниз вагона.

Думалъ подчиниться силѣ, но вспомнивъ, что его ожидаетъ тюрьма и грозитъ смерть тѣмъ сотнямъ живыхъ людей, что находятся въ похищенномъ спискѣ, Воевину сильнѣе взмахомъ ногъ оттолкнулъ своихъ противниковъ, и, пока они приходили въ себя отъ этого сильнаго удара, онъ съ ловкостью акробата вскочилъ на крышу вагона. Крыша была скользкой, и поми-

нужно опасность грозила Воевину упасть подъ колеса поѣзда.

Поднимался острый порывистый вѣтеръ.

За Воевинымъ поднималась маленькая чернявенькая фигура сыщика.

Онъ визгливо, сквозь порывы вѣтра, кричалъ:

— Сдавайся, а то стрѣлять буду! Воевину вмѣсто отвѣта угрозили ему кулакомъ.

Лицо сыщика исказилось злобой и онъ нажалъ курокъ револьвера. Воевину во время соскочилъ съ крыши въ мягкіе сугробы одинокаго безконечнаго поля.

Слѣдомъ за нимъ прыгнули два сыщика.

Воевину убѣгалъ отъ опасности. Опасность шла по пятамъ и отнимала надежду на спасеніе.

Сыщики не переставали стрѣлять въ него, но по счастью ни одна пуля въ него не попадала.

Надвигались густыя сумерки. Сыщики выбивались изъ силъ и отставали.

Воевину тише пошелъ по ровному вечернему полю.

Густѣли сумерки.

Сколько прошелъ верстъ—Воевину не помнилъ. Ноги ныли отъ усталости. Мечталось объ отдыхѣ. Вдалекѣ мелькнулъ огонекъ. Воевину ободрился и пошелъ ему навстрѣчу.

Небо сіяло звѣздами и ночная тишина сбѣжала землю, когда онъ дошелъ до огонька.

Среди маленькаго березоваго лѣса стояла старая заброшенная мельница.

Неподалеку отъ нея приткнулась кривобокая бревенчатая избушка, въ окнахъ которой и горѣлъ огонь.

Воевину постучалъ въ дверь. Хриплый старческий голосъ испуганно спросилъ:

— Кто тамъ?

— Откройте. Нельзя ли отдохнуть у васъ?

Въ снѣгахъ зашевелились. Открылась дверь.

Съ горящей лучиной вышелъ согбенный старикъ въ тулупѣ.

— Проходи, коли не шутишь, — проламалъ онъ.

Воевину вошелъ въ теплую

избу. Пылала румянымъ жаромъ русская печь и въ котелкѣ кипѣла вода.

Старикъ былъ малоразговорчивъ. Онъ сѣлъ за столъ и сталъ читать толстую старую книгу, не обращая вниманія на гостя.

Прошло около часа.

Старикъ закрылъ книгу. Вздвинулъ. Перекрестился. Повернулъ голову къ Воевину:

— Не хочешь-ли потрапезовать? И, не ожидая согласія гостя, подкрякнувъ молока, масла, принесъ хлѣба и чашку меда.

Сѣли ужинать.

Никогда Воевину не бѣлъ съ такимъ аппетитомъ, какъ сейчасъ.

Былъ молчаливъ старикъ. Было въ немъ что-то отъ схирика лѣснаго, отъ глухого задумчиваго монастыря. Лицомъ былъ ясенъ, озаренный тихой стариковскою мудростью.

Послѣ ужина старикъ сказалъ:

— Отдохнуть хочешь, пойдешь на печь.

Сквозь тихій сонъ, Воевину слышалъ, какъ старикъ, при свѣтѣ свѣчи, долго шопотомъ молился передъ темными старинными иконами.

Подъ тихіе молитвенные шопоты

старика, онъ заснулъ крѣпкимъ сномъ.

33.

— Проснись... — въ испугѣ терзалъ старикъ Воевину. — Бѣда! Проснись скорѣе!

Воевину проснулся.

— Что такое? — спросилъ онъ...

— Стучать въ окно, — лепеталъ старикъ. — Тебя, навѣрное ищутъ...

Воевину насторожился.

Въ окно стучали нетерпѣливыми ударами.

— Полиция! — похолодѣлъ онъ отъ досады. — Спаси меня, дѣдушка,

— обратился онъ къ старику...

— Пойдемъ, пойдемъ, — заторопилъ его дѣдъ. — Спасу... спасу...

Скорѣе только... Иди за мной...

Воевину пошелъ за старикомъ.

— Подними здѣсь крышку... — сказалъ дѣдъ останавливаясь.

Воевину поднялъ крышку погребка.

— Полѣзай туда. Спаси ты, Христосъ, отъ всякаго зла...

И старикъ съ любовью, по отечески перекрестилъ Воевину.

— Не выдалъ бы? — съ недоверіемъ взглянулъ онъ на старика,

но стало стыдно, когда увидѣлъ его тихіе незлобивые глаза, глаза русскаго лѣснаго подвижника.

Воевину спрятался въ погребъ.

Притаился за бочками и слушалъ, какъ сыщики входили въ избу старика, ругались, и разспрашивали о немъ.

Старикъ спокойно отвѣчалъ: — Ничего не вѣдаю... никого не видѣлъ, живу я здѣсь одинъ, и никто ко мнѣ старому не приходитъ!

— Врешь, старикъ! — горячился маленькій сыщикъ. — Здѣсь онъ!

Слѣды къ твоему дому ведутъ...

— Ищите, коли мнѣ не вѣрите...

— отвѣчалъ старикъ.

Сыщики обыскивали избу.

Увидѣли крышку погребка.

— Это что?

— Погребъ, голубчики, погребъ, капуста у меня тамъ, да картофель...

— А вотъ мы посмотримъ, что у тебя тамъ за капуста да картофель!..

Селифановъ, открой крышку... — приказалъ маленькій.

Старикъ повернулся къ образамъ и беззвучно сталъ молиться, со страхомъ ожидая разоблаченія.

— Не допусти Господи... Помоги ему спастись... — съ вѣрой просилъ онъ Бога.

Селифановъ открылъ крышку погребка...

(Продолженіе слѣдуетъ)

= ТАЙНЫ =

НАРВСКИХ ПОДЗЕМЕЛИЙ

(Романъ въ двухъ частяхъ).

(Продолжіе номера съ началомъ романа можно получить въ конторѣ газеты).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

34.

Въ западнѣ.

— Все кончено. Двѣяться некуда. Попалъ, какъ въ волчью яму... — думалъ Воеводинъ, притаившись за высокими бочками и прислушиваясь къ шагамъ сыщиковъ.

— Но бороться буду. Дешево себя не отдамъ!

Сыщики спустились въ погребъ. Чиркнули спичку. Долгими шарящими глазами осматривали сырой темный погребъ, загроможденный бочками, ящиками, мѣшками и старыми хозяйственнымъ скарбомъ.

Стояла тишина выжиданія. Воеводинъ удерживалъ дыханіе, словно могли услышать.

Сыщики, зажигая спичку за спичкой, осматривали каждый уголокъ

погреба, и почему-то обходили высокія бочки, за которыми сидѣлъ Воеводинъ.

— Загляни за бочки! — посоветовалъ маленький.

— Борьба! — рѣшилъ Воеводинъ, но благодаріемъ подсказало спрятаться и сидѣть молча.

По близости лежалъ старый брезентъ.

Стараясь не производить малѣйшаго шороха, онъ покрывлся брезентомъ.

Сыщикъ бѣгло скользнулъ за бочки и сказалъ, досадливо сплевывая:

— Пусто!

— Куда онъ, чертъ, могъ дѣваться?

— Намъ остается одинъ выходъ, идти сейчасъ въ ближайшую деревню, нанять лошадей и гнать до Бѣльскаго тракта. Онъ гдѣ нибудь тамъ. Трактъ ведетъ на Петербургъ.

— А можетъ быть, онъ около

нымъ, Березовской дорогой пойдеть?

— Березовской дорогой не пойдеть. Мѣсто глухое. Пойдеть Бѣльскимъ. Тамъ спросимъ.

Воеводинъ слушалъ и улыбался про себя.

— Спасибо, что сказали, гдѣ пойдете! Эхъ, вы, горе-мученики! Жалко мнѣ васъ, да дѣлать нечего.

Воеводинъ не зналъ мѣста и безпокоился, но теперь, благодаря разговору сыщиковъ, онъ узналъ по какой дорогѣ можно идти, чтобы не попасть въ лапы полиціи.

Крышка погреба захлопнулась.

Воеводинъ облегченно вздохнулъ.

Черезъ короткое время крышка

опять пріоткрылась, но на этотъ

разъ показалась голова старика.

— Живъ, рабъ Божій?

— Живъ, дѣдушка. Твоими молитвами...

— Это тебя Господь спасъ. Любить Онъ тебя и хранить, какъ зѣнцу ока.

— Ушли?

— Ушли, ушли. Вылѣзай скорѣе изъ темницы...

Воеводинъ не зналъ, какъ благодарить добраго старика.

— Я тебя сразу возлюбилъ, — отвѣтилъ старикъ. — Душа у тебя младенческая, хо-орошая, а люди, злобой дышащіе, оскорбили душу твою, и замутилась она выюгой...

Всего тебя вижу, и благословляю и молюсь за тебя. Помоги тебѣ съ нѣла небесная на горькихъ путяхъ твоихъ...

— Откуда ты знаешь все это, отецъ? — удивленно спрашивалъ Воеводинъ, не сводя глазъ съ его тихихъ, лучистыхъ, пронзанныхъ мудростью и провидѣніемъ глазъ.

— Я все знаю. Даль мнѣ Господь вѣдать душу человеческую... А теперь иди... Иди. Не могу остановить шагъ твой, ибо велика твоя боль, велико твое страданіе.

Даль ему старикъ на дорогу указалъ, какъ провизіей, старый тулупъ и шапку, поцѣловалъ его, какъ родного, проводилъ березовымъ утреннимъ лѣскомъ, указавъ дорогу, и на прощанье сказавъ, не то Воеводину, не то себѣ, не то бѣлымъ утреннимъ березамъ:

— И въ преступленіи иногда душа раскрывается...

Станными были эти слова, но онъ глубоко вошелъ въ душу Воеводина, тая свой смыслъ.

Тепло распрощались. Старикъ пошелъ тихими думающими шагами къ своей старой мельницѣ, а Воеводинъ направился окольными путями къ Березовской дорогѣ...

Къ полудню онъ дошелъ до прѣддѣльной корчмы, и рѣшилъ въ ней ловить чаю и отдохнуть.

Вошелъ въ полутемное дымное

помѣщеніе. Было тихо. Въ темномъ углу, за столомъ, сидѣло двое.

Послѣ солнечной весенней дороги Воеводинъ долго не могъ разглядѣть, что за люди сидѣли за столомъ, но, когда глаза пріяснѣли, онъ невольно попятился назадъ:

— Сыщики!

Уходить изъ корчмы не было смысла. Обратять вниманіе, арестуютъ.

Онъ сѣлъ за столъ, заказавъ чаю, и весь ушелъ въ глубокой полушубокъ, словно о чемъ-то думая тяжело и безрадостно.

Сыщики кончили пить чай, расплатились и стали собираться уходить. Поравнялись съ Воеводинымъ. Одинъ изъ нихъ хлопнулъ его по плечу:

— Паря! Не видалъ ли гдѣ по близости человека? Этакое высокое, да здоровенное? Преступникъ онъ. Мы его ищемъ.

Воеводинъ глухо отвѣтилъ.

— Не видалъ, кормильцы. Много всякихъ тамъ высокіхъ да здоровенныхъ.

— Этотъ особенный, на барина похожъ.

Наше мѣсто глухое! — опять отвѣтилъ Воеводинъ: — оарниковъ не видится.

— Такъ, такъ! — задумчиво цѣдилъ сыщикъ, подозрительно осматривая его.

— А не будешь ли ты любезный, тотъ самый, котораго мы ищемъ... Ишь руки-то у васъ какія бѣлыя, не мужичьи. Наконецъ то мы васъ поймали!

Воеводинъ понималъ что онъ попался.

Маленькій сыщикъ полѣзъ въ карманъ за револьверомъ, но не успѣлъ его вынуть, какъ Воеводинъ съ такой силой ударилъ сыщика кулакомъ по головѣ, что тотъ упалъ, разрядивъ револьверъ въ карманъ. Пуля ранила сыщика въ ногу, и онъ завылъ, не то отъ боли не то отъ страха.

Скоро опять поразитъ Васъ Джеки Коганъ въ орднѣ Мальчуганъ изъ Фландріи

Другой сыщикъ при видѣ богатырской фигуры Воеводина попятился и спрятался за столъ.

Воеводинъ быстро вынулъ револьверъ изъ кармана раненаго сыщика, погрозилъ имъ спрятанному другому и, провожаемый круглыми, вышедшими изъ орбиты, испуганными глазами хозяина корчмы, вышелъ на улицу и побѣжалъ къ ближайшему лѣсу...

(Продолженіе слѣдуетъ)

ТАЙНЫ НАРВСКИХ ПОДЗЕМЕЛИЙ

(Романъ въ двухъ частяхъ).

(Предшущіе номера съ началомъ романа можно познать въ конторѣ газетъ)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

35.

У СВОИХЪ.

Гдѣ пѣшкомъ, гдѣ въ крестьянскихъ саяхъ, ночуя въ избахъ и сараяхъ, черезъ большія опасности, Воеводинъ, наконецъ, добрался до Нарвы.

Въ подземелье онъ спустился ночью.

Неходя двери, онъ услышалъ, что обитатели не спали, и о чемъ-то шумно спорили.

Доносились слова:

- Надо свести!
- Но какъ?
- Въ булку запечь напильникъ.
- Трафаретъ Булка разрѣзается тюремной стрѣжей.
- Сдѣлать нападеніе.
- Невозможно. Тюрьмы, гдѣ находятся политическіе преступники, охраняются, какъ августѣйшія особы.
- Наша горсть безсилна.
- Нужна ловкая хитрость.

— Но какая?

— Жалко нѣтъ Воеводина. Онъ, какъ я замѣтилъ, способенъ на геніальныя хитрости... Онъ помогъ бы.

— Кстати, что съ нимъ?

— Трудно сказать... Не арестовали-ли его?

— По газетамъ слышно, что его планъ удался и списокъ террористовъ у него въ карманѣ.

— Молодецъ. Помогъ ему Всеволоду Разумъ „пройти по канату“ черезъ Ниагару...

При послѣднихъ словахъ, распахнулась дверь и къ изумленію и радости появился передъ своими Воеводинъ.

Встрѣтили его вполлудисентами и пѣниемъ „Марсельезы“.

Тѣснымъ дружескимъ кольцомъ окружили его, помогли раздѣться. Женщины быстро наирлили столъ. На радостяхъ поставили шампанское.

За столомъ Воеводинъ, со всѣми мельчайшими подробностями, разсказалъ свои похождения.

Всѣхъ, за исключеніемъ Меча, всегда серьезнаго и хмураго, обуюла мальчишеская радость.

Рыжий Алексѣй закружился въ какомъ-то дикомъ танцѣ.

Евсей восторженно хлопалъ Воеводина по спинѣ:

— Я говорилъ, что онъ геніален! Далеко пойдете, дорогой товарищъ!

Химикъ поражался.

— Это единственно! случай въ нашей революціонной практикѣ, чтобы отъ губернатора—реакціонера чистѣйшей воды въ какихъ-нибудь полчаса выманить документы большой политической важности.

Худошавая, смуглая Вѣра съ коротко остриженными волосами звонко говорила:

— Вы спасли сотни жизней. Будущее вась не забудеть... Вы герои!

Мечъ хмурилъ свои брови. Казалось, что онъ былъ недоволенъ тѣми восторгами, какіе разсыпали Воеводину.

— А у насъ—арестовали Виктора и Бѣлку.. — сказалъ онъ сквозь зубы.

— Виктора?—испуганно выкрикнулъ Воеводинъ. — Моего друга? За что? Какъ они попали?

Мечъ въ краткихъ словахъ разсказалъ:

— Товарищамъ Виктору и Бѣлкѣ было поручено взорвать Ямбургскій желѣзнодорожный мостъ, по которому долженъ былъ прслѣдовать

салонъ—вагонъ премьеръ министръ Попытка не увѣнчалась успѣхомъ. Нагрянула полиція и нашихъ арестовала...

Воеводинъ вскопчилъ въ нервное возбужденіи:

— Товарищи! Что-же мы сможемъ Ихъ надо выручать!

— Легко сказать выручать! буркнулъ Мечъ — Но какъ это сделать? Царская полиція идеальна поставлена. Мы на разные манеры обсуждали этотъ вопросъ, и ни въ чему опредѣленному не пришли.

Воеводинъ съль и задумался.

Высокій чистый лобъ его приоткрылъ глубокую думающую складку, которая дѣлала лицо Воеводина еще болѣе красивымъ и притягательнымъ.

Изъ темнаго угла на него смотрѣла Ольга очарованными глазами.

Смѣлая красавица Ольга, безпрестанно глядѣвшая въ глаза своимъ Воеводину почувствовала на своемъ яснымъ сладостную робость.

Она были безпокойны и полны тревоженнаго женскаго сериозитета. Думы были одни. О немъ. Кривомъ. Сильномъ. Смѣломъ студентомъ. Воеводинѣ, такъ много страдавшемъ. Смѣлая женщина, къ которой ни къ кому, жалости, не имѣющей почувствовала тихую женскую тревогу.

Воеводинъ, такъ много страдавшемъ. Смѣлая женщина, къ которой ни къ кому, жалости, не имѣющей почувствовала тихую женскую тревогу.

Воеводинъ былъ посланъ на ответственное дѣло въ Эстонію. Онъ отвѣтственная за это.

...никого не пережито.
Ольга убѣждала себя, что чувству любви нѣтъ мѣста въ суровой революціонной обстановкѣ, но доводы ея были безсилны.
И вотъ, теперь, когда Воеводинъ думалъ, сдвинувъ свои красивыя брови, она робко любовалась имъ, и въ этомъ безмолвномъ любованіи слышала весну, солнце, смѣхъ, дѣтскія грезы, чьи-то изящные музыкальные стихи...
— Разрѣшите слово! — спросилъ Воеводинъ, прояснивъ отъ тяжелой, напряженной думы.
— Пожалуйста, пожалуйста! — зашуршали голоса и какъ-то инстинктивно люди потянулись къ нему, чувствуя, что этотъ странный, но такой человѣкъ обладаетъ покоряющей силой повелителя.
Мечъ нервно закурилъ папиросу.
— Въ этомъ дѣлѣ, — началъ Воеводинъ, — не помогутъ ни взрывы, ни поджоги, ни вооруженныя нападенія, а можетъ помочь красивая женщина...
— Какъ такъ?
— Женщина! — еще разъ повторилъ Воеводинъ и взглянул на Ольгу.
Она поймала этотъ взглядъ. Потупила свои красивые глаза и почувствовала, какъ необъяснимая радость входила въ ея душу.
— Наша Ольга... Ольга... — за-

нулся Воеводинъ и сконфузился, не зная ея отчества...
Ему подсказали.
— Ольга Владимировна, — развивалъ Воеводинъ свой планъ: — должна разыграть роль дамы — патронессы. Она должна явиться къ начальнику тюрьмы съ маленькими подарками для заключенныхъ... Поговорить съ нимъ. Очаровать его. Дать намекъ, что она неравнодушна къ нему. Передъ красивой женщиной не устоитъ не одинъ мужчина. Тише овцы станеть...
— Кстати! — перебилъ Химикъ, — начальникъ Х. тюрьмы большой ловелась, донъ-Жуанъ...
— Тѣмъ лучше. Ольга Владимировна должна его поймать на удочку. Войти въ довѣріе и освободить нашихъ товарищей...
— Геніально!
— Здорово придумано!
— Какъ вы на это смотрите Ольга Владимировна?
— Я поняла товарища Воеводина и готова пойти на это дѣло! — сказала Ольга. — Жду приказанія отъ товарища Меча.
— Приказываю и благословляю! — отвѣтилъ Мечъ.
Смѣлый планъ въ ближайшіе дни рѣшили привести въ исполненіе...
(Продолжено слѣдуетъ)

Отвѣтств редакторъ В. С. Степунъ.
Издатель М. А. Барановъ.

ТАЙНЫ НАРВСКИХ ПОДЗЕМЕЛИЙ

(Романъ въ двухъ частяхъ).

(Продолженіе повѣсти съ календаремъ рѣшимаго вѣдѣнія изъ кинтофъ саветы).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

36.

Глаза Ирины.

Стоялъ предвесенній вечеръ. Занатное солнце бросало золото лучей въ угрюмый дѣловой кабинетъ Сычугова, озаряя его самого, сидящаго за массивнымъ письменнымъ столомъ, диванъ, стулья, неогоревшій шкафъ и большой золотой образъ Христа съ неугасимымъ огонькомъ лампы.

Предвесеннее вечернее солнце имѣетъ свойство будить въ душѣ неясную радость—радость востѣчи съ весной, цвѣтами, зелеными полями и лѣсомъ...

Сычуговъ былъ радостенъ, но не отъ близости весны, онъ во все времена годъ умѣлъ хорошо и весело чувствовать себя, а отъ близости великаго и радостнаго семейнаго событія...

Единственная дочь его Татьяна выходила замужъ за графа Разумина... За графа!

Давнишняя мечта его породни-

лась съ высокопоставленнымъ лицомъ осуществилась. Дочь его—графиня! Онъ—Сычуговъ, ярославскій мѣщикъ, будетъ принимать въ аристократическомъ салонѣ, какъ свой

Вотъ что значить, голова!—самодовольно думалъ онъ, закуривъ дорогую сигару. — Я достигъ вершины своего счастья. Дѣль-бы, Господи, пожить подольше, порадоваться плодами рукъ своихъ!—Сычуговъ съ рабьей угодливостью взглянулъ на образъ Христа, не выпуская изъ зубъ сигары. — Прощи, Господи, дни мои... Остатокъ жизни моей тебѣ посвящу, Господи... Въ монастырь пойду... Всѣ грѣхи тамъ заглажу... Всѣ...

При послѣднихъ словахъ онъ всталъ съ кресла, подошелъ къ окну и опять самодовольно улыбнулся:

— Ай да Сычуговъ! Съ графомъ породнился... Хе-хе-хе... Татьяна артачится только...—сморщился онъ. — Ну да ничего. Слезы дѣвичьи—вода вечная. Въ одинъ моментъ высохнуть... Снюхалась тамъ... съ какимъ-то композиторомъ—голо-

дранцемъ!—не безъ ненависти думалъ Сычуговъ: ну да со мной шутки плохи. Велѣлъ швейцару съ сегодняшняго дня гнать его въ шею. Повалился къ Татьянѣ ходить. На музыкахъ всякихъ белендрасы расладить.

Долго ходилъ Сычуговъ по дорожному пушистому ковру кабинета, потирая пухляя руки:

— Графъ... Наша Татьяна графиня! О, достань теперь Сычуговъ! Пожить бы только побольше...

Онъ подошелъ къ образу Христа и съ рабьей угодливостью молился о своемъ счастьи. Вдругъ, лицо Сычугова передернулось ужасомъ...

Съ образа глянули на него глаза Ирины...

Онъ вскрикнулъ...

37.

Несчастная невѣста.

Дочь Сычугова, Татьяна была на грани безумія.

Жестокая воля отца выдавала ее милую, умную, за недалекаго и фатоватаго графа Разумина.

Она же, всѣмъ пыломъ своей первой весенней любви, любила небогатаго, но талантливаго молодого композитора Вершинина.

Одна ночь слушала ее душу, переполненную страданіями.

Горе несчастной дѣвушки усугублялось еще тѣмъ, что графъ ее

не любить и женится только изъ за отцовскихъ милліоновъ.

Въ день помолвки ея съ графомъ, она, проходя въ свѣтлою комнату, случайно подслушала разговоръ графа съ извѣстнымъ петербургскимъ купцомъ, барономъ Сибирскимъ. Графъ, пожимаясь, говорилъ: женюсь, Бахъ, по высочайшимъ соображеніямъ... Промотался я вѣдѣть. Сычуговскіе милліоны вѣдѣть не поправятъ мои дѣла.

Все свое горе Татьяна изливала въ слезахъ и въ жалобахъ матери также задавленной тяжелой, материальной жизнью волей своего мужа.

Композиторъ Вершининъ, узнавъ о выходѣ любимой дѣвушки за графа Разумина, въ отчаяніи побѣжалъ въ уѣздный городокъ Х. къ старшей кѣ—матери, гдѣ и рѣшилъ забиться среди тихихъ провинціальныхъ людей.

Но забиться не могъ. Слишкомъ велика была боль. Велика любовь къ чуткой, музыкальной, сердечной Татьянѣ. Онъ плакалъ. Молитвы. Ждаль чуда. Но чудо не произошло. Фактъ совершился. Его будетъ женой графа Разумина. Она не обвиняла ее. Зналъ, что она некорная жертва жестокой воли отца.

Вершининъ, весь, словно стертый изъ симфоніи, не выходя изъ людского шума и гласъ, ждалъ этотъ разъ, къ ужасу своей старшей матери, сталь ходить по улицамъ и приходить домой переполненнымъ. Въ винѣ топилъ свое горе. Ночами игралъ на роялѣ.

началъ въ музыкѣ свою набольшую душу. Искуситель разумъ не показывалъ ему соблазнительную мысль, покончить съ собою. Искушеніе было такъ велико, что онъ рѣшилъ покончить съ собою.

Передъ самоубійствомъ онъ пошелъ въ ресторанъ.

Заказалъ вино.

Видѣлъ и, къ удивленію ресторанный публики, вдругъ, разры-

лся. Вершинину подошелъ молодой человѣкъ въ черной на-

рядомъ съ нимъ, положилъ на плечо руку, и голосомъ истиннаго состраданія спросилъ: а

— О чемъ вы плачете, молодой человекъ? Не могу-ли я помочь вамъ?

Вершининъ взглянулъ на незнакомаго и поразился его глазами.

— Странный, много думалъ и кто имѣетъ чистоту и святость чув-

ствъ. Онъ почувствовалъ къ незнакомцу глубокую симпатію, и рѣшилъ рассказать, что было у него на

Они вышли изъ ресторана и пошли на набережную. Выбрали безлюдное мѣсто и Вершининъ сталъ рассказывать о томъ, какъ онъ полюбилъ Татьяну Сычугову...

— Сычугову?—переспросилъ незнакомецъ и поблѣднѣлъ.

— Да, сычугову?—переспросилъ незнакомецъ и поблѣднѣлъ.

— Да, сычугову?—переспросилъ незнакомецъ и поблѣднѣлъ.

— Да, сычугову?—переспросилъ незнакомецъ и поблѣднѣлъ.

И, когда Вершининъ сказалъ «да», незнакомецъ сжалъ губы, вздрогнулъ, и, чтобы скрыть свое волненіе, сказалъ:

— Свѣжо... Рассказывайте дальше.

— Сычуговъ,—говорилъ Вершининъ,—совсѣмъ обезумѣлъ отъ радости, что его дочь выходитъ за графа...

— Радуетесь?—переспросилъ незнакомецъ, и нервно сталъ курить папиросу за папиросой.

Незнакомецъ, которымъ былъ Воеводинъ, искренно и близко принялъ къ сердцу боль Вершинина, такую знакомую ему самому, и рѣшилъ помочь ему:

— Будьте покойны, молодой человекъ!—сказалъ онъ, крѣпко сжимая руки Вершинина.—Я понимаю васъ. Я самъ страдалъ. Ваша невѣста не будетъ женой графа. Она будетъ ваша. Ждите радостныхъ для васъ событій. Не горюйте. Возьмите себя въ руки!

Вершининъ прояснѣлъ, сообщилъ свой адресъ и не зная какъ благодарить этого незнакомца...

Они тепло распрощались...

(Продолженіе слѣдуетъ)



ТАЙНЫ

НАРВСКИХ ПОДЗЕМЕЛИЙ

(Романъ въ двухъ частяхъ).

(Предуказіе номера съ началомъ романа можно получить въ конторѣ газеты).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

38.

Пасха въ нарвскихъ подземельяхъ.

Наступала Пасха.

Вся земля, отъ робкихъ незамѣтныхъ подсѣжниковъ до большихъ городовъ, принимала иную душу, иные слова, другія краски, такъ не похожія на будничныя.

Темно-синяя, осянная звѣздами, Святая ночь встала надъ Нарвой.

Массивные удары соборнаго колокола пѣли о красотѣ и значительности наступившей Святой ночи. Церкви горѣли яркими праздничными огнями.

Въ самыхъ угрюмыхъ и маленькихъ углахъ города чувствовалось

дыханіе праздника.

Никто не засыпалъ въ эту ночь.

Только въ нарвскихъ подземельяхъ было мрачно, особенно мрачно, потому что угрюмый глава террористовъ Мечъ, учитывая власть и обаяніе этого праздника надъ человеческими душами безъ различія убѣждений, рѣшилъ бойкотировать этотъ праздникъ и издавъ распоряженіе ничѣмъ не отмѣчать его. Сознательный, по его взглядамъ, революционеръ обязанъ быть врагомъ всякихъ религіозныхъ культовъ.

Власть старыхъ традицій, привычекъ въ дѣтствѣ, сильна. Душа разрывается отъ огненной боли, когда отсѣнаете ее отъ прошлаго, наполненнаго свѣтлыми воспоминаніями о траурныхъ страстныхъ дняхъ, о выносѣ пещаницы, о бѣлизнѣ и торжественности пасхальной заутрени.

Эту власть особенно остро почувствовалъ Воеводинъ, воспитавшійся въ тихой патриархальной семьѣ, строго выполнявшей всѣ обычаи старины.

Пасхальная ночь Воеводина была ночью воспоминаній о старушкѣ матери и Иринѣ...

Въ прошломъ году онъ встрѣчалъ Пасху вмѣстѣ съ ними.

Былъ счастливъ, а теперь... затравленный, одинокій, страдающій въ этихъ мрачныхъ могильныхъ подземельяхъ...

Воеводинъ поднялся съ постели. Пошелъ въ „общую“ комнату.

Мракъ. Тишина. Зажегъ спичку, и вздрогнулъ. Около стола въ глубокой задумчивости сидѣла Ольга.

— Это, вы Ольга Владимировна?

— Я...

— Что вы здѣсь дѣлаете?

— Такъ. Грустно что-то. Отъ чего? Не знаю.

Воеводинъ зажегъ свѣчу.

— Мнѣ тоже не спится, — сказала она. — Безпокойно...

— Свѣтлое Воскресеніе... — задумчиво прознесла Ольга и, словно испугавшись чего-то, нахмурилась:

— Все это пустякъ. Фикція. Дурманъ.

Воеводинъ отвѣтилъ: — Не правда. Вы не вѣрите мнѣ, что говорите. На дуэли у насъ, я понимаю вашу тоску эту ночь...

Ольга склонила голову.

— Знаете что? — тихо спросилъ Воеводинъ.

Ольга подняла глаза.

— Пойдемте сейчасъ на кладбище. Можетъ быть и мы, одинокие, вверженные, замученные сумасшедшимъ, замученные сумасшедшимъ, почувствуемъ на минуту праздникъ. Кто тоже страдалъ? Вы слышали?

Ольга съ радостью согласилась.

Слегка заgrimировались, помылись и тихо, запаснымъ помытымъ ходомъ, прошли черными улицами Нарвы и выльзали около лѣсной кинутаго на берегу рѣки.

Сѣли на опрокинутую лѣсную молча слушали, какъ дождь стучитъ въ листву, какъ гудѣтъ весенній шумъ и какъ звенитъ городъ колоколами...

(Продолженіе слѣдуетъ)



ТАЙНЫ

НАРВСКИХ ПОДЗЕМЕЛИЙ

(Романъ въ двухъ частяхъ).

(Предуказіе номера съ началомъ романа можно получить въ конторѣ газеты).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

39.

Баронесса Талль.

— Ваше благородіе! Дама желаетъ васъ видѣть по дѣламъ благотворительности, — докладывалъ надзиратель Петровъ начальнику Х— тюрьмы Федору Халтурину.

Гони ее въ шею. Некогда съ ними тутъ возжались! — басовито отвѣчалъ Халтуринъ, нескладнаго роста, высокій, съ неизменно выпуклымъ животомъ. Съ виду слабый и добродушный.

— Никакъ невозможно. Дамочка напористая, не выгонишь, и съ обличья какъ будто аристократическаго происхожденія.

— Аристократка? — поднялъ брови Халтуринъ. — Молода?

— Шикарная женщина, ваше благородіе. Глаза — звѣзды. Станъ — королевскій. Увидишь — обомлѣешь. Такія женщины только на картинахъ водятся.

Глаза Халтурина заискрились. Разглядилъ пушистые сѣдые усы. Поплевалъ на руки, примаслилъ

рѣдкіе щетинистые волосы и, заглянувъ въ маленькое зеркальце, сказалъ:

— Пусть войдетъ.

Въ кабинетъ начальника Х. тюрьмы не вошла, а впрорхнула весенней птичкой стройная брюнетка въ синемъ весеннемъ костюмѣ. Молодая и красивая, изящная и улыбающаяся, она наполнила угрюмые стѣны кабинета тѣмъ милымъ, волнуемымъ женскимъ щебетомъ, отъ котораго становится весело, молодое и хочется дѣлать глупости.

Халтуринъ растаялъ. Обаяніе молодой женщины было слишкомъ велико.

Очаровательная незнакомка, съ мѣста въ карьерѣ, сѣла на письменный столъ и стала объяснять причину ея неожиданнаго визита:

— Я баронесса Талль. Пріѣхала къ вамъ, милый господинъ начальникъ, чтобы вручить скромные подарки вашимъ узникамъ. Надѣюсь, вы ничего не будете имѣть противъ?

— Что, вы, баронесса... Пожалуйта...

— Только... — баронесса нахмурилась и, сдѣлавъ небольшую паузу, добавила:

— Я хочу, чтобы мои подарки доставились всѣмъ, за исключеніемъ политическихъ преступниковъ...

— Баронесса свернула глазами!

— Я ихъ ненавижу! Они убили въ Казани моего роднаго брата.

— Я понимаю ваше возмущеніе!

— сказала Халтуринъ.

— Какъ я ненавижу этихъ предателей, крамольниковъ моей родины! — въ страстномъ возмущеніи говорила баронесса, сжимая свои маленькіе изящные кулачки.

— Къ политическимъ преступникамъ мы удвоили строгость. Скоро, за каждую незначительную вину передъ родиной, мы будемъ вѣшать ихъ, какъ собакъ безъ суда и слѣдствія?

— Давно пора. Только драконовскими мѣрами можно избавиться отъ ихъ разбойничьихъ выходовъ. А скажите, у васъ въ тюрьмѣ много политическихъ?

— Человѣкъ десять наберется, но эти больше пѣшки. Есть два болѣе крупныхъ и опасныхъ звѣря... Личность ихъ мы не можемъ выяснитъ... Попытались взорвать желѣзнодорожный мостъ, по которому долженъ былъ прослѣдовать салонъ-вагонъ премьера — министра...

— Что вы? — поражалась баронесса: — какой ужасъ! Какая наглость... А почему вы ихъ сразу не повѣсили?

— Жду со дня на день распоряженія.

— Жаль, очень жаль. Ихъ надо убивать на мѣстѣ преступленія. Я

что, гнѣздь начальникъ, могу я имъ посмотрѣть? Я никогда въ жизни не видѣла опасныхъ преступниковъ...

— Но... баронесса, — пробормоталъ Халтуринъ.

— Никакихъ но, ведите меня въ тюрьму. Я хочу на нихъ посмотрѣть.

— и при этомъ баронесса такъ пристально посмотрѣла на Халтурина, что тотъ покорно и подумалъ съ легкой досадой:

— Вотъ, женщины!

Они шли длиннымъ корридоромъ, мимо прочныхъ дверей.

Остановились передъ одной изъ дверей.

— Загляните въ окошко...

Баронесса взглянула.

— Видите что нибудь?

— Ничего не вижу. А что можете мнѣ къ нимъ? Поговорить? Дѣлать пытку. Я очень люблю новыя чатлѣнія.

Начальникъ поморщился, но не сказалъ быль не въ силахъ.

Открылъ дверь камеры и стѣлъ баронессу, посидѣвлю у себя:

— Что тутъ съ ней подѣлалось? Такая женщина въ адъ увести не можетъ. А хороша она чертъ въ мнѣ... — вздохнулъ Халтуринъ и въ ожиданіи ея стѣлъ проламывалъ по корридору.

(Продолженіе слѣдуетъ)

ТАЙНЫ НАРВСКИХ ПОДЗЕМЕЛИЙ

(Романъ въ двухъ частяхъ).

(Предмудрѣе повѣра съ началомъ романа можно получить въ конторѣ телеграфъ)

40.

Въ сѣтяхъ очарованія.

Викторъ и Бѣлка изумились, когда увидѣли передъ собой Ольгу Владимировну.

— Какъ вы попали сюда? — въ одинъ голосъ спросили ее.

Ольга приложила къ губамъ палецъ:

— Тише. Я выдаю себя за баронессу Талль... хочу спасти васъ...

— Но это нѣтъ, безуміе!

Ольга молча вынула изъ кармана платно связанный небольшой пакетикъ и вручила Виктору:

— Не падайте духомъ. Больше хладнокровія. Иного способа спасти васъ нѣтъ... — и быстро вышла изъ камеры:

— Какіе отвѣщенные мерзавцы! — безразлично и возмущенно обратилась она къ поджидавшему ее начальнику тюрьмы.

— Ни на одинъ вопросъ они мнѣ не отвѣчали. Невѣжи. Мужланъ...

— Даже ваше очарованіе не могло воздѣйствовать на нихъ и развѣщать ихъ языкъ...

Баронесса обиженно пожала плечами:

— Представьте... Ничего не по-

могло... Противный народъ — революціонеры... Скажите, г-нъ начальникъ, ихъ хорошо охраняютъ?

— Очень даже!

— То-то... Давно пора. А то наше правительство любить съ ними церемониться.

— Вотъ-бы васъ министромъ сдѣлать, баронесса! — смѣясь, повнутилъ Халтуринъ.

— О! Я бы показала! — сжалъ кулачки, сверкнула глазами баронесса. — А скажите, начальникъ, ваша тюремная стража внимательно слѣдитъ за окномъ ихъ камеры?

— Безполезно слѣдить...

— Почему? — удивилась баронесса, строго сдвинувъ брови.

— Окно политическихъ преступниковъ очень высоко. Стѣна отвѣсная безъ карниза. Безъ лѣстницы спуститься нельзя. Пути къ бѣгству отрубаны. Да и къ тому-же желѣзныя рѣшетки сдѣланы прочно, и никакія гигантскія руки ихъ не сломаютъ. Отъ преступниковъ мы отобрали все, что можетъ способствовать бѣгству. Никакихъ свиданій съ ними мы рѣшили не допускать.

— А меня пустили? — кокетливо улыбнулась баронесса.

— Для васъ сдѣлали исключеніе...

— почтительно склонился Халтуринъ.

Передъ тѣмъ какъ войти въ кабинетъ Халтурина, баронесса, вдругъ, сдѣлала грустное лицо:

— Знаете что, господинъ начальникъ? Мнѣ нѣтъ города, не нравятся...

— Почему?

— Скучно. Интеллигенція мало. Сходить некуда. Приходится до утра нѣтъ побѣда кинуть въ ванныхъ противныхъ гостиницахъ...

На лицѣ Халтурина вспыхнула радость и добродушная готовность помочь очаровательной баронессе.

Сперва робко, налетающими мимикой, а потомъ болѣе смѣло онъ предложилъ ей:

— Баронесса... Если не побрезгуете скромнымъ начальникомъ тюрьмы, я готовъ, по мѣрѣ силъ своихъ и способностей, расставить вашу скуку...

Баронесса счастливо улыбнулась и протянула Халтурину въ знакъ благодарности свою маленькую изящную ручку.

— Когда можно ожидать моего хорошаго вѣрнаго рыцаря? — спросила она.

— Если разрешите, я вечеромъ заѣду къ вамъ... Вы гдѣ позволяли остановиться?

— Въ гостиницѣ «Метрополь».

— Слушаюсь.

Баронесса тепло распрощалась и ушла.

Халтуринъ былъ очарованъ ею и, несмотря на то, что его ожидали дѣла, въ радостномъ возбужденіи ходилъ во кабинету и мысленно молилъ родной овертокъ.

41.

Пакетъ.

Не успѣли растаять тонкіе туманные духи «баронесса Талль» какъ Викторъ, соблюдая всѣ предосторожности, распустилъ пакетъ, врученный Ольгой Владимировной.

Въ пакетѣ была веревочная сумка, острая механическая пилка, небольшая кисточка, несколько листовъ бумаги, легкая расширяющаяся резиновая трубка, маленькій резиновый насосъ и письмо на тонкой папирусной бумагѣ слѣдующаго содержания:

— Бѣгите къ лѣсу. Ожидаемъ васъ. Наши такія же неподалеку отъ тюрьмы. Не бойтесь. Вашу сторону мы знаемъ.

— Смильбе...

Радость и благодарность обхватили Виктора и Бѣлку.

Къ счастью надлежная обстановка дождей и тумановъ была въ вечеру, черезъ дѣрзкое окно заключенныхъ подела уличить.

Бѣлка заглянулъ въ окно. Ничего не было.

— Дѣйствуй... — шепотомъ сказалъ Викторъ.

Викторъ сжалъ руку и протиснулся къ рѣшеткѣ механической пилки.

Легко, быстро, вѣрно, шумъ его раскатылъ за стѣной.

— Смильбе или Викторъ? — спросилъ въ мозгу беззастѣливый надзиратель. За дверями, вдали, пошевелились шаги...

Викторъ и Бѣлка вскрикнули.

(Продолженіе слѣдуетъ)

ТАЙНЫ НАРВСКИХ ПОДЗЕМЕЛИЙ

(Романъ въ двухъ частяхъ).

(Предмудрѣе повѣра съ началомъ романа можно получить въ конторѣ телеграфъ)

42.

Ночью.

Вечеромъ, какъ было условлено, Халтуринъ заѣхалъ въ гостиницу «Метрополь» за баронессой и увезъ ее къ себѣ на квартиру, помѣщавшуюся въ зданіи тюрьмы.

Халтуринъ разошелся и на послѣдніе деньги закатилъ такой пиръ, что баронесса ахнула и съ шутилкой укоризной погрозила ему пальчикомъ:

— Это уже лишнее, г-нъ начальникъ!

— Ничего подобнаго, баронесса. Вы у меня рѣдкій гость, а поэтому прошу не побрезговать моимъ гостеприимствомъ, и къ тому-же на дворѣ непогода... Дѣваться вамъ некуда...

Баронесса взглянула въ окна. Лилъ проливной весенній дождь. По осеннему было темно и вѣтряно.

Она облегченно вздохнула и съ радостью додумала, что Виктору и Бѣлкѣ, имѣя нѣмного лучше, можно

бѣжать изъ тюрьмы.

Въ уютной обстановкѣ, за прекраснымъ столомъ, подъ домовитое полыханіе огня въ комнатѣ, баронесса чувствовала себя прекрасно. Смѣялась, шутила и безпрерывно подливала вино въ бокалы Халтурина.

Черезъ какой-нибудь часъ Халтуринъ былъ настолько пьянъ, что ничего не соображалъ и голова его безпомощно опускалась на столъ.

За дверями, вдругъ, послышались шаги.

Въ дверь постучали.

— Кто тамъ, войдите! — сказала она.

Вошелъ телеграфистъ.

— Телеграмма!

Баронесса расписалась, и, пока Халтуринъ храпѣлъ, она вскрыла ее.

Двухъ политическихъ, пытавшихся взорвать мостъ, утреннимъ поѣздомъ препроводить въ Петербургъ — стояло въ телеграммѣ.

Баронесса спрятала телеграмму за карманъ.

Шла ночь.

Баронесса въ безпокойствѣ ходила по кабинету.

— Спаслись-ли? — думала она, заглядывая въ окна.

Вдругъ, по корридору застучали шаги тюремной охраны и раздался громовой окрикъ:

— Убѣжали съ 3-го номера... За мной, пока не поздно!

Въ квартиру Халтурина въбѣжалъ надзиратель тюрьмы и, теребя его за плечи, кричалъ ему въ ухо:

— Ваше благородіе! Проснитесь... Убѣжали! Важные преступники!

Въ отвѣтъ Халтуринъ только мычалъ.

— Въ чемъ дѣло? — спросила баронесса. — Неужели эти мерзавцы убѣжали?

Глаза ея сверкнули ненавистью.

— Представьте себѣ. Сами поражаемся, какъ только они могли ударить?

— Знаете что! — въ рѣшимости схватила она надзирателя за руку. — Съ вами-и начальникомъ каша все равно не сварится... Пойдите со мной. Я постараюсь быть вамъ полезна...

— Но, баронесса...

— Никакихъ «но». Я сама ненавижу этихъ г-гъ анархистовъ! Дано вамъ слово баронессой Талль, что я нападу на ихъ слѣдъ... Я не разъ помогала полиціи въ поимкѣ важныхъ политическихъ преступниковъ. Я работала идейно, движима любовью къ своей родинѣ и

къ моему родному брату, который палъ жертвой террористическаго акта...

Въ глазахъ баронессы было столько возмущенія, рѣшимости и искренности, что надзиратель повѣрилъ ей.

Баронесса быстро переодѣлась въ непромокаемое пальто Халтурина, и въ сопровожденіи надзирателя тюрьмы вышла на дворъ, гдѣ въ темнотѣ стояли солдаты, готовые пуститься въ погоню.

Баронесса съ ловкостью кавалериста вскочила на лошадь и повела за собой солдатъ окольными путями, минуя лѣсъ, гдѣ скрылись Викторъ и Бѣлка.

Часа два она водила за собой людей, пока не привела ихъ въ другой лѣсъ, старинный и дремучій.

Люди бросились въ распыленіе. Поиски не увѣнчались успѣхомъ.

Усталые и промокшіе они рѣшили повернуть къ тюрьмѣ...

— А гдѣ-же баронесса? — спросилъ у солдатъ надзиратель...

— Не видѣли мы.

— Ва-рр-о-о-несса!! — кричали въ темную чашу лѣса...

Никто не откликнулся.

Баронесса словно въ воду канула. Крикнули еще разъ, и, не получивъ въ отвѣтъ ничего, мръщась угрюмые и злые стали возвращаться обратно...

(Продолженіе слѣдуетъ)

= ТАЙНЫ =

НАРВСКИХ ПОДЗЕМЕЛИЙ

(Романъ въ двухъ частяхъ).

(Предмудріе номера съ началомъ романа можно получить въ конторѣ газеты.)

43.

Смѣлый планъ.

Вершининъ, поздно ночью, окончивъ свою новую композицію „Отчаяніе“, только что собирался лечь спать, какъ, вдругъ, за дверями позвонили.

— Кто здѣсь? — спросилъ онъ.
— Откройте. Вашъ новый другъ.
Голосъ высокаго, милаго господина, который подошелъ тогда къ Вершинину въ ресторанѣ, когда онъ былъ на грани безумія и смерти!.. Обрадовался его ночному визиту и раскрылъ дверь, пропуская въ комнату Воеводина въ черномъ пальто, съ высоко поднятымъ воротникомъ.

При свѣтѣ свѣчи, за тихо поющимъ сакаваромъ, быстро приготовленнымъ Вершининымъ, Воеводинъ коротко сказалъ:

— Завтра ѣдемъ съ вами въ Петербургъ.

— Въ Петербургъ? — не помня себя отъ радости, переспросилъ Вершининъ.

— Неужели вы намъ можете?

— Помогу! — рѣшительно сказалъ его собесѣдникъ.

— Но, какъ?

— Слушайте внимательно. Въѣздъ съ нами ѣдутъ два моихъ друга. Чуткіе интеллигентные люди. Они будутъ помогать намъ. Вы должны предупредить вашу невесту, чтобы она въ день свадьбы смѣло ѣхала въ церковь...

— Въѣздъ съ графомъ? — поблѣднѣлъ Вершининъ, до боли стискивая зубами губы...

— Да. Съ графомъ!.. — также спокойно повторилъ Воеводинъ. Вершининъ совсѣмъ опустилъ руки.

— Не пугайтесь. Въ церковь вы ее будете ѣхать, какъ женихъ...

— А какже графъ?

— На время вѣнчанія мои люди постараются его спрятать...

— Но, позвольте... Свадьба Сычуговой съ графомъ Разуминнымъ злоба дня Петербурга... Церковь будетъ полна, народомъ. Обманъ слишкомъ ясенъ.

— Вы должны уговорить вашу невесту, чтобы она настаивала на свадьбѣ при закрытыхъ дверяхъ и безъ электрическаго свѣта. А иначе, пусть скажетъ своему отцу, я не ѣду вѣнчаться и оскандалию тебя передъ вѣсьмъ свѣтомъ... При желаніи, всякая женщина можетъ настоять на своемъ. Со своей стороны, пусть она воздействуетъ и на графа въ этомъ-же направленіи.

— Слишкомъ смѣло!.. — улыбнулся Вершининъ. — Ну, да, ладно. Смѣлымъ Богъ владѣетъ! Будемъ бороться.

— Боритесь, молодой человекъ. Не опускайте рукъ. Это не выгоритъ, такъ другое попытаемъ, но ваша невеста не будетъ женой графа!

— Благодарю васъ, благодарю!..

— Итакъ, господинъ Вершининъ, мы завтра ѣдемъ въ Петербургъ.

— Ѣдемъ, ѣдемъ! — юношески весело воскликнулъ Вершининъ и улыбнулся.

Чѣмъ кончится это смѣлое, рѣдкое въ наши дни предпріятіе покажетъ будущее.

44.

Разговоръ съ Татьяной.

По прибытіи въ Петербургъ, Вершининъ встрѣтился съ Татьяной и повѣдалъ ей все, что было рѣшено съ Воеводинымъ.

Татьяна была грустна, недовѣрчиво качала головой, но по мѣрѣ развитія плана лично ея прояснилось и въ глазахъ загорѣлись огоньки рѣшимости.

— Хорошо, милый! Я сдѣлаю все. Богъ поможетъ намъ обвѣнчаться. Я не боюсь отцовскаго гнѣва, ни общественнаго мнѣнія, ни скандала. Ничего. Я люблю тебя, а объ остальномъ не хочу думать. Но кто этотъ добрый человекъ, который хочетъ помочь намъ?

— Онъ ничего не говоритъ о себѣ. Но мнѣ кажется, что онъ пережилъ глубокую драму. Если-бы ты видѣла его глаза! Какіе они у него глубокие. Сколько въ нихъ отразилось страданія.

— Милый?.. — робко спросила Татьяна, покраснѣла и потупилась.

— Что, родная?

— А убійства не будетъ?

И въ глазахъ ея вспыхнулъ ужасъ.

— Что ты? Ничего не будетъ. Онъ просто сумѣетъ его спрятать въ время вѣнчанія...

— Ахъ, какъ было-бы это хорошо! Вершининъ спросилъ:

— Когда будетъ ваша свадьба?

— Черезъ недѣлю.

— Если намъ, милая, счастье не достанется легко, какъ многимъ мы должны его завоевать. Правда?

— Правда, милый. Будемъ за все свѣтать наше счастье...

(Продолженіе слѣдуетъ)

= ТАЙНЫ =

НАРВСКИХ ПОДЗЕМЕЛИЙ

(Романъ въ двухъ частяхъ).

(Предмудріе номера съ началомъ романа можно получить въ конторѣ газеты.)

45.

Рискованное дѣло.

Прошла недѣля. Люди Воеводина узнали, гдѣ живетъ графъ Разуминъ и даже въ одномъ изъ кабаковъ Петербурга успѣли завязать знакомство съ графскимъ шофферомъ Петровымъ. Обдумали всѣ мелочи и приступили къ рискованному дѣлу.

Въ день, когда было назначено вѣнчаніе графа съ Сычуговой, въ квартиру шофера Петрова пришелъ Бѣлка и, празднично улыбаясь, сказалъ:

— Поздравляй меня. Сегодня я именинникъ.

— Съ ангеломъ! — поздравилъ его Петровъ и при этомъ тяжело вздохнулъ.

— Что вздыхаешь?

— Да какже! Сейчасъ пошли-бы, день ангела твоего отпраздновали...

— За этимъ я, дружище, и пришелъ. Собирайся!

— Никакъ не могу! — съ огорченіемъ развелъ шофферъ руками.

— Сегодня барина въ церковь отвозить надо. Вѣнчается онъ съ дочерью Сычугова. Черезъ часъ отвозить надо.

Бѣлка махнулъ рукой.

— Цѣлый часъ. Время цѣлый чемоданъ. Успѣешь. Пойдемъ въ „Золотой край“. Выпьешь за именинника и пойдешь. Не уважишь мою просьбу — дружба наша врозь...

Шофферъ поколебался немного, махнулъ рукой и рѣшительно сказалъ, одѣваясь въ шофферскую кожаную куртку и фуражку:

— Пойдемъ. На полчаса можно друга уважить.

Въ отдѣльномъ кабинетѣ кабачка ожидали за батареей бутылка Виктора и маленький коренастый человекъ въ рабочей блузѣ.

Сѣли за столъ.

Уютъ кабинета, выпитое вино, веселье товарищей заражали, захватывали и отодвигали время.

Шофферъ размякъ. Ничего не хотѣлось дѣлать. Никуда не хотѣлось уходить. Прошло полчаса, а онъ не поднимался съ мѣста, пѣлъ пѣсни, блаженно улыбаясь и старался всѣмъ дѣловать.

Викторъ и Бѣлка, не переставая, подливали въ его стаканъ водку и пиво.

Въ то время, когда охмелѣвшій шофферъ пробовалъ пуститься въ плясъ, Викторъ всыпалъ въ его стаканъ сонный порошокъ.

Послѣ выпитаго стакана шофера одолѣлъ крѣпкій сонъ... Его уложили въ кровать.

Викторъ, съ помощью Бѣлки и человека въ рабочей блузѣ, снялъ съ Петрова кожаную куртку, одѣлся въ нее и быстро пошелъ къ особняку графа Разумина.

Вошелъ въ шофферскую комнату, нашелъ ключи отъ гаража, выкатилъ парадный автомобиль къ подъезду и сталъ ожидать графа.

Черезъ четверть часа вышелъ графъ въ сопровожденіи шафера, сѣлъ въ автомобиль и коротко бросилъ шофферу:

— Въ церковь.

Викторъ далъ полный ходъ, увозя ихъ черезъ другія улицы и минуя церковь.

— Куда ты ѣдешь? — кричалъ графъ.

Викторъ не отвѣчалъ, продолжая развивать бѣшеный ходъ автомобиля.

— Остановисъ!

Ѣхали глухими петербургскими улицами.

Викторъ повернулся къ сидящимъ и угрожалъ имъ револьверомъ.

У графа округлились глаза отъ ужаса:

— Кто вы? Гдѣ мой шофферъ? Послѣ часовой бѣшеной ѣзды

автомобиль, наконецъ, остановился на окраинѣ города, около кривобокой избы.

Изъ дверей избы выходило три человека, просто одѣтыхъ.

Викторъ открылъ дверцу автомобиля и вѣжливо попросилъ графа и шафера — длиннаго костюма молодого человека:

— Могу я просить васъ на время въ эту избу?

Графъ поблѣднѣлъ и попытаться назадъ.

— Что вы отъ меня хотите?

— Не бойтесь, графъ. Вамъ ничего не будетъ. Вы побудете здѣсь до полуночи, а потомъ, даю вамъ честное слово, я васъ провожу до дома.

— Я не хочу! — запротестовалъ графъ. — Отпустите меня! Я буду звать полицію!

— Тогда я долженъ буду пригнать силу... Эй, ребята! — крикнулъ Викторъ.

Графъ смирился и молча пошелъ въ старую избу.

Разумина и его спутника посадили въ отдѣльную, полуоткрытую комнату и приставили у дверей двухъ сильныхъ, вооруженныхъ людей.

46.

У Сычугова.

Сычуговъ былъ пораженъ свѣтлой душой радовался:

— Слава Богу! Поплакала, а потом поумишля. Графиней-то быть каждой лестно... А то, дурочка, задумала связать свою жизнь с господранцем — музыкантом...

Татьяна была готова к венчанию. Стояла она вся в белом. Просьба ее о венчании при закрытых дверях была исполнена.

— Скрюница она у меня! — говорил Сычугов гостям. — Не любить пышности и многолюдства. Заотъела венчаться в тиши, без яркого света... Говорит, что брак таинство и поэтому должен быть в сокровенной тайне.

Настал трогательный момент прощания невесты с родителями.

После благословения, невеста в сопровождении своей хорошей подруги Нины, посвященной во все тайны, отправилась в церковь, где ее ожидал Вершинин...

В церкви было полутемно.

Венчание подошло к концу, вдруг, кто-то громко прошептал:

— Жених не тот!
Духовенство заметалось, но было поздно... Брак совершился.

После венчания в алтарь вошел высокий красивый человек и сказал:

— Батюшка! Могу я с вами поговорить?

— Пожалуйста...
Пошли в такую комнату, и вы-

сокий человек, бывший Воеводиным, рассказал все:

— Батюшка! Люди, которых вы венчали, любят друг друга. Жестокая воля отца заставляла выйти дочь замуж за графа, который не любит ее и женится из-за денег. Жизнь их, кроме горя, ничего не обещает. Вы, пастыр, должны понять это. Бог, которому вы служите, благословит вас, если вы поможете им... Священник внимательно слушал незнакомца.

— Я все очень прошу, дорогой батюшка, своим авторитетом воздействовать и на отца невесты. Уговорите его, чтобы он не поднимал дела и шума. Скажите, так нужно Богу... Он поймет это.

Убедительными были слова Воеводина, но еще более убедительными были глаза его, в которых так много затаялось страдания и любви к человеку.

— Что же делать! — тихо говорил священник. — Так нужно Богу, чтобы мы не обнаружили этого святого обмана. Я постараюсь сделать все, что в моих силах. Трудно, конечно, но постараюсь... Эх, молодость, молодость! — тихо улыбаясь, продолжал говорить он.

(Продолжение следует)



ТАИНЫ НАРВСКИХ ПОДЗЕМЕЛИЙ

(Роман в двух частях).

(Первую часть романа можно получить в конторе газеты).

47.

Гроза.

В одну из весенних ночей над Петербургом разразилась страшная гроза.

В эту ночь, при всем желании, Сычугов не мог заснуть.

Большой, страшный, озаряемый синими вспышками молнии, он, в белом ночном белье, как привидение, как одинокий заклятый дух, ходил по своим пустынным большим комнатам тяжелыми думающими шагами.

Завѣтные мечты его о родстве с графиней Раумицием рухнули. Он, Сычугов, судьба которого вращалась на вершине жизни, потерпел поражение. Весь Петербург смеется над ним. Вспыхивала молния, и ему казалось, что эр свет людей.

— Я покажу тебе, негодная, не-

благодарная дочь! Мало того, что я лишу тебя наследства, я прокляну тебя! — озлобленно ворчал он.

— Боже! Какой позор! — А я то, всем рассказав, что моя дочь графиня... Как я покажусь, теперь на глаза людям? Убью, убью! — в тяжелом зверином озлоблении кричал Сычугов, топя ногами, в ночной тишине своего мрачного дома. — Узнать бы только, куда они удрали, я показал бы им...
За окнами шумел дождь. Ревел втерь. Извивалась в бешеной пляске молния.

Непрестанно гремел гром.

Вдруг, Сычугова охватила страх. Хотѣлось уйти куда нибудь к людям, из этих одиноких мертвых комнат, но было страшно двигаться с места: Хотѣлось крикнуть ему и не мог. Опять, в сознании, встала она... в белом, с детскими испуганными глазами... Ирина... Сычугов закрыл глаза, но это не помогало...

Чудилось, что шла к нему неслышными шагами покойница, протянув к нему руки...

Ближе, ближе... Смертный холод охватывает тело Сычугова. Он съел в глубоком кресле, и силъ в нем, не дыша.

Вдруг, тишину сычуговских покоев прорезал долгий зовущий звон электрического звонка.

— Кто это? — встрепенулся он: — Кого несет в такой поздней час? Через короткое время в дверях со свѣчей в рукѣ показался лакей.

— Кто звонит? — спросил Сычугов, обрадовавшись лакею, разрушившему его страшные ночные часы.

— Швейцар просил передать вам, что вас ждет по важному делу видѣть какой-то незнакомый господин.

— Кто он такой?

— Не могу знать.

— Пусть придет завтра.

— Никаких разговоров не принимает. Наставляет на своем.

Сычугов с минутой подумал и сказал:

— Проведи его в кабинет Ямду.

Сычугов прошел в кабинет. Одѣл халат и зажег свѣчи. На всякий случай вынул из ящика револьвер и сунул его в карман.

Через десять минут в кабинет вошел незнакомый человек.

Сычугов вздрогнул. Незнамец был в маскѣ. Высокий, сильный. Одѣтый в дождевую плащ.

— Не бойтесь! — спокойно сказал гость. — Я не убийца и не грабитель... Пришел поговорить с вами по душам.

Нѣсколько месяцев я искал случая познакомиться с вами, г-н Сычугов, и вот, наконец-то моя мечта исполнилась...

— Что вам надо? — забеспокоился Сычугов, хватаясь за карман, где лежал револьвер. Но не успѣл он его вынуть, как незнакомец стальными руками схватил Сычугова за кисть и отнял револьвер.

— Зачем вы, г-н Сычугов, такого мнѣния обо мнѣ?..

— Вы хотите, знать, зачем я пришел так поздно в ваш дом?

— Извольте.

— Я жених известной вам Ирины Зиминной...

Сычугов поблѣднѣл и замолчал.

— Зачем вы так блѣднѣете? Ведь она, твоя, скромная девушка, ваша конторщица, вряд ли иль ея так страшно вам, чельбому богатому, почтенному, невесте?

Незнакомец выдержал длинную паузу, не сводя глазъ съ Сычугова.

Были страшными и томительными минуты выжиданія, молчаливаго посредника между двумя людьми, въ колеблющемся заревѣ свѣчей, въ шумѣ непогоды и громовыхъ раскатахъ.

Сычуговъ въ испугѣ пятился отъ этихъ жгучихъ страшныхъ глазъ.

Незнакомецъ неслышно, медленными шагами наступалъ на растеряннаго, перепуганнаго Сычугова.

И, когда онъ подошелъ къ самому углу, незнакомецъ положилъ ему на плечо руку и сказалъ приглушеннымъ злобющимъ шопотомъ отъ котораго волосы зашевелились на головѣ Сычугова:

— Ты убийца!

Сычуговъ упалъ на колѣни.

— Пошадите!..

Незнакомецъ съ омерзениемъ оттолкнулъ его ногой.

— Гадина! Тебя пошадить? Никогда! Гдѣ-бы ты не была, я найду тебя и отомщу! Отомщу страшной мести! передъ которой поблѣднѣетъ очищающая душу каторга!

— Я, князь твой, буду слѣдовать за тобой, и отправлю твою сытую вельможу нищимъ..

— Я доведу тебя до того, что ты самъ убьешь свою гаденькую душеньку!

— А теперь, если не хочешь, чтобы я тебя предалъ суду, ты долженъ благословить бракъ дочери твоей съ Вершининымъ, и отдѣлить ей приданое.

Сычуговъ ползаль передъ нимъ на колѣняхъ и клялся крестомъ, что онъ все сдѣлаетъ, что потребуетъ отъ него незнакомецъ.

— Всякое преступленіе, тайное или явное, должно быть отомщено.

— Помни это, скотина, и жди своего часа!

Съ этими словами незнакомецъ повернулся и вышелъ изъ кабинета.

Какъ безумный духъ, метался Сычуговъ по кабинету, и плакалъ, и молился, и хохоталъ дико.

А за окнами гремѣлъ громъ, ревавъ вѣтеръ, бѣшено плескала молнія, и казалось Сычугову, что вокругъ его смыкается тѣсный кругъ адовыхъ дьявольскихъ силъ.

(Продолженіе слѣдуетъ)



= ТАЙНЫ =

НАРВСКИХЪ ПОДЗЕМЕЛІЙ

(Романъ въ двухъ частяхъ).

(Предыдущіе номера съ началомъ романа можно получить въ конторѣ газеты).

48.

Быщикъ Путилинъ.

Поздно ночью въ канцелярію петербургскаго охран. отдѣленія срочно былъ вызванъ на тайное экстренное совѣщаніе знаменитый русский быщикъ Иванъ Путилинъ. Это былъ человекъ выше средняго роста, съ сѣдоватыми бакенбардами, съ умными пронизательными глазами и спокойными движеніями. Несмотря на свои пожилые годы, онъ поражалъ молодой неутомимостью, гибкостью, смѣлостью и физической силой.

Слава о его дѣятельности далеко разносилась за предѣлами Россіи. Портреты его красовались всюду. О его похожденияхъ писались увлекательныя книги. Онъ былъ грозой всѣхъ преступниковъ. Съ дьявольскимъ успѣхомъ онъ распутывалъ самыя сложныя преступленія. Самый гениальный преступникъ не

могъ противостоятъ ему, и рано или поздно попадалъ въ его руки. Петербургское охранное отдѣленіе встрѣтило его подобострастно, съ глубокимъ уваженіемъ.

Начальникъ охраннаго отдѣленія привѣтливо попросилъ его сѣсть въ кресло, предупредительно вѣжливо поставленномъ передъ Путилинимъ однимъ изъ чиновниковъ. Путилинъ сѣлъ и приготовился внимательно слушать.

Начальникъ сталъ продолжать рѣчь, прерванную приходомъ знаменитаго быщика:

— Господа, — говорилъ онъ съ жаромъ: — Мы терпимъ постыдныя пораженія. Надъ нами смѣется вся Россія, и восхищается подвигами г. г. революціонеровъ — предателей нашей родины. Да, мы должны признать, что наша изворотливость, неутомимость и хитрость ничто по сравненію съ хитростью революціонеровъ. Изъ газетъ, вамъ навѣрное извѣстно, какъ смѣло были

похищены террористомъ важныя документы у энскаго губернатора и, наконецъ, побѣгъ изъ Х... тюрьмы двухъ преступниковъ, пытавшихся взорвать желѣзнодорожную мостъ. Это самое крупное, а сколько мелкихъ похищеній, убійствъ, взрывовъ пороховыхъ складовъ. Несмѣтное число. Намъ, вѣрнымъ охранителямъ государственности, нужно принимать серьезныя рѣшительныя мѣры. Спать нельзя. Врагъ не дремлетъ. Намъ извѣстно, что гдѣ-то работаетъ мощная политическая организація. Я призываю васъ смѣло ринуться въ бой. Государь, на драгоцѣнную жизнь котораго посягаютъ наши враги, не забудетъ вашихъ заслугъ. Мы должны найти сердце этой преступной организаціи, вырвать его и убить! Но мы, маленькіе люди, съ малыми способностями, многое намъ будетъ не подъ силу, а поэтому мы должны обратиться къ нашему гениальному, смѣлому и рѣшительному боишу..

Начальникъ низко, съ глубокимъ почтеніемъ склонилъ свою сѣдую голову въ сторону Путилина..

— Мы надѣемся, — продолжалъ онъ, — что вы не откажетесь поработать съ нами и вдохновить нашихъ молодцовъ?..

Путилинъ всталъ.

— Я понимаю васъ, ваше превосходительство, и со своей стороны готовъ отдать свои силы и скромныя способности на благо Монарха и Родины нашей.

Послѣ этихъ словъ, начальникъ охраннаго отдѣленія показавъ Путилину фотографію студента Воеводина, Меча и Ольги.

— Намъ кажется, что эти люди играютъ въ средѣ террористовъ активную роль.

Путилинъ внимательно всматривался въ фотографію.

Особенно долго и внимательно разсматривалъ Меча. Лицо его прояснялось.

— Да вѣдь это мой товарищъ по школѣ! — воскликнулъ онъ. — Лѣтъ десять тому назадъ я видѣлъ его въ Смоленскѣ... Угрюмый парень... Настоящая его фамилія Василій Козловъ... Такъ, значитъ, господа, повоеюемъ!.. — молодцы, веселыми глазами обвелъ Путилинъ сыщиковъ.

— Повоеюемъ! Мы готовы — Итакъ, завтра за работу! — уже серьезнымъ дѣловымъ тономъ прибавилъ онъ..

(Конецъ первой части)



= ТАЙНЫ =

НАРВСКИХ ПОДЗЕМЕЛИЙ

(Романъ въ двухъ частяхъ).

(Примѣчаніе номера съ началомъ романа можно получить въ конторѣ газетъ).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

1.

Совѣщаніе въ Нарвскихъ подземельяхъ.

Въ то время, когда происходило тайное совѣщаніе въ охранномъ отдѣленіи, въ суровыхъ и глубокихъ подземельяхъ Нарвы тоже шло совѣщаніе.

Съ пространствомъ докладомъ выступала глава террористовъ, товарищъ Мечъ, въ которомъ онъ отивалъ громадную и успѣшную работу партіи. Приносилъ благодарность Воеводу и Ольгѣ за удачно выполненныя порученія. Но

въ концѣ доклада выразилъ сожалѣніе, что не придется въ будущемъ работать такъ успѣшно, такъ какъ нѣтъ денегъ...

Химикъ переспросилъ.

— Денегъ нѣтъ?

— Да. Всѣ средства, экспропрированные нами, изсякли. Въ будущемъ ничего хорошаго не предвидится.

— Пустяки! — махнулъ рукой Емисей.

— Какъ такъ, пустяки? А гдѣ достать? — подступили къ нему.

— Черезъ недѣлю въ Ригу идетъ курьерскій поѣздъ изъ Петербурга, а въ немъ, въ отдѣльномъ вагонѣ, ѣдетъ чиновникъ особыхъ порученій съ громадными деньгами для

рижскаго государственнаго казначейства.

— Откуда ты знаешь?

— Мнѣ знакомый чиновникъ говорилъ. Спьяна проболтался.

— Если такъ, надо не зѣвать.

— Давайте дѣйствовать.

— Смѣлость нужна дьявольская.

— Этого у насъ хватитъ.

— Но кому поручить это дѣло?

Въ это время выступила Ольга.

— Если ничего не будете имѣть противъ, я возьмусь за это дѣло.

Ольга была страннымъ человекомъ. Никакой опасности она не боялась. Шла напроломъ. Вѣрила въ свою звѣзду и въ великую силу своей необычайной красоты. Опасность ее манила. Шла къ опасности, какъ на интересную, сложную игру. Боролась съ ней, и въ этой борьбѣ находила сладкое, щекочущее нервы, очарованіе.

Восхищенные обитатели подземелья пробовали было уговорить ее отдохнуть, но она и слушать не хотѣла. Стояла на своемъ.

— Хочу я одного, — сказала она, — чтобы меня сопровождалъ Воево-

динъ. Его помощь мнѣ можетъ пригодиться.

Воеводинъ также былъ радъ пойти съ Ольгой на это опасное дѣло.

За послѣднее время онъ сильно полюбилъ новую жизнь, полную подводныхъ камней, за которыми легко было зацѣпиться и разбить себя.

Онъ, пережившій въ жизни страшную драму, не боялся никакихъ камней, и шелъ навстрѣчу грядущему, не оглядываясь по сторонамъ.

— Будь, что будетъ! — разсуждалъ онъ. — Все равно я конечный, живо погребенный человекъ...

Въ новой обстановкѣ дѣла Воеводина закалялась и ярко выливалась ненависть къ сильнымъ людямъ, убивающимъ маленькихъ радостниковъ и маленькихъ и безотвѣтныхъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)



= ТАЙНЫ =

НАРВСКИХЪ ПОДЗЕМЕЛИЙ

(Романъ въ двухъ частяхъ).

(Примѣчаніе номера съ началомъ романа можно получить въ конторѣ газетъ).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

2.

Чиновникъ особыхъ порученій.

Верстъ за сто отъ Ревеля, на одной изъ маленькихъ лѣсныхъ станцій неожиданно остановился курьерскій поѣздъ, слѣдовавшій изъ Петербурга въ Ригу. Въ котлѣ произошло незначительная порча.

Пока происходила починка котла, занявшая больше часа времени, пассажиры выходили изъ вагоновъ на станцію.

Вышелъ съ объемистымъ портфелемъ и чиновникъ особыхъ порученій Коклюшкинъ.

Человѣкъ плотный. Съ круглымъ брюшкомъ. Съдоватый. Съ сизымъ носомъ и важными, неторопливыми движениями. Гордо поднявъ голову, онъ, по гусинному, прохаживался по платформѣ, свысока оглядывая публику, подолго останавливаясь на хорошенькихъ женщинахъ.

Коклюшкинъ успѣлъ замѣтить

въ концѣ платформы красивую, изящно одѣтую даму.

Онъ прошелъ разъ. Дама не обратила на него вниманія. Она смотрѣла въ лѣсную чащу и думала о чемъ-то своемъ.

— Коклюшкинъ рѣшилъ заговорить съ ней, думая, что дама одинока и скучаетъ, но простая случайность помогла ему, безъ всякихъ разговоровъ, познакомиться съ ней.

Въ то время, когда онъ вторично поравнялся съ ней, изъ рукъ дамы выпалъ серебряный ридикюль. Съ ловкостью молодого слона, Коклюшкинъ нагнулся, поднялъ ридикюль и съ любезной улыбкой подалъ его прекрасной незнакомкѣ.

— Куда изволите ѣхать? — спросилъ онъ ее.

— Въ Ригу.

— Въ Ригу? — обрадовался Коклюшкинъ. — Намъ съ вами по пути. Завязался разговоръ.

Дама оказалась женой мирового судьи Клейна.

Въ какихъ нибудь полчаса чиновникъ Коклюшкинъ былъ до одури очарованъ госпожей Клейнъ. — Я очень рада, — говорила да-

ма, — что поѣздъ такъ долго стоитъ на станціи... Въ поѣздѣ у меня страшно болѣла голова... Всю дорогу со мной ѣдетъ какая-то „особа“ и безпрестанно курить. Трудно дышать было и къ тому же скучно! Не съ кѣмъ поговорить! По совѣсти говоря, я очень рада, что познакомилась съ вами. Вы такъ увлекательно и живо умѣете занимать нашу сестру...

Коклюшкинъ растаялъ отъ комплиментовъ красивой женщины и въ свою очередь отплатилъ ей тоже комплиментомъ.

— Вы ошибаетесь. Въ жизни я очень скучный человѣкъ и оживляюсь только тогда, когда имѣю счастье разговаривать съ прекрасной, какъ вы, женщиной...

Клейнъ шутливо погрозила ему пальчикомъ:

— А вы очень галантный кавалеръ!

Въ тиши солнечнаго весенняго дня раздался первый ударъ желѣзнодорожнаго колокола.

Пассажиры заторопились.

Клейнъ досадливо сдвинула своя красивыя стрѣльчатая брови:

— Ахъ, этотъ несносный звонъ! Онъ опять загоняетъ меня въ душное, переполненное табачнымъ дымомъ и скучными сосѣдями, купѣ. Такъ жаль уходитъ съ этой маленькой станціи и отъ моего симпатичнаго, разговорчиваго собесѣдника...

Сердце Коклюшкина похолодѣло отъ радости. Онъ приложилъ руку къ сердцу, наивно снявъ фуражку,

и почтительно склонивъ свою съдую голову, робко, съ дрожью къ голося, предложилъ очаровательной Клейнъ:

— Не будете ли вы имѣть что либо противъ, если я вамъ предложу мѣсто въ моемъ отдѣльномъ купѣ... Мнѣ также не хочется разставаться съ вами...

Клейнъ подумала немного и, улыбаясь, сказала:

— Предложеніе ваше принято. Очень благодарна вамъ, но будете ли это удобно?

— Очень даже. Никто насъ не смѣетъ беспокоить. Я — чиновникъ особыхъ порученій.

— Ахъ вотъ вы какой... важный! Коклюшкинъ сдѣлалъ распоряженіе носильщику перенести вещи барыни въ его купѣ.

3.

Поѣздъ тронулся.

Всю дорогу очаровательная Клейнъ все больше и больше увлекала Коклюшкина. Онъ смотрѣлъ на ее стройныя, въ черныхъ ажурныхъ чулкахъ ноги и думалъ:

— Все бросилъ-бы къ ногамъ этой женщины, если позволила-бы только поцѣловать въ свои алмазные заборныя губы...

У Коклюшкина кружилась голова. Голося его часто прерывался. Тонкій одуряющій ароматъ ея духовъ наполнялъ его пыльнымъ, сладкимъ томленіемъ.

Женщина, в которой нетрудно было узнать террористку Ольгу, женским инстинктом поняла, что чиновник особых поручений пообещан. В душ ее загорьлась гордость. Гордость женщины все побуждающей. Волю, силу, долгъ. Все!

— Какая я красивая! Какая я сильная!— думала она и вспоминала Воеводина.

— Господи, если ты есть!— беззвучно молилась она Тому, въ Котораго не хотѣла вѣрить, отъ Котораго отрицалась:— сотвори чудо.

— Зажги сердце Воеводина любовью ко мнѣ! Я такъ устала. Сотвори чудо...

Коклюшкинъ вынулъ изъ чемодана бутылку шампанскаго и съ улыбкой предложилъ ей.

Она отвѣтила:
— Не откажусь! Наполняйте бокалы!

Выпили.

Поездъ мчался среди зеленыхъ солнечныхъ полей. Въ окна вѣялъ весенній вѣтеръ и Ольга опять думала о Воеводинѣ, думала о близкомъ чудѣ...

— Что это я сентиментальничую?— спохватилась она. — Надо дѣло дѣлать, а я о любви вздыхаю...

За первой бутылкой шампанскаго, послѣдовала вторая, неполненная крѣпкимъ английскимъ виномъ.

Ольга пила маленькими глотками, а въ переставке угощала съ очаровательной улыбкой Коклюшкина.

Тотъ не смѣлъ противиться. Сильна была ее улыбка. Устоять было силъ.

Чувствовалъ, что пьянѣетъ. Сильно пьянѣетъ! Образъ красивой собесѣдки, то двоился, то троиился. Все кружилось въ какомъ-то хмѣлевомъ танцѣ. Выпилъ еще бокалъ вина и окончательно свалился на спинку дивана, захрапѣвъ тяжелымъ, долгимъ сномъ пьянаго.

Ольга вскочила съ мѣста. Осмотрѣлась по сторонамъ. Открыла дверь. Ни души. Вышла на площадку. Тамъ стоялъ Воеводинъ.

— Вы здѣсь? — тихо спросила она. — Ждите меня. Я сейчасъ.

Черезъ минуту она вынесла портфель Коклюшкина, туго набитый деньгами.

Воеводинъ условился съ Ольгой, гдѣ встрѣтятся, а самъ соскочилъ съ площадки среди поля, за пять верствъ до станціи.

Ольга оглядывалась на него и съ тихой грустью думала:

— Милый... Родной мой... Какъ изломала насъ жизнь! Какими сдѣлала нехорошими! Скоро ли конецъ всемъ этимъ покушениямъ, обманамъ, кражамъ?

Она смотрѣла въ синее весеннее небо и молила его о чудѣ...

(Продолженіе слѣдуетъ).



= ТАЙНЫ =

НАРВСКИХЪ ПОДЗЕМЕЛІЙ

(Романъ въ двухъ частяхъ).

(Предмудріе ковера съ началомъ романа можно получить въ конторѣ газетъ).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

2.

Поездъ подошелъ къ станціи. Ольга неторопливыми шагами вышла изъ вагона, смѣшалась съ толпой и шоссейной дорогой направилась къ мѣсту встрѣчи съ Воеводинымъ.

Черезъ часъ она дошла до маленькаго лѣса.

Воеводинъ стоялъ у дороги и махалъ ей шляпой.

— Благополучно? — спрашивалъ онъ, идя навстрѣчу Ольгѣ.

— Пока, да. Намъ надо какъ можно глубже скрыться. Чиновникъ долженъ скоро проснуться и завѣсть тревогу.

— Надвигается вечеръ. Необходимо дойти до какой нибудь избушки, закутить тамъ и переночевать.

— Приятныя рѣчи приятно и слушать. Давайте спѣшить. Я успѣла проголодаться, какъ стая волковъ.

Послѣ долгой, лѣсной дороги ноги Ольги отказывались идти дальше.

Она спотыкалась.

— Вамъ тяжело? — съ участіемъ спрашивалъ ее Воеводинъ, поддерживая за руку.

— Да... отдохнуть... отдохнуть... въ постельку! — говорила она жалобнымъ тономъ, опираясь на его сильную руку.

— Знаете что? — предложилъ Воеводинъ: — разрѣшите вѣсь, какъ ребенка, взять на руки и донести...

Ольга покраснѣла, какъ школьница, виновато улыбулась, и не успѣла вымолвить слова, какъ Воеводинъ легко поднялъ ее, и понесъ, какъ усталого ребенка, на рукахъ, среди вечерней чащи лѣса, подъ синими весенними звѣздами.

Никогда не было такъ свѣтло, такъ радостно, и вмѣстѣ съ тѣмъ грустно на душѣ у Ольги.

Она всю свою молодую красивую жизнь отдавая на закланіе жестокой революціонной борьбы, пылавшая ненавистью къ людямъ, только теперь, на рукахъ сильнаго Воеводина, подъ синими весенними звѣздами, поняла, какъ счастливы люди, имѣя около себя человека, мужественнаго, прекраснаго, умѣющаго любить, и ради этой любви, готового идти даже на крестъ.

Ольга смотрѣла въ тихія звѣзды и молила ихъ о чудѣ. Украдкой взглядывала въ глаза Воеводина, но были они по прежнему строги.

— Я вѣю тебя, милый, утѣшила... — говорили глаза Ольги. — Полюби меня, полюби... Мы поймемъ другъ друга, потому что оба страдали.

Но были строгиими глаза Воеводина.

Надъ землей витала ночь, когда они дошли до маленькаго бревенчатой избушки, упрятанной въ березовой рошѣ.

Воеводинъ постучалъ въ окно.

Въ дверяхъ показалась дюжвая фигура мужика съ черными нависшими бровями и густой клиновидной борошкой.

— Кто такіе? — спросилъ онъ угрюмымъ басомъ.

— Пустите ночевать, мы потеряли дорогу. Мужикъ скользнулъ глазами, словно спрашивая:

— Есть ли отъ васъ какая польза? — и убѣдившись, что господство чиста одѣты и польза отъ нихъ будетъ, улыбнулся и гостеприимно раскрылъ дверь.

— Милости просимъ. Не обезсудьте, за бѣдность и черноту нашу. Воеводинъ и Ольга вошли въ полутемную, дымную избу.

Хозяинъ поставилъ передъ ними кринку молока, коровой хлѣба, масла, а самъ ушелъ въ другую половину.

— Не внушаетъ что-то доверія нашъ хозяинъ! — шопотомъ прошепала Ольга.

— Да... типъ не симпатичный! — согласился Воеводинъ. —

Послѣ ужина, Воеводинъ приготовилъ для Ольги постель на длинной скамьѣ, а самъ полѣзъ на печь, положивъ рядомъ съ собой, на всякій случай, револьверъ.

Ольга заснула крѣпкимъ сномъ, а онъ, несмотря на усталость, не могъ сомкнуть глазъ. Смотрѣлъ на глубокой квадратъ окна, на блѣдныя предутреннія звѣзды, и думалъ...

Опять эти воспоминания...
 Опять жгут душу.
 Воеводинъ прислушивался къ дыханію Ольги и казалось, что это не она, а Ирина... Любимая!
 Растоптанная грубыми сапогами чело́вѣка—звѣря!
 И опять, какъ раскаленнымъ же- лѣзомъ, прикасались къ ранѣ проклятія, отчаяніе и ужасъ одиноче- ства.
 Думы Воеводина, вдругъ, были прерваны таинственнымъ шопо- томъ двухъ людей за тоненькой перегородкой комнаты.
 Чей-то молодой голосъ увѣрялъ кого-то.
 — Они...
 — Кто они?
 — Эксприаторы.
 — Врешь.
 — Ей Богу не вру! Самъ видѣлъ, какъ она изъ вагона выходила...
 — Непонятное ты что-то бормо- чешь, Дениска... Говори явственнѣе, какъ дѣло было... да потише... в то услышать...
 — Ничяво. Они спятъ крѣпко, безъ движеніевъ...
 — Ну, ладно, говори.
 Воеводинъ насторожился.
 — Остановилъ, значить, поѣздъ.
 — рассказывалъ Дениска приду- шеннымъ шопотомъ. Стоитъ это

онъ пять—десять минутъ, какъ, вдругъ, слышу истошный крикъ въ вагонѣ... Народъ, знамо дѣло, на крикъ валомъ повалилъ, а я за нимъ. Гляжу, выбѣгаетъ на вок- залъ изъ вагона какой-то баринъ, и, ну, кричить:
 — Держите воровку! Казенныя деньги у меня украли!
 — Кто такая? — спрашиваютъ.
 — Дама, — говоритъ, — краси- вая, въ синемъ костюмѣ.
 Жандармы сейчасъ выбѣгли. Шнырять стали, Нѣтъ воровки!
 — Да што ты! — поражался глу- хой басовитый голосъ.
 — Да ночлежники наши и есть эти самыя эксприаторы...
 — Молчи, Дениска. Тише. Слу- шай. Мы съ тобой большія деньги заработать можемъ...
 — Какъ такъ?
 — Потихоньку слѣзай сейчасъ съ полатей, осыдай Воронку и мчись въ городъ за полиціей... Слышишь?
 — Слышу...
 — Ну, съѣдь скорѣе. Одна нога тамъ, другая здѣсь...

(Продолженіе слѣдуетъ).



ТАЙНЫ

НАРВСКИХЪ ПОДЗЕМЕЛІЙ

(Романъ въ двухъ частяхъ).

(Прекладные номера съ началомъ романа можно получить въ конторѣ газеты).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

5.

Когда за Дениской захлопнулась дверь избы, Воеводинъ неслышно сошелъ съ лѣчки и сталъ будить Ольгу.

— Что такое? — встрепенулась она. — Опасность? Когда же отдохнемъ мы? — и въ голосъ ея прозвѣло отчаяніе.

— Надо спѣшить, Ольга Владимовна!

Быстро одѣлись. Подошли къ двери. Дверь закрыта.

— Попались!.. — прошепталъ Воеводинъ. — Пока придетъ полиція, я успѣю сломать дверь...

— Не надо. Давайте утекать че- резъ окно! — посоветовала Ольга.

Окно выходило въ гнѣстный садъ. Старааясь не производить шума, они открыли окно и безшумно, по очереди, стали выходить.

Наступало голубое утро.

Въ лѣсу стоялъ золотистый свѣтъ восходящаго солнца.

— Какъ хорошо! — произнесла

Ольга, вплетая въ свой голосъ и тихій восторгъ, и тоску женщины, не видѣвшей своего счастья, а только миражъ его, видѣніе...

Дыханіе утренняго лѣса, пѣсни весеннихъ птицъ и солнце... весеннее солнце, отъ котораго хочется пѣть, смѣяться и грезить, не могли озарить душу Воеводина.

Онъ шелъ молчаливый.

Воспоминанія прошлаго никогда такъ не жгутъ душу, какъ весной.

Ольга понимала его.

Хотѣла подойти къ нему и ска- зать:

— Милый. Не грусти. Ты поте- ралъ свое счастье, а я найду тебѣ его. Полюби мятежную террористку Ольгу и я дамъ тебѣ солнце, смѣхъ, цвѣты и все, все, чѣмъ жива и радостна душа чело́вѣч- ская...

Они шли дремучимъ, пронизан- нымъ солнцемъ, боромъ, чутко на- стороживаясь при малѣйшемъ шорохѣ или шумѣ.

Солнце стояло высоко, когда они подошли къ небольшой бой-

кой рѣченкѣ и не успѣли съѣсть отдохнуть, какъ, вдругъ, послыша- лись шаги и голоса.

— Полиція!

— Не надо двигаться! — посо- ветовалъ Воеводинъ. — Пройдутъ мимо.

Такъ оно и произошло.

Полиція, переругиваясь, прошла мимо.

6.

По дѣламъ партіи, Мечъ цѣлую недѣлю находился въ Петербургѣ.

Однажды, проходя по Литейному проспекту поздно вечеромъ, онъ услышалъ за собой чей-то голосъ:

— Васька!

— Мое „мирское“ имя, — подумалъ Мечъ и было отчаянное же- ланіе повернуть голову, но под- полная, выработанная и утончен- ная годами, предусмотритель- ность Меча не позволила этого сдѣлать.

Голосъ былъ настойчивымъ:

— Васька Козловъ!

— Чертъ возьми! — выругался

Мечъ: — мою фамилію какой-то чертъ называетъ.

Не успѣлъ онъ обернуться, какъ его хлопнулъ по плечу пожилой чело́вѣкъ выше средняго роста, худощавый, съ сѣдыми бакенбар- дами, съ веселыми молодыми гла- зями.

— Васька! — радушно протягивая руки, произнесъ незнакомецъ. — Неужели не узнаешь стараго друга?

Мечъ окинулъ его взглядомъ, невольно вздрогнулъ, почувство- вавъ слабость въ ногахъ и расте- рялся.

Передъ нимъ стоялъ знаменитый сыщикъ Путилинъ.

Отъ зоркихъ глазъ сыщика не ускользнула его тревога.

Мечъ быстро взялъ себя въ руки.

— А! Ваня! Сколько лѣтъ... здравствуй, дружище!

— Ну а теперь, дружище, я дол- женъ тебя арестовать... — шутило звалъ Путилинъ, наблюдая за выраженіемъ лица Меча.

У Меча похолодѣло сердце, но безпокойства своего не выдалъ.

— Сейчасъ, — продолжалъ Пути- линъ, — мы должны кутнуть. На радостяхъ. ъдемъ ко мнѣ. Вспом- нимъ наши беззаботные прошлыя годы.

Отговариваться было неудобно.

Путилинъ кликнулъ извозчика и они поѣхали...

Меча обуревала тревога.

— Неужели гибель? — думалъ онъ. — Неужели онъ меня аресто- валь?

Но въра въ свою изворотливость спасала его отъ отчаянія.

— Не въ такихъ передѣлахъ бывалъ, и всегда изъ воды сухаго выходилъ. Эхъ, была не была!

рѣшилъ Мечъ и завелъ съ Пути- линымъ дружескій, веселый разго- воръ...

(Продолженіе слѣдуетъ).

ТАЙНЫ НАРВСКИХ ПОДЗЕМЕЛИЙ

(Роман в двух частях).

(Предыдущие номера с начала романа можно получить в конторке газеты).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

7.

Предательство.

После безопойной, полувзвирной жизни в мрачном революционном подполье, где не видишь солнца, отдыха; домашнего уюта, книги, всего того с чьим неразрывно связан культурный человек, Мечь как-то неуверенно входил в роскошную квартиру сыщика.

И как это ни странно, но в душе сурового террориста, объявившей протест „сладенькому буржуазному счастью“, на этот раз шевельнулось чувство зависти:

— Живут же люди...

Несмотря на радужный дружеский тон Путилина, безпокойство Меча возрастало. Было желание сбжать от хозяина, который, навзвирное, после обда одбнет на него наручники.

Путилин позвонил.

Вошли два человека с такими ззвробразными лицами и массивными мулаками, что у Меча сразу пропадал охота сбжать.

— Подать обды!—распорядился Путилин.

Когда здоровенные молодцы скрылись, Путилин по дружески обнял Меча, и сь самой неподдльной дружеской лаской сль сь ним на диван.

— Постарели мы сь тобой, Вася, постарели...—слегка грустным голосом говорил Путилин. — А помнишь, как мы сь тобой сидели на одной парте, и списывали друг у друга невзвирные задачи? А Лидочку златоухую помнишь?? Мы изь за нее, кажется, ссорились и хотели драться на дуэли... Эх, молодость, молодость... Как-бы я был благодарен Мефистофелю, если-бы онь омолодил меня, как Фауста?..

Мечь кивал головой. Столько искренности и задушевной грусти воспоминаний вложил Путилин в свои слова, что даже твердое сердце Меча, стало озаряться. — и онь стал чувствовать глубокую симпатию кь своему старому школьному другу.

А Путилина, знай, плел тонкое шелковистое кружево воспоминаний.

— Ну, а ты как поживаешь?—неожиданно спросил сыщик, искоса взглядывая на Меча.

Вопрос был неожиданным и Мечь вздрогнул...

В это время вошел один изь молодежь Путилина и сказал:

— Обды поданы! Ласково обнял Меча за талию, Путилин повел его вь столовую...

8.

После сытого изысканного обда и дорогих винь пошли вь кабинет, где уютно пылал камин.

Надвигался вечер. От выпитого вина сладко кружилась голова.

— Хорошо ты живешь, дружище! — сказал Мечь, подвигая кь камину кресло.

— Всякий, у кого есть способности и таланты, может устроиться еще лучше...—загадочно отвзвирнул Путилин. — Наше человеческое счастье,—продолжал онь,—заключается вь уют, хорошемь столе и обезпеченности, а главное—вь покое. Я поражаюсь революционерами. Люди они умные, талантливые, а обрекают себя на голод, каторгу, виселицу... Обрекают кь молодых лть! Утописты! Неужели они не понимают, что ихь жертвенные подвиги глупой, тупой толпой, ради которой они идут на крест, будут осмьваны и забыты?.. Не правда-ли, Вася?

Мечь внимательно слушал Путилина, и вспоминал сари молодые годы, так бессмысленно отданные революционной борьбе...

— Правда!—согласалась мысль —Правда, кь чему эта борьба? Вь конечномь результате всравно вь сьнца? Ради чего жить?

Путилин продолжал:

— Жизнь наша скоротечна. Счасья отпущено такь мало. Надо брать его. Пить изь его золотой чаши вино, а не горькую польну... Надо быть глупым или недалеким человеком, чтобы отодать оть тебя эту животворную чашу...

Мечь сознавал, что Путилин говорит обычная, банальная слова, но они имели какую-то нарвирную, хмельную прелесть...

— Надо пить сладкую чашу жизни...—согласался онь...—Ради какой цели я, как звзвир, прачусь оть настоящей жизни, вь сырыхь подземельях?.. Я еще не ставь, я жить хочу. Все время мечтаю о хорошей жизни, а вместо этого—могила... подземелье... Черть возьми...

Путилин внимательно слвдил за Мечом и острымь сыщичиным чутьем угадывал, какя мысли обуревают друга.

— Надо ковать желзо пона горько! — подумал онь, и не теряя секунды времени, ближе подбл кь Мечу, ласково обнял его, и пристально, не мигая, словно гипнотизер, смотрел вь его глаза.

— Знаешь что, Вася? — ласково и таинственно прошептал онь. — Я все про тебя знаю... Ичище не надо рассказывать...

Мечь вздрогнул и поблбднл:

— Ты не бойся. Твой старий другь тебя не выдасть... Я спрошу тебя только обь одномь: Скажи, ты доволен своей судьбой? Доволен своей работой, которая отнимает у тебя здоровье, радости и обрекает на смерть? Скажи...

Мечь отвзвирнул, поникая головой:

— Не доволен.

— То-то. Я тебь, Вася, даю блгой совет. Плюнь ты на все и строй новую жизнь...

Последня слова Путилин произнес такимь подкупающим тономь, столько вложил вь нихь искренности, что Мечь улыбнулся и облегченно вздохнул:

— Но какь это начать? — робко спросил Мечь.

— Очень просто. Прежде всего плюнь ты на всякия конспирации, товарищеския отношения и на вашу революционную этику. Выдай твою организацию и вьль ее членомь!..

За это ты будешь прошен и твоя жизнь будет прекрасной! Не дблай круглыхь глаз, не поражайся.

Плюнь на все, и если хочешь человеческой жизни, выдавай вьль...

Смертельная блбдность покрывала лицо Меча.

Лицо Путилина становилось хнднымь, колкимь, какь у степного воршуна готового броситься на вобчу.

— Если же, для тебя дурашка революционная этика, созданная брадростыми недоучками и глуп-

цами, дороже жизни, то, пожалуй, я помогу тебь добраться до мьста злачного — Сибири, где и пожрешь оть чвхотки... Вася, голубчик, пойми, повзвир мн, твоему другу, что такь, какь я тебь говорю, будеть лучше. Раскаиваться ты не будешь...

— А если узнают они?—вь страхь спросил Мечь. — Они меня убьют...

№ 39.

Купонь на право участия вь розыгрыше бездальной премии — высшего или первого приза — читателю романа „Тайны Нарвскихь подземелий“, печатающагося сь 1-го января 1926 года.

Вырвите и не затеряйте!!!

— Не бойся. Мы сь тобой голубы. Устроимь такь, что ты даже вь ихь глазах будешь мучникомь, и твое имя даже будеть аписано на золотыхь скрижаляхь истории революции.

Мы это обмозгуемь потомь, теперь ты скажи мн открыто:

— Согласен?

Мечь поднимлся сь кресла, закурил палиросу, нервно прошелся по ковкому ковру, остановился передь Путилинимь, протянул ему руку и сказал:

— Согласен!

(Продолжение слзветь).

= ТАЙНЫ =

НАРВСКИХ ПОДЗЕМЕЛИЙ

(Романъ въ двухъ частяхъ).

(Президиумъ цензуры съ началомъ романа можно получить въ конторѣ газетъ).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

9.

Начало мести.

Воеводинъ, читая газету, обратилъ вниманіе на маленькую замятку подъ заглавіемъ: „10 іюня серебряная свадьба коммерсанта Сычугова“.

— Такъ, г. Сычуговъ! — съ ненавистью подумалъ онъ. — Рѣшили справить юбилей „чистой“, „безпорочной“ супружеской жизни? Пойдешь служить торжественный молебень... Въ твоёмъ домѣ соберутся съ поздравленіями лучшія сливки общества отъ аристократіи до представителей искусства... Будутъ рѣчи, въ которыхъ присяжные краснобай, любители сладко попить и пожрать, разыпятъ передъ тобой, тупымъ зрелавскимъ мужикомъ, цвѣты твоихъ талантовъ, ума и добродѣтелей. Ты будешь на высотѣ своего величія. Честолюбіе твое будетъ удовлетворено. Зожеть быть умилешься отъ сча-

стья... прослезиться, и въ душѣ подумаешь: благодарю тебя, Боже, за твои милости... Скотина!..

Ненавистью переполнялась душа Воеводина. Въ нервномъ возбужденіи онъ тяжелыми шагами ходилъ по лабиринтамъ подземелья, обдумывая, какъ сильнѣе отомстить Сычугову.

Послѣ долгаго, мучительнаго обдумыванія онъ, наконецъ, нашель планъ мести, который и рѣшилъ примѣнить въ самый день серебряной свадьбы Сычугова.

Съ нетерпѣніемъ онъ сталъ ожидать 10 іюня, — день сладкой мести.

10.

Въ самомъ, глухомъ и отдаленномъ углу подземелья совѣщались нѣсколько человекъ террористовъ.

Говорилъ Викторъ.

— Нашъ глава, товарищъ Мечъ ведетъ себя въ высшей степени странно. За послѣднее время что-то нервничаетъ, не слѣдитъ за дѣлами, и не вдохновляетъ насъ на новые подвиги. Сегодня, напри-

мѣръ, я обратилъ вниманіе ночью, что онъ вынималъ изъ потайнаго желѣзнаго ящика наши секретныя бумаги и пряталъ ихъ въ карманъ. Конечно, тутъ ничего нѣтъ удивительнаго. Онъ глава и имѣеть право распоряжаться этими бумагами, но вся бѣда въ томъ, что онъ тревожно озирался по сторонамъ: не видятъ-ли его кто? Если тебѣ нужны бумаги, бери ихъ смѣло. Зачьмъ, какъ вору, озираться по сторонамъ?..

— На что ему эти бумаги? — недоумѣвалъ Алексѣй. — Года три тому назадъ на нашемъ общемъ собраніи было постановлено не трогать эти бумаги. Тамъ тысячи жизней... Списокъ всѣхъ террористическихъ организаций Россіи... Для чего могли понадобиться ему эти документы?

— Товарищи, будемъ осторожны! — предупреждалъ химикъ. — Давай-те слѣдить за Мечомъ... Мы живемъ въ страшное время провокацій и предательства. Нельзя, теперь, положить даже на самыхъ твердыхъ испытанныхъ бойцовъ... Не мѣшало-бы предупредить и Воеводина... Викторъ, поищи его и позови сюда...

Когда пришелъ Воеводинъ, ему высказали свои опасенія.

Онъ отвѣтилъ:

— Я не вѣрю. Но на всякій случай надо послѣдить...

Въ это время пришла Вѣра.

— Господа, знаете что?—шопотомъ сказала она дрогнувшимъ голосомъ. — Намъ грозитъ гибель... Я узнала важную новость...

— Что такое?

— Неужели, полиція?

— Говорите, Вѣра...

— Осмотрите всѣ углы, нѣтъ-ли здѣсь Меча...

— Будьте покойны. Онъ спитъ. — За Мечомъ надо слѣдить... — зашептала она. — Изъ достовѣрныхъ источниковъ я узнала, что его видѣли въ Петербургѣ съ сыщикомъ Путилинъ...

— Что вы говорите.. Неужели? — Да... да... Они сѣли на извозчика и неизвѣстно куда поѣхали...

— Неужели провокація, товарищи? — въ ужасѣ и отчаяніи схватился за голову Викторъ.

Обитателей подземелья одолѣвалъ страхъ.

— Больше спокойствія! — сказалъ Воеводинъ. — Ничего не будетъ. Будьте только осторожны и наблюдательны. Внимательно слѣдите за Мечомъ. Предупредите другихъ товарищей...

Террористы, молча, разошлись по своимъ угламъ и съ этой минуты стали внимательно слѣдить за Мечомъ...

(Продолженіе слѣдуетъ).



= ТАЙНЫ =

НАРВСКИХ ПОДЗЕМЕЛИЙ

(Романъ въ двухъ частяхъ).

(Президиумъ цензуры съ началомъ романа можно получить въ конторѣ газетъ).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

11.

Местъ.

Передъ тѣмъ какъ поѣхать въ Петербургъ, на серебряную свадьбу Сычугова, Воеводинъ взглянулъ въ городъ Х., гдѣ тихо, безъ роскоши и столичнаго блеска, жила молодая чета Вершининыхъ. Онъ рѣшилъ нанести имъ визитъ.

Вершинины, какъ родного, встрѣтили Воеводина.

— Можете себѣ представить... — улыбаясь, говорилъ композиторъ. — Въ нашей жизни произошло чудо! Мой строгій тещъ, пылавшій къ намъ вулканической злобой, вдругъ, прислалъ свое родительское благословеніе и часть приданаго. Думаемъ, гадаемъ съ Татьяной, и не можемъ никакъ понять, что такое стряслось съ нашимъ папашей?..

— Испугался мерзавецъ!.. — подумалъ Воеводинъ о своемъ заклятомъ врагѣ Сычуговѣ. — Не такъ еще испугаешься, когда я тебя публично буду обличать... Какая это будетъ сладкая месь!

— И даже... — добавляла Татьяна Карповна: — прислалъ намъ сердечное приглашеніе на серебрную свадьбу... Вы случайно, не въ Петербургъ ѣдете?

Воеводинъ отвѣтилъ: — Да въ Петербургъ.

— Хотите мы познакомимъ васъ съ

моими родителями? — предложила она.

— Очень буду благодаренъ! — сказалъ Воеводинъ, въ глубинѣ души радуясь счастливому случаю войти въ домъ Сычугова.

Въ Петербургъ рѣшили выѣхать вмѣстѣ, съ ночнымъ поѣздомъ.

12.

Лышно, съ трескомъ и громомъ рѣшили отпраздновать Сычугову серебряную свадьбу.

Было разослано до пятисотъ приглашеній самымъ привеллигированнымъ, самымъ талантливымъ, богатымъ и знаменитымъ.

О серебряной свадьбѣ задолго писалось на страницахъ уличныхъ газетъ, самыми восторженными строками.

Сычуговъ рѣшилъ поразить Петербургъ своимъ праздникомъ.

13.

10 іюня.

Тихій вечеръ.

День мести.

День серебряной свадьбы Сычугова.

Около особняка Сычугова непрерывное движеніе.

Цвѣтъ и гордость Петербурга, въ золотѣ, шелкахъ, брилліантахъ поднимался по роскошному ковру въ покои самаго богатаго коммерсанта.

Въ пестрой, нарядной толпѣ мелькали знаменитые артисты, писатели, музыканты, балерины, князья, княгини, графы, графини, бароны и баронессы.

Самодовольный и польщенный Сычуговъ не успѣвалъ принимать гостей.

Въ этотъ день, яркій и значительный въ его жизни, на душѣ Сычугова не было мѣста раздраженію и досадѣ, и когда подошли къ нему Вершинины и Воеводинъ, онъ встрѣтилъ ихъ съ такой отеческой лаской и нѣжностью, что тѣ даже поразились.

— Разрѣшите, папа, представить вамъ нашего хорошаго друга...

— Павелъ Зоринъ... — представилъ Воеводинъ вымышленной фамиліей...

Сычуговъ внимательно взглянулъ въ высокога, статнаго, безукоризненно одѣтаго молодого человека и что-то похожее на испугъ мелькнуло въ его глазахъ.

— Гдѣ я могъ видѣть этого господина? — силится припомнить онъ.

Въ концертномъ залѣ начинался музыкально — художественный вечеръ.

Извѣстный пианистъ исполнялъ въ зачарованномъ молчаніи слушателей симфонію Бетховена.

Воеводинъ стоялъ въ концѣ зала, вслушивался въ божественные звуки симфоніи, и невольно поддавался воспоминаніямъ...

Весна. Цвѣтеть сирень... Гунгенбургъ... Ирина... Чудился ей смѣхъ. Отчетливо припоминались слова ея милыя...

Хотѣлось плакать подъ музыку...

— Отняли тебя отъ меня... проклятые люди! — шептала онъ сквозь слезы.

Съ ненавистью глядѣлъ онъ на мясистую воловую шею Сычугова, сидѣвшаго съ женой въ первомъ ряду, въ креслѣ украшенномъ зеленью.

Выступали пѣвцы, писатели, артисты, балерины.

Все было ярко, покоряюще, талантливо.

Воеводинъ вспоминалъ свою полувѣрную, мрачную жизнь въ подземельяхъ, лишённую радостей и восторговъ искусства, и было безумное желаніе подойти къ Сычугову и ударить его по толстой, самодовольной физиономіи.

Послѣ восторженнаго, продолжительнаго шума апплодисментовъ гости были приглашены къ столу.

Сычуговъ не ударилъ лицомъ въ грязь.

Изисканностью винъ и кушаній онъ поразилъ лучшихъ, избалованныхъ гурмановъ Петербурга.

Рѣчи...

Много ихъ было, облеченныхъ въ красивыя литературныя формы, обвинявшихъ пьянскими фиміамомъ лести.

Во время небольшой паузы, въ концѣ стола поднялась высокая, стройная фигура Воеводина съ блѣднымъ лицомъ и яркими, какъ огни, глазами.

— Я хочу говорить! — сказалъ онъ звучнымъ, стальнымъ, невольнымъ покоряющимъ голосомъ.

Воцарилась тишина. Всѣ обратили вниманіе на блѣднаго краснаго незнакомца.

Воеводинъ прямо, не мигая, смотрѣлъ на Сычугова.

Тотъ не вынесъ этихъ жгучихъ страшныхъ глазъ и забеспокоился.

Минуты двѣ, въ робовомъ молчаніи присутствующихъ, Воеводинъ молча глядѣлъ въ глаза Сычугова.

Гости ждали, чѣмъ разрѣшится это жуткое молчаніе...

(Продолженіе слѣдуетъ).

= ТАЙНЫ =

НАРВСКИХ ПОДЗЕМЕЛИЙ

(Романъ въ двухъ частяхъ).

(Предыдущіе номера съ началомъ романа можно получить въ конторѣ газетъ).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

14.

Скандалъ.

Вы, — началъ Воеводинъ нервнымъ стальнымъ голосомъ, не свода пытливыхъ строгихъ глазъ съ Сычугова, который, въ предчувствіи недобраго, изъ багроваго превращался въ мертвенно сизый цвѣтъ — представители аристократіи, музыки, театра, литературы, знаете-ли кого чувствуете? Кому разсыпаете литературныя слова, услаждаете слухъ талантливой игрой? Вы скажете: конечно, знаемъ. Нашему уважаемому меценату, хлѣбосольному хозяину, гордости коммерческаго міра Сычугу — наши восторги. А я вамъ говорю, вы не знаете къ кому пришли, кого чувствуете, кому пожимаете руку.

Нервный подъемъ, охватившій Воеводину, невольно передавался и слушателямъ.

Стояла страшная неподвижная тишина, въ которой не угадывалась, но чувствовалась гроза рѣдкого, небывалаго скандала.

Даже лакеи, которые только что хотѣли обнести гостей винами, и тѣ остановились у дверей, боясь потревожить эту необычную, заставляющую слушать тишину.

Сычуговъ нервничалъ.

Дамы не сводили зачарованныхъ глазъ съ красиваго вдохновеннаго лица Воеводину, и, какъ дорогое, сладкое хмѣльное вино, пили его горячія страстные слова.

Онъ говорилъ:

— Это не Сычуговъ, котораго вы знаете, какъ мецената, благотворителя, почетнаго члена церковныхъ совѣтовъ, это мерзавецъ и грубое чувственное животное...

Какъ это ни странно, но никто не прервалъ рѣчь Воеводину.

Только жена Сычугова вскрикнула и потеряла сознание...

Самъ Сычуговъ вздрогнулъ, словно неожиданно ударили его хлыстомъ.

Гости затаивъ дыханіе, ждали, чѣмъ окончится дальнѣйшее выступленіе красиваго интеллигентнаго незнакомца съ глазами, затаившими глубокое страданіе.

— Сычугову не здѣсь надо присутствовать, среди васъ людей порядочныхъ, талантливыхъ, его мѣсто въ Сибири!.. Вы помните, господа, газетную шумиху объ изнасилованіи его конторщицы студентомъ М. Воеводинымъ... Я пришелъ сюда обѣлнить юношу Воеводину, который не виновенъ и до смерти любилъ свою невѣсту Ирину, Я пришелъ осудить главнаго виновника ея смерти Сычугова! Это онъ, господа, которому вы говорите рѣчи, танцуете, играете и поете, изнасиловалъ чистую дѣвушку...

— Хотите я передъ всеми вашими гостями докажу вашу виновность? — спрашивалъ Воеводинъ Сычугова. Сычуговъ какъ-то нелѣпо вскинулъ руками, что-то хотѣлъ сказать, упалъ головой на столъ и завывалъ, какъ звѣрь, котораго на-

стигли, окружаютъ и собираются убить...

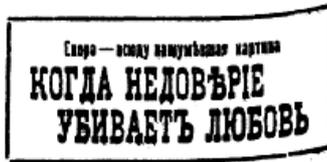
— Знай, — говорилъ Воеводинъ — это еще не мечь. Мечь впереди, за Ирину, за чистую дѣвушку, которую ты растопталъ! Мерзавецъ! будь ты проклятъ!

Послѣ этихъ словъ Воеводинъ вышелъ изъ-за стола и пошелъ гордой прямой походкой къ двери, которую почтительно открыли лакеи, проводя его ошалѣвшими глазами.

Послѣ рѣчи Воеводину поднялся страшный шумъ. Кричали. Требовали полицію, и одинъ за другимъ стали уходить домой, не прощаясь съ Сычуговымъ, который продолжалъ выть дикимъ звѣринымъ во-емъ...

Черезъ нѣсколько минутъ объ этомъ скандалѣ говорилъ весь Петербургъ, съ ненавистью и презрѣніемъ упоминая имя Сычугова...

(Продолженіе слѣдуетъ).



= ТАЙНЫ =

НАРВСКИХ ПОДЗЕМЕЛИЙ

(Романъ въ двухъ частяхъ).

(Предыдущіе номера съ началомъ романа можно получить въ конторѣ газетъ).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

15.

Собака Вѣтеръ.

Не доходя рыбацкѣй избушки, въ которой жилъ подъ видомъ скромнаго рыбака одинъ изъ террористовъ и откуда велъ потайной подземный ходъ въ Нарвскія подземелья, Воеводинъ чуть не наступилъ на грязнаго, исхудалаго, но чистой крови бульдога, который жалобно стоналъ и смотрѣлъ на него страдальческими человѣческими глазами.

— Что тебѣ дружище? — ласково поглаживая его, спрашивалъ Воеводинъ.

Къ большому удивленію, собака показала ему окровавленную лапу.

— Вотъ, милый, въ чемъ дѣло! — понялъ Воеводинъ. — Помощь, го-

воришь, нужна? Такъ и быть, надо помочь тебѣ. Ну-ка, дружище, дай я тебя возьму на руки.

Собака доверчиво заскулила и стала лизать его руки.

Воеводинъ принесъ собаку въ подземелье. При помощи Химика, немного знакомаго съ ветеринаріей, ей сдѣлали перевязку.

Съ этого дня собака привязалась къ Воеводину и не отходила отъ него ни на шагъ.

Въ свою очередь и Воеводинъ полюбилъ преданнаго, безсловеснаго друга.

Кто-то изъ обитателей подземелья, за рѣзвость и живость собаки, прозвалъ ее Вѣтромъ...

Надъ Нарвскими подземельями висѣла жуткая тревога.

Все больше и больше начинали убѣждаться, что Мечь ведетъ себя подозрительно. Были замѣчены его частыя отлучки въ Петербургъ. Со-

дня на день ждали измѣны, ареста. Въсѣхъ основаній обвинить Меча въ измѣнѣ пока не было, но слѣдили за нимъ строго, чуть-ли не зельзая въ его каморку и роясь въ бумагахъ.

Инстинктомъ звѣря Мечь чуялъ опасность.

Между нимъ и товарищами съ каждымъ днемъ порывались прежнія, интимно-дружескія отношенія.

Чтобы наладить эти отношенія, Мечь прибѣгалъ къ разнаго рода ухищреніямъ.

Чрезмѣрно льстилъ. Всегда угрюмый и молчаливый, на этотъ разъ произносилъ неестественно-горячо и убѣжденно рѣчи, въ которыхъ призывалъ не отступать отъ своей идеи, служить ей, и до смерти биться съ врагами.

Несмотря на пламенное краснорѣчіе Меча, рѣчи его выслушивались молча, угрюмо, безъ прежнихъ восторговъ.

Мечь это чувствовалъ и, какъ луда, съ нетерпѣніемъ сталъ ожидать часа покинуть эти земляныя стѣны и предать своихъ друзей.

Находясь у себя въ своей мрачной норѣ, служившей ему жилищемъ, до физической боли въ вискахъ, Мечь думалъ объ одномъ, какъ-бы скорѣе окончить дѣло,

обѣщанное Путилину и охранному петербургскому отдѣленію, въ которомъ, онъ за хорошее вознагражденіе, благодаря протекціи Путилина, числился негласнымъ агентомъ подъ кличкой „Бомба“.

При свѣтѣ свѣчи Мечь перечитывалъ письмо Путилина, въ которомъ сыщикъ разсыпался передъ нимъ въ благодарностяхъ за доставленные документы Ревельскихъ конспиративныхъ ячеекъ террористовъ.

Что-то похожее на угрызенія совѣсти шевельнулось въ душѣ Меча.

Онъ думалъ:

— Я дѣлаю величайшую подлость, выдавая своихъ друзей, въ которыхы работалъ, сидѣлъ въ тюрьмѣ, переносилъ всю горечь и восторги подпольной жизни... Среди нихъ много честныхъ, благородныхъ натуръ, чистыхъ идеалистовъ, жалкихъ неудачниковъ и вотъ, ради торжества своего маленькаго животнаго „Я“, за мягкіе диваны, зеркала и ковры, я предаю ихъ въ лапы тѣхъ, кого ненавиждѣлъ и съ кѣмъ бился до смерти...

Плევкомъ и крѣпкимъ ругательнымъ словомъ Мечь отогналъ эти мысли, огнемъ сжигавшія его душу. — Чортъ съ ними! — въ ярости шепталъ онъ, кончая письмо Пу-

тилина и бросая его на пол. — Мне жить по человечески хочется! Мне надоела эта проклятая нора, ежедневный трепет за свою шкуру. Монархическая власть сильна. Не нам, слабым, невооруженным утопистам, недоучкам, бороться с нею. Да и во имя чего, спрашивается, я буду жертвовать своим мозгом, способностями, молодыми лучшими годами? Во имя потомства? Ха-ха-ха! Чтобы жить хорошо, сладко и спокойно, жилось? Ну, ужь, нѣтъ-съ, дудки! Цель-то какая? Я бейся, жертвай здоровьем, не имей светлых дней, потомство будет благоденствовать, а я превращаюсь в лохуху или пыль... Перспектива любопытная! Къ чорту, золотой вѣкъ! Вилами онъ по водѣ писанъ. Ничемъ равна въ вамъ, чертямъ, равенств! — Равенство! — безсвязно, обжигаемая ненавистью металась мысль въ воспаленномъ мозгу Меча. — Да нука я, Мечъ, человекъ одаренный, умный, сравниваю съ первоначальными умомъ дворника или голцевскими Селифаномъ и Петрушкой! Нѣтъ-съ! Жизнь — борьба, а не торжествующій гимнъ! Въ равнинѣ скупа, казарма, а не жизнь въ превосходствѣ таланта надъ бездарностями, ума надъ глупостью,

знатнаго надъ простымъ, красота, смыслъ и содержание жизни.

— Къ чертямъ демократическіе принципы, революціонные идеалы, обоготвореніе революціонеровъ. Глупость. Пошлость. Фраза. Поза. Надо жить свободно, широко, на виду у всѣхъ, не прячась въ подзелья. Я бы, теперь, при своемъ умѣни и талантѣ, давно былъ-бы губернаторомъ или министромъ, а тутъ — звѣриное логово!.. Никакихъ угрызений совѣсти! Завтра забираю всѣ документы и спокойноенько отправляюсь съ ними въ Петербургъ. Навсегда распрощаюсь съ этими корумами, придавившими мой талантъ, умъ и душу... Своими революціонными „подвигами“ мы расшатываемъ великую богатую страну, съ прочно налаженнымъ государственнымъ аппаратомъ, и ведемъ ее, сами не зная куда... Я долженъ спасти Россію. Пусть погибнуть сотни, но спасутся миллионы!

Последнія слова на время усыпили безпокойную совѣсть Меча...

(Продолженіе слѣдуетъ).



ТАИНЫ НАРВСКИХЪ ПОДЗЕМЕЛІЙ

(Романъ въ двухъ частяхъ).

(Прездварные номера съ началомъ романа можно получить въ конторѣ газетъ.)

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

15.

Смертнѣйшій приговоръ.

Окрѣпшій и повеселѣвшій на сытыхъ хлѣбахъ Вѣтеръ игралъ ключкомъ бумаги.

На бѣготню его любовались Воеводинъ, Ольга и Викторъ.

Виктору пришла въ голову дѣтская мысль, привязать къ бумажному комочку нитку, чтобы подразнить Вѣтра.

Но передъ тѣмъ какъ привязать нитку, онъ разгладилъ бумагу и сталъ читать... Не успѣлъ прочесть нѣсколько строкъ, какъ вздрогнулъ, скрипнула зубами и поблѣднѣлъ.

— Что съ тобой? — въ одинъ голосъ спросили его Воеводинъ и Ольга.

Судорожно вздрагивающей рукой Викторъ протянулъ имъ лоскутокъ бумаги, бывшей такой наивной, не внушающей серьезности игрушкой всеобщаго любимца Вѣтра.

— Читайте... — въ ужасѣ прошепталъ онъ, хватаясь за голову.

По мѣрѣ чтенія письма лица Воеводина и Ольги то блѣднѣли, то краснѣли.

— Негодяй! — прошептала Ольга, до крови стискивая зубами губы, и также блѣднѣя.

— Что-же это такое? Предательство? — спрашивалъ Воеводинъ. — Намъ необходимо сейчасъ-же всѣмъ объяснить съ Мечомъ...

— Его нѣтъ. Общались только къ вечеру.

— Тѣмъ лучше. Въ его отсутствіи мы обсудимъ, какъ поступить съ нимъ... Предупреди, Викторъ, всѣхъ нашихъ, чтобы собрались въ общей комнатѣ.

Ольга плакала. Воеводинъ утѣшалъ ее:

— Не плачьте. Надо быть ко всему готовымъ. Наше счастье, что этотъ злополучный лоскутокъ бумаги попалъ къ намъ. Мы будемъ спасены.

Ольга не успокаивалась.

— Я такъ вѣрила въ идеюность этого человека... Нѣтъ ничего болѣе ужаснаго разочароваться въ человекѣ, за которымъ идешь, въ котораго вѣришь, жертвуешь своимъ здоровьемъ, молодостью, всѣмъ, а онъ, этотъ человекъ, какъ послѣдній негодяй, бросаетъ тебя на съѣденіе звѣрямъ. Подло бросаетъ! Развѣ можно такого человека шадить? — спрашивала она въ страшной ненависти.

Воеводинъ отвѣчалъ.

— Нѣтъ. Онъ долженъ отвѣтить.

— Что-же теперь дѣлать? — въ отчаяніи и тоскѣ спрашивала Оль-

га. — Какъ послѣ этого работать на счастье грядущихъ поколѣній, когда смѣлые и сильные, какъ Мечъ, оказываются предателями... Неужели крахъ нашему дѣлу? Какъ я жестоко ошиблась въ этихъ людяхъ!

— Всѣ собрались, ждуть васъ... — объявилъ Викторъ.

Въ общей комнатѣ, предназначенной для совѣщаній, въ жуткомъ молчаніи сидѣли и стояли около пятнадцати человекъ, обитателей Нарвскихъ подземелій.

По лицамъ угрюмымъ и землисто-сѣрымъ можно было прочесть, что ихъ обуревали нерадостныя думы.

Пока они не знали цѣли этого собранія, но обостреннымъ конспиративно революціоннымъ чутьемъ догадывались, что въ ихъ жизнь, тѣсно спаянную товарищескою этикой и солидарностью, вошло что-то чудовищно необычное и жестокое.

Когда Воеводинъ взглянулъ на нихъ, то подумалъ:

— Такие люди, извѣдавшіе преступленіе, смѣло бросающіе бомбы подъ кареты министровъ, по нѣскольکو разъ убѣгавшіе изъ тюремъ, ожесточившіе сердце непрестанной борьбой за жизнь, такіе люди не прощаютъ товарищескихъ измѣнъ.

Въ воздухѣ чувствовалось дыханіе смерти.

Въ злобномъ блескѣ глазъ, въ звѣриной настроенности, въ прерывистомъ дыханіи, съ сжатыми въ кулаки руками, обитатели подземелія были похожи на волковъ, поджидающихъ добычу.

Выступилъ Воеводинъ и спокойнымъ чеканнымъ голосомъ прочиталъ письмо Путилина.

Послѣ прочтенія минуты три длилось молчаніе. Страшное. Молчаніе просыпающагося звѣря.

Кто-то застоналъ. И этого было достаточно, чтобы разразилась буря ненависти, негодованія и острого, сжимающаго душу страхомъ крика.

Фраза нельзя было разобрать. Оди короткія, какъ удары хлы-

ста, слова-волли:

— Предатель!

— Гдѣ онъ?

— Сюда его!

— Смерть!

— Провокаторъ!

— Меча!

— Мы его сейчасъ распро-

шимъ!

Опять выступилъ Воеводинъ.

Достаточно было нѣсколько во-

левыхъ взглядовъ, какъ бурное море голосовъ смолкло.

— Товарищи! — говорилъ онъ. — Больше спокойствія. Будемъ ждать

Меча. Сегодня, въ двѣнадцать часовъ ночи, мы безшумно должны собраться сюда, и вынести нашъ судъ за его измѣну...

— Правильно! — согласился со-

браніе.

— Въ 12 часовъ ночи!

Въ восемь часовъ вечера всѣ разошлись по своимъ логовищамъ. Въ темныя нѣдра подземелій, тихими, но увѣренными шагами вло-

дила смерть...

(Продолженіе слѣдуетъ).



ТАЙНЫ НАРВСКИХ ПОДЗЕМЕЛИЙ

(Роман в двух частях).

Продолжение романа от начала романа можно прочитать в конце книги.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

16.

Расправа.

Террористы следили за Мечом. Меч, не подозревая опасности, тихими, осторожными шагами, с огарком свечи, стараясь не разбудить людей, пробираясь к заветному железному ящику, в котором лежали деньги и документы необычайной важности.

— Скорее сделать дело, и айда! — думал Меч, едва удерживая от волнения дыхание.

Он подошел к ящику. И только что хотел вложить в него ключ, как кто-то позади, мощной железной хваткой уцепился за плечо.

Меч вскрикнул, выронил свечу и ключ. Возгорелся непроницаемый мрак.

— Товарищи! Огня сюда, скорее! — крикнул человек, вцепившийся в плечо Меча.

— Воеводины! — прокричал Меч. — Не губи меня! Отпусти!

Гулко стуча по камню подземелья, шли с огнем террористы. Дико вскрикнули, увидев извивавшегося ужом Меча...

Он боялся поднять голову и взглянуть в глаза товарищей, которых хотел предать...

А они обступали его стальными, грозными кругами, из которого не убжишь.

Обступали молча.

— Вставайте! — сказала Воеводина Мечу.

Меч поднялся. Опущенная голова, вялые, бессильные руки, смертная бледность лица, дрожь пробегавшая по его телу, носили характер обреченности...

Его привели в общую комнату.

— Что вы с нами сделали? — спрашивала Воеводина.

Меч что-то хотел промолвить поблудившими губами, но вышло одно беззвучное борготанье.

— Что нужно сделать по революционному закону с теми, кто изменил партии и предал своих товарищей?

Меч едва слышно промолвил:

— Я не хотел, вас предать... Я остался верен партии...

Понемногу он пришел к себе и уже смальным голосом спросил:

— За что вы меня, как последняя негодая, схватили у потайного железного ящика? Вы знали мой кабинет? — спрашивала Меч Воеводина держким гнвным тоном, совсем уже освободившийся от страха. — Просто на просто я, как глава партии, хотел доверить документы и навести кой-какие справки... И то, что я делаю, — дело во имя нашей партии...

К Мечу спокойными шагами подошел Воеводина, протянул ему письмо Путилина и спросил:

— Это тоже во имя партии?

Меч широко раскрытыми глазами смотрел на этот предательский ключок бумаги и не мог понять, как он попал в чужие руки.

Словно увидев смерть в глазах Воеводина, он схватился за отчаяние за голову и попытался надавить.

Смертная тишина, царившая до этого в ночных подземельях, вдруг, разрядилась бешеным смерчем крика к ругани.

— Предатель!
— Смерть ему!
— Негодяй!
— Бей его!

И если-бы не вмешательство Воеводина, Меч был-бы снят и

завожен озлобленными революционерками.

— Товарищи! — обратился Виктор. — Я предлагаю, пусть Меч сам, на глазах всех присутствующих, кончит себя!

Предложение Виктора было принято с восторгом.

Блиск положил на стол револьвер и сказал Мечу:

— Пожалуйста!

Для Меча все было кончено. Он решил покориться своей участи. Автоматически, никого не видя перед собой, ничего не сознавая, он подошел к столу, меторопливо взял револьвер, обвед присутствующих полубезумными блуждающими глазами, тяжело вздохнул, взял дуло револьвера в рот, и, тихо простонав, крепко зажмурил глаза, выстрелил...

В жутком молчании, не глядя друг на друга, подошли революционеры к телу своего бывшего главы.

— Труп надо убрать... — сказал кто-то.

— Но куда? — спросили. — Закрыть его здесь нельзя...

— Выбросить в Нарову! — распорядился Виктор.

Осторожно взяли покойника, темными подземными ходами вынесли его к каменистому берегу, раскочаили и бросили в бурный долин Наровы...

(Продолжение следует).

ТАЙНЫ НАРВСКИХ ПОДЗЕМЕЛИЙ

(Роман в двух частях).

Продолжение романа от начала романа можно прочитать в конце книги.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

17.

В одну из дождливых темных ночей, по направлению нарских скал, шли три человека в партикулярных пальто.

— Семенов, ты расположение подземелий хорошо знаешь? — спросил один из них, высокого и худощавого.

— Бомба мне подробно объяснила все. Мы должны сейчас завернуть за уголок этой скалы, спуститься к берегу, пройти до самого, почти, железнодорожного моста, а там мы увидим небольшое ущелье, в которое надо проникнуть...

— Ты, Буш, станешь у входа в ущелье. Опасность предупреждай свистком. Мы с Трофимом спустимся в подземелье. Пальто снимем у входа. Бомба объясняла нам, что ползти придется все прямо, до тех пор, пока не упрется в стену. В стнн надо найти кольцо, которое повернуть влево два раза. Откроется другой ход, прямо к террористам.

— Кстати, — спросил Буш, — почему отец Бомбы ни слуху, ни духа. Пятый день пропадает. Не раздумал ли?

— Не может быть. Да и разду-

мывать теперь поздно, когда наша охранка знает все, за исключением лишь списка террористических организаций.

— Мне кажется, — глубокомысленно замтил Семенов, старый и талантливый охранник, — не влипели наш Бомба?

— Как так?

— Не направили его? Сыск и революционеры поставлены не хуже нашего.

— Что-же тогда? — спросил Буш, самый молодой агент охранки.

— У них просто. Поялся в предательств, пулю в лоб, труп за ноги да и в воду! — указал Семенов на бшено ревуция воды Наровы.

— Решительный народ!

— Трофим! — начальнически внушительно замтил Семенов. — Следить внимательно. Разобрать все углы, все ходы и выходы, откуда удобнне будет пройти полиции.

— На меня можешь положиться. Не в первой, чать.

— То-то. Работа должна быть чистой. Главное, Боже тебя опаси, шумом или шорохом обратит на нас внимание. Запомни, что они чутки, как зври.

— Да что ты меня все учишь!

Не знаю я, что-ли! — разсердился Трофим.

— Ну ну! Не кипятись, смола! Кь чашей-же пользы. Дело справить чисто, награда нам обещана хорошая...

Осторожно обогнули скалу, спустились к берегу, и пошли по направлению железнодорожного моста.

Поднялись на скалы. Дошли до назначенного ущелья. Оглянулись по сторонам.

Трофимов и Семенов сняли пальто, спрятав их в скалистом отверстии, а сами стали пролезать в ущелье.

Буш стоял на страже.

18.

В нарских подземельях шло бурное собрание.

На повстгк острый требовательный вопрос: покинуть-ли подземелья, чтобы не попасть, ввиду измены Меча, в лапы полиции, или оставаться здесь?

Мнне раскальвалось. Большинство было за то, чтобы остаться.

— А может быть, Меч—говорила Вбра,— выдал охранку наше убжище, и не сегодня, завтра мы будем арестованы!

— Нам необходимо искать новое место... и нового главу!

— Глава у нас есть! — послышалось несколько голосов. — Воеводина будет главой!

При одном имени Воеводина, все встали, и все один голос заявили:

— Будь главой!
Воеводина спокойно принял это избранье.

— Покидать этого места мы не будем... — заявил он. — На случай опасности, есть еще ход, недавно мною открытый, очень удобный и безопасный.

При этом Воеводина подошел к стнн, нажал невидимую для глаз кнопку и перед удивленными глазами присутствующих открылся подземный ход.

Воеводина пояснил:

— Этот ход старинный. Ведет к самому лесу...

— Bravo! — заулыбались голоса.

— Крик наша твердыня!

Смелость, непоколебимая порядочность и спокойствие Воеводина, прояснили в мрачных, встревоженных изменой Меча, душах революционеров-террористов надежду...

Вдруг, отчаянным и тревожным лаем встрепенулся Втерь. Вздрогнули.

— На кого она лает! — недоумывали все.

Втерь, несмотря на окрик, продолжал лаять.

— Собака лает не к добру. Она чувствует незнакомого чужого человека. Пойдемте, посмотрим.

Взяв на всякий случай по револьверу, с фонарем в руках, позади Вбра, отчаянно рвавшегося вперед, они осторожно пошли...

Гд-то послышался шорох...

— Полиция!

— Вот, она, гд измена проклятого Меча! Скорее товарищи!

— шепнул Воеводина...

(Продолжение следует).



= ТАЙНЫ =

НАРВСКИХ ПОДЗЕМЕЛИЙ

(Роман в двух частях).

(Продолжение романа с началом романа можно получить в конторке газет).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

19.

Жертв водопада.

— Стой! Кто такой?— не своим голосом крикнул Воеводин, лицом к лицу сталкиваясь с осторожным сыщиком Трофимом.

Вместо ответа тот быстро выхватил револьвер и направил его в лицо Воеводина. Но в это время, откуда не возьмись, выскочил Ветер и с таким остервенением вцепился в икру сыщика, что тот выронил револьвер и скорчился от мучительной боли.

На безоружного сыщика налетели террористы и скрутили ремнями руки.

Ветер, где-то в глубине подземелий, отчаянно лаял.

— Ветер лает неспроста... — сказала Енисей!

— За мной, товарищи!— бросился Воеводин по направлению лая.

В небольшой нише прятался другой сыщик.

— Ни с места! Руки вверх!

И когда перепуганный сыщик поднял руки, ему также, как и первому, связали руки и повели в „общую“.

В „общей“ сыщиков обыскали.

Нашли план подземелий, начерченный рукой Меча.

Железный закон террористов карал смертью каждого шпона.

Когда обыск был окончен, самый жестокий террорист Солдатенко, никого не спрашивая, коротко обратился к сыщикам:

— За мной!

Медленным смертным шагом приговоренных, бывше, как по-

лотно, крепко связанные ремнями, сыщики пошли за Солдатенко.

Он вел их длинным, извилистым лабиринтом, освещая путь электрическим фонарем.

Вдали что-то шумело, словно кипела вода в котле.

Дошли до широкого отверстия, откуда открывался вид на кипящий Нарвский водопад.

Солдатенко коротко и повелительно отрубил!

— В воду!

В глазах сыщиков отразился животный ужас.

— Спасите! — пролепетали бляга губы Трофима.

Солдатенко был безразличен.

— Не губите нас... — пролепетал Семенов, опускаясь на колени.— Мы вас не выдадим...

— Бросайтесь в воду! — приказывал Солдатенко. — Если вы хорошо пловцы, то спасение для вас возможно!

Водопад рычал, как дикий зверь. Ужасом смерти дышал он.

Сыщики заглянули в его пучины, и в ужасе отпрянули, закрыв лицо руками.

Солдатенко неслышно подошел к ним, и быстро, с силой, не дав им опомниться, толкнул их

в пучину бешено-ревущего водопада...

Жизнь в подземелье пошла своим чередом.

Как глава, Воеводин был на месте и пользовался безграничным доверием партии.

Полиция зорко следила за Нарвскими подземельями, но проникнуть в них, благодаря безслыдно исчезнувшим Трофиму и Семенову, не могла.

Террористы замуровали тот вход, через который проникли сыщики, и пользовались случайным найденным Воеводинным подземным ходом, выходящим к безлюдному лесу.

На последнем заседании террористов, по предложению Воеводина, для пополнения кассы, а также на нужды голодающих крестьян, решено было ограбить несоразмерный шкаф Сычугова.

На дело вызвались Виктор, Ольга и Алексий...

(Продолжение следует.)



= ТАЙНЫ =

НАРВСКИХ ПОДЗЕМЕЛИЙ

(Роман в двух частях).

(Продолжение романа с началом романа можно получить в конторке газет).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

20.

В душу Ольги вошла любовь и наполнила ее счастьем, отчаянием, и тоской.

Силой воли она сдержала к Воеводину свое чувство. Ни словом, ни взглядом не выдавала его. Как материнский крест, прятала любовь от посторонних глаз.

Всегда живая и общительная, за последнее время Ольга полюбила одиночество.

Уходила подземным ходом в лесную тишину и там предавалась своим думам.

Ее начинали тяготить мрачные стены подземелья. Мечталось о другой жизни, прекрасной и тихой. Измена Меча еще более повляла на Ольгу, и она уже с недоверием смотрела на необходимость революционной борьбы.

— Любить ли он меня?— в тоске спрашивала Ольга, и, как наивная влюбленная гимназистка, отрывала белые лепестки ромашки: любить не любить...

И какая светлая радость охватила ее, когда цветы сказали: любить...

Однажды, одиночество Ольги было нарушено приходом Воеводина, тоже тяготившегося мраком и сыростью подземелья.

Он подошел к Ольге, и молча, сел рядом.

Солнце, лесни птиц и зелень ласкали его озлобленную безпокойную душу.

Мечталось о прошлом... захотелось ласки, человеческого участия...

Глаза Ольги были так ласковы, и смотрели на него с таким жалостным материнским участием, что он не заметил, как склонил свою голову к ней на плечо...

Поняла Ольга, что он страдает. Мучают его воспоминания, и она робко стала гладить его волосы, утешая, как ребенка...

За дело ограбления Сычугова, Виктор, Ольга и Алексий взялись охотно. Знали, что Сычугов — заклятый враг Воеводина и были рады отомстить ему за своего товарища.

Навели все необходимые для „дела“ справки.

После скандала на серебряной свадьбе, Сычугов отчаянно записал. Жена Сычугова, не вынося пьяных скандалов мужа, уехала в Нишу.

С отцом оставался сын его Георгий, также не уступавший своему родителю по части скандалов, разврата и пьянства.

Излюбленным местом Сычугов был загородный ресторан „Огонек“.

В этот-то ресторан и решила поехать Ольга, чтобы познакомиться с ним, знакомство и силой своих женских чар покорить его.

Раз в неделю Воеводин перекрашивался в нищенский наряд, наклеивал бороду, гримировал лицо, поздней ночью выходил из подземелья и направлялся в самые глухие и нищенские трущобы Нарвы.

Подойдет к окну. Постучит. На вопрос, кто там?— Воеводин отвечал:

— Дядь Захар!

При одном имени, в дом поднималась радостная суета.

— Дядушка Захар!.. Дядушка Захар пришел!

Просыпались дети, и в одних рубашенках бжали навстречу дядушке Захару.

А дядь неторопливо входил в дом, и пока ставили самовар, он развязывал мешок и оделял нищих, голодных детей булками, сыром, колбасой, сладостями.

Впив стакан чаю, Воеводин поднимался и, благословляемый благодарными взорами нищеты, сунув в руку главы дома сумму денег, уходил к иным углам, где прятались слезы, нищета и голодные дти.

Слова о невдомом дядушке Захар, с тихой молитвой переходила из одного квартала в другой, из одной деревни в другую.

Сгорит ли у мужика изба, падет ли корова или лошадь, умрет ли кормилец в семье, сам Воеводин в образе старика приносил помощь, или же посылал

по почте с скромным напоминанием: „Молитесь за Ирину.“

Петербургское охранное отделение было в тревоге.

Исчезновение Меча и двух сыщиков не на шутку взбодорило всех.

Сыщик Буш рассказывал: — Я ждал Трофима и Семенова больше шести часов, и не мог дожидаться...

В то время, когда я собирался уходить, вдруг со стороны реки услышал страшный крик...

Я бросился туда, и собственными глазами видел, как в бурных волнах колыхался человек...

Спаси его не было возможности... Через несколько минут он пошел на дно. Мне кажется, горючил взволнованный Буш, что наши товарищи, Трофимов и Семенов, попали в руки террористов. Каким образом потайным подземным ходом они довели их до водопада, и сбросили...

Во время рассказа Буша, вбуждал в канцелярию один из чиновников и доложил, что по сообщению Нарвской полиции, в шести верстах от Нарвы, около деревни Риги, волнами реки выброшен труп мужчины средних лет, в карманах которого найден паспорт на имя Василия Козлова.

— Меч погиб!

— Убили товарищ!

— Попался бдяга! — раздался голоса.

Срочно был вызван Путилин...

(Продолжение следует.)



= ТАЙНЫ =

НАРВСКИХ ПОДЗЕМЕЛИЙ

(Романъ въ двухъ частяхъ).

(Предыдущіе номера съ началомъ романа можно получить въ конторѣ газеты.)

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

21.

Несгораемый шкафъ.

— Нина Константиновна... сюда пожалуйте. Вашу ручку! — счастливо бормотала Сычугова, открывая дверцу автомобиля и помогая выйти красивой, одѣтой въ черное, стройной дамѣ.

Поднялись въ покои Сычугова. Въ столовой ожидалъ накрытый столъ.

Сычуговъ не сводилъ глазъ съ красивой женщины, съ которой съ большими трудностями познакомился въ загородномъ ресторанѣ „Огонекъ“.

Она, казалось, не замѣчала его тяжелыхъ, похотливыхъ взглядовъ и продолжала ѣсть съ большимъ аппетитомъ.

Она то и дѣло подливалъ ей шампанское.

— Скажите пожалуйста! — спрашивала Нина Константиновна, устремивъ взоръ на одну изъ картинъ на стѣнѣ. — Чья это работа?

И пока Сычуговъ поворачивался къ картинѣ, она быстро вылила шампанское на коверъ и продолжала лепетать милый женский вздоръ, подливая вино въ бокалы Сычугова.

Присутствіе красивой женщины волновало его. Она гладилъ ее красивыя руки. Лепетальъ безсвязныя ласковыя слова.

Нина Константиновна не противилась его ласкамъ, а, напротивъ, сама подвигалась къ нему ближе, дурманила его своими духами и гладила по головѣ. Другой рукой подливала въ бокалы шампанское.

Сычуговъ пилъ, но не пьянѣлъ. Нина Константиновна нервничала. Поглядывала на часы. Ласки Сычугова становились все назойливѣе и грубѣе.

— Душно! — въ изнеможеніи сказала она. — Можно открыть окно?

— Пожалуйста. Я сейчасъ... — поднялся Сычуговъ.

— Сидите. Я сама! — и Нина Константиновна быстро подошла къ двери, выходящей на балконъ.

Раскрыла дверь и увидѣла въ уголкѣ балкона темную, свернутую клубкомъ фигуру человѣка.

— Викторъ, вы? — шопотомъ спросила она.

— Я, Ольга Владимировна. Присутствіе Виктора ободрило Ольгу, и она уже смѣло вошла къ Сычугову.

Какъ не старалась она опонить Сычугова виномъ, онъ не пьянѣлъ. Послѣ ужина Сычуговъ предложилъ Ольгѣ осмотрѣть его покои.

Долго водилъ по комнатамъ. За ними безшумно, какъ кошка, прыгавъ за портьеры, шелъ Викторъ.

Дошли до спальни. Сычуговъ, вдругъ, грубо, сильными руками схватилъ Ольгу и бросилъ ее на кровать, но въ это время выскочилъ Викторъ и чѣмъ-то тяжелымъ ударилъ его.

Послѣдній вскрикнулъ и тяжелой тушей упалъ на полъ. Ольга смочила хлороформомъ носовой платокъ и положила его на лицо Сычугова.

Все это дѣлалось быстро и безшумно.

На всякій случай Викторъ перерезалъ провода.

Освѣщая путь маленькимъ электрическимъ фонаремъ, они направились въ кабинетъ къ несгораемому шкафу.

На счастье въ замкѣ стоялъ ключъ, забытый Сычуговымъ.

Открывъ тяжелую дверцу несгораемаго шкафа, они быстро вынули всѣ деньги и цѣнные бумаги, и, прислушиваясь къ шороху, направились къ балкону.

Было два часа ночи.

Рѣдкіе прохожіе нарушали тишину улицы.

Викторъ спустился съ балкона въ речонную лѣстницу.

Внизу ожидалъ Алексѣй. Но только что Ольга стала спускаться внизъ, какъ вдругъ послышался въ дверяхъ балкона грозный голосъ.

— Вы куда? Викторъ даже не вздрогнулъ. Обернулся. Стоялъ дакей.

— Гра-абить? — наступала лакей на Виктора. — А въ полицію не желаете?

Викторъ спокойными шагами подошелъ къ нему.

— Голубчикъ, не поднимай тревоги, коли жить хочешь! Какая тебѣ отъ этого польза? Награды ты не получишь, а такую скотину какъ Сычуговъ, негрѣшно и огрѣбить. Вотъ тебѣ, не считая, пачку денегъ. При допросѣ скажи: знать ничего не знаю, вѣдать не вѣдаю. Пришелъ баринъ нашъ съ лезелью, нашего брата услалъ. Ничего не видѣли. На эти деньги трактиръ или ресторанъ откроешь, будешь баринкомъ, а не лакеемъ. Понялъ?

Слова Виктора были убѣдительно, но еще болѣе убѣдила лакея увѣсистая пачка денегъ.

Махнувъ рукой, лакей, взявъ деньги, скрылся во мракѣ Сычуговскихъ покоевъ.

Викторъ благополучно сошелъ внизъ, гдѣ стояли въ большой тревогѣ Ольга и Алексѣй. Но только что вышли изъ воротъ дома, какъ къ нимъ навстрѣчу бросились съ крикомъ темныя фигуры...

(Продолжаніе слѣдуетъ.)

= ТАЙНЫ =

НАРВСКИХЪ ПОДЗЕМЕЛИЙ

(Романъ въ двухъ частяхъ).

(Предыдущіе номера съ началомъ романа можно получить въ конторѣ газеты.)

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

22.

Студенты.

На Виктора и Алексѣя набросилась полиція. Не успѣли они опомниться, какъ руки ихъ были скручены веревками.

Ольгу не тронули. Она быстро скользнула за уголъ дома. И когда полиція повела арестованныхъ по темной глухой улицѣ, Ольга незаметно, какъ тѣнь, двигалась за ними и до физической боли голову ее мучилъ одинъ вопросъ.

— Какъ спасти?

Имъ грозитъ гибель. Выхода нѣтъ. Въ кармазѣ Виктора отмычки и деньги Сычугова. Неопровержимыя улики на лицо. Къ тому же еще узнаютъ, что Викторъ бѣжалъ изъ Х. тюрьмы. Тогда смерть. Что дѣлать? Они скоро дойдутъ до полиціи. Захлопнется дверь и не будетъ Виктора и Алексѣя. Какое несчастье, что нѣтъ Воеводина. Онъ сильный. Какъ деревяннхъ солдатиковъ, раскидалъ-бы полицію... Но нѣтъ его, нѣтъ! — И въ голосѣ Ольги зазвенѣли слезы.

И вдругъ... изъ-за темнаго угла, шумной толпой, пересѣкая дорогу Ольги съ удалыми пѣснями и гиками, слегка навеселѣ, заломивъ лихо фуражки, вышли студенты. Высокіе, коренастые, сильные. Добродушные. Видъ у всѣхъ такой, что сейчасъ въ огонь и воду.

Увидѣли Ольгу. Обожгла ихъ своей необычайной красотой.

Сконфузились. Инстинктомъ красивой женщины она поняла, что искры ея красоты упали въ ихъ молодыя сердца.

Въ головѣ Ольги мелькнула блестящая мысль, отъ которой сдѣлалось легко и весело.

Она подошла къ нимъ.

— Господа! — начала она слегка дрогнувшимъ шарующимъ голосомъ. — Помогите мнѣ, пожалуйста...

— Мы готовы! Сейчасъ! — съ мѣста въ карьеръ вскинулись студенты, вспыхнувъ молодой рѣшимостью, а одинъ изъ нихъ, самый высокой и сильный, даже рукава засучилъ, почуявъ, что безъ драки не обойтись.

— Спокойнѣе, мои милые! — счастливо улыбулась Ольга. — Дѣло, вотъ какого рода. Видите впереди, какъ полиція ведетъ двухъ чело-вѣкъ.

— Видимъ.

— Эти люди — революціонеры, очень честные и благородные люди. Имъ грозитъ каторга или висѣлица. Надо ихъ спасти во чтобы-то не стало!

Студенты приготовились къ бою.

— Какъ? — спрашивали они. — Революціонеровъ поймали.

— Не дадимъ въ обиду.

— Айда, ребята.

И не успѣла Ольга еще что-то сказать имъ, какъ студенты лихо сорвались съ мѣста и побѣжали вслѣдъ полиціи.

Едва поспѣвая, пошла за ними и она.

Полиція шла медленнымъ, раз-мѣреннымъ шагомъ.

Было безлюдно и тихо кругомъ. Преслѣдуемые вошли подъ мрачную сѣнь старинной арки, когда студенты настигли ихъ.

Высокій студентъ съ засученными рукавами косоворотки незамѣтно подкрался къ одному городовому, другой ко второму, и остальные къ третьему.

Не успѣли городовые оглянуться на студентовъ, какъ быстро были схвачены дожими руками, перевязаны кушанками и ремнями и повалены на мостовую.

Пробовали они закричать, но рты были быстро заткнуты носовыми платками.

Развязали руки Виктора и Алексѣя.

Тѣ отъ радости стали обнимать неожиданныхъ спасителей.

— Не насъ благодарите, а, вотъ, эту даму... — скромно отмалчивались студенты, указывая на Ольгу. — Она

намъ сказала, что вы революціонеры... А за революціонеровъ мы всегда стоимъ. По студенчески! Тепло распрощались и стали расходиться.

Черезъ часъ послѣ злополучнаго удара Сычугова очнулся.

Долго не могъ понять, что совершилось...

Мозгъ постепенно прояснялся. Пока онъ поднимался съ пола, вошелъ лакей и дрожащимъ голосомъ сообщилъ.

— Баринъ... Бѣда... Мамзель-то ваша — воровка. Несгораемый шкафъ вашъ открытъ. На полу деньги разсыпаны. Поглядите, не обокрала ли она васъ?

Испугъ перекошилъ лицо Сычугова.

— Ограбленъ? Не можетъ, быть?

Въ шкафу два милліона, не считая акцій, которымъ цѣны нѣтъ!

Блѣдный, онъ хватился за голову, и, поддерживаемый лакеемъ, пошелъ въ кабинетъ.

Невѣрными шагами подошелъ къ шкафу.

Перебралъ дрожащими руками деньги и бумаги, вдругъ опять схватился за голову, присѣлъ на полъ и закричалъ дикимъ крикомъ.

— Ограбили! Полицію! Полицію!

Лакей бросился къ телефону.

Черезъ полчаса прибыла полиція. Осмотрѣвъ шкафъ, полиція, недолго медля, вызвала къ телефону еще нѣсколько городовыхъ и сыщиковъ и бросилась въ погоню за террористами...

(Продолжаніе слѣдуетъ.)

ТАЙНЫ НАРВСКИХ ПОДЗЕМЕЛИЙ

(Фантазия в двух частях).

(Президиуміе номера съ началомъ романа можно получить въ конторѣ газетъ).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

23.

Тайна конверта.

Крупная кража повліяла на Сычугова. Были нажаты всѣ пружины. Полиція съ ногъ сбилась, но преступники, какъ въ бездну, канули. Цѣлыя ночи напролетъ Сычуговъ проводилъ въ загородномъ ресторанѣ „Огонекъ“.

Кутить напрогалую. Последнее время жилъ съ особеннымъ отчаяніемъ. Недавній скандалъ, разрывъ его съ высокопоставленными друзьями и знакомыми, кража, неудача въ торговлѣ, не могли не заставить тянуть мертвую чашу.

Страшенъ былъ Сычуговъ въ пьяномъ видѣ.

Установится глазами въ простран-

ство. Закроетъ лицо руками, и, вдругъ, закричитъ отчаяннымъ звѣриннымъ воплемъ: Спасите... Спасите...

Какая видѣнія посѣщали Сычугова? Дома онъ велъ себя также странно.

Ночью онъ безумнымъ вскакивалъ съ постели и кричалъ въ тишину тѣмъ же отчаяннымъ крикомъ. Крикомъ звѣря, наступатаго охотникомъ.

На крикъ прибѣгалъ сынъ.

— Пала, что съ тобой?

Сычуговъ испуганно прижимался къ сыну:

— Она... Она... въ бѣломъ!

— Кто она?

— Невѣста... Святая... Вся въ бѣломъ. Руки у нея длинныя...

Къ самому горлу тянутся.

Сынъ звонилъ по телефону къ доктору.

Тотъ приходилъ, укоризненно выслушивалъ его, качалъ головой и серьезно совѣтовалъ:

— Меньше употребляйте крѣпкихъ напитковъ...

Въ отвѣтъ Сычуговъ криво улыбался и съ какимъ-то злымъ сожалѣніемъ говорилъ:

— Наплевать! Буду пить! Не одинъ докторъ мнѣ не поможетъ!.. Особенная у меня болѣзнь! — и послѣ короткаго молчанія, Сычуговъ загадочно добавилъ:

— Мнѣ-бы на каторгѣ полѣчиться надо... Безпутнымъ русскимъ людямъ она на манеръ теплыхъ заграничныхъ водъ-съ.

Докторъ пожималъ плечами и, когда уходилъ, то шепталъ сыну:

— Вы меня пригласили по ошибкѣ. Вашему папашѣ нуженъ врачъ-психиатръ.

Между тѣмъ надъ домомъ Сычугова все больше и больше сгустились зловіщія тучи.

Однажды Сычуговъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ.

Въ дверь постучали.

— Войдите.

Вошелъ лакей и подалъ ему пакетъ, запечатанный тремя черными печатями. Двѣ печати наверху, и одна подъ ними. Какъ темныя впа-

дины черепа. Этотъ небольшой запечатанный конвертъ не былъ вскрытъ, но уже внушалъ ледяной ужасъ, словно тамъ, кѣмъ-то, изрекался ему, Сычугову, смертный приговоръ.

На лбу выступилъ холодный потъ. Дрожащими руками онъ вскрылъ конвертъ и съ видомъ человека, глядящаго въ черную пропасть, съ содроганіемъ и тревогой влился въ бѣлый листъ бумаги...

Торжествующе злобно глянувъ съ бумаги жуткая печать. Треугольникъ.

Въ треугольникъ черепъ на скрещенныхъ костяхъ и крупныя, иллиграфическія выведенныя слова.

— Возмездіе. Ирина.

Сычуговъ поблѣднѣлъ, схватился за сердце и потерялъ сознание.

Гдѣ-бы Сычуговъ не былъ, что бы онъ не дѣлалъ, его мозгъ и сердце жгла мысль:

Гдѣ-же это возмездіе!

Днемъ онъ шелъ крадучись, озираясь, какъ безумный. Могло бы встрѣчнаго онъ принималъ за Тога, кто убьетъ его... Вся радость жизни была отравлена. Онъ былъ погоняемъ на челоуѣва, приговореннаго къ смертной казни.

Не знающій срока смерти, Сычуговъ боялся быть однимъ. Изъ каждаго угла, окна, дверей и даже изъ каждой тарелки и стакана глядѣла на него оскаленная смерть.

Днемъ онъ мечталъ о ночномъ воюѣ:

— Засну. Забуду.

Наступала ночь. Но приходили новые черные кошмары, посѣщали фантастическія видѣнія, что, онъ прохаживалъ въ холлѣ по пути и съ жуткимъ вѣномъ ждалъ восхождения на стѣну.

Сычуговъ осунулся. Поблѣднѣлъ. Временами сталъ дико крикаться. Но въ ночь топили двойныя страхи и преслѣдованія въ винѣ, и въ отвѣтъ на него еще страшнѣе... Смертная казнь еще страшнѣе... Смертная казнь шла по пятамъ. Онъ чувствовалъ, какъ подходит она къ нему. Леденить его душу свѣтитъ могильнымъ дыханіемъ, тянетъ въ горлу костлявыя цѣпкія руки, задыхать его, хочетъ...

— Вина! — кричалъ онъ, выходя къ себѣ. — Какъ можно больше вина! Провите отъ меня Курсы! И-пиль! пиль!

Сычуговъ, опустивъ на письменный столъ голову, забылся въ легкой дремѣ, понемногу перешедшей въ кровавый сонъ.

Въ двери стучали.

Сычуговъ не просыпался.

Постучали еще разъ и убѣдились, что онъ спитъ, рѣшили открыть дверь.

Вошелъ лакей.

— Баринъ, а баринъ... — шевелилъ его лакей. — Проснитесь. Полиція къ вамъ пришла...

Сычуговъ вскопился. Блѣдность покрыла его лицо. Въ глазахъ изобразилось столько ужаса, что лакей отъ страха подался назадъ, но потомъ опомнился и подалъ ему стаканъ воды.

Зубы Сычугова стучали по краю стекла.

Неожиданно взялъ себя въ руки, невольно улыбнулся и попробовалъ казаться спокойнымъ, но ничего не вышло. Grimаса страха исказила его лицо.

— Пусть войдутъ!... — едва слышно прошепталъ онъ, усаживаясь въ кресло.

Черезъ нѣсколько секундъ, показавшихся Сычугову за вѣчность, въ кабинетъ вошла полиція во главѣ съ судебнымъ слѣдователемъ...

(Продолженіе слѣдуетъ.)



ТАЙНЫ

НАРВСКИХ ПОДЗЕМЕЛИЙ

(Романъ въ двухъ частяхъ).

(Продолженіе романа съ начала романа можно получить въ конторѣ газетъ).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

24.

Арестъ Сычугова.

— Мы къ вамъ въ гости г. Сычуговъ! — мягкимъ пріятельскимъ говоркомъ заговорилъ слѣдователь, усаживаясь напротивъ Сычугова.

— Милости просимъ — поблѣднѣвъ, отвѣтилъ тотъ, едва удерживая бѣшеное біеніе сердца и продолжая стоять передъ полиціей на вытяжкѣ, какъ солдатъ.

— Да вы садитесь, дорогой мой... — милостиво разрѣшилъ слѣдователь. — Къ чему между хорошими друзьями официальный тонъ. Вѣдь мы съ вами не разъ встречались у т-те Розз... Хе-хе-хе, и въ вертепѣ „Огонекъ"... Изволите помнить?

Дружескій, совсѣмъ нестрашный тонъ слѣдователя ободрилъ Сычугова и онъ уже съ облегченнымъ сердцемъ подумалъ. — Въ визитѣ полиціи ничего нѣтъ страшнаго... — и вполне успокоенный Сычуговъ сѣлъ и устремилъ глаза на слѣдо-

вателя и спокойнымъ тономъ спросилъ его:

— Вы, надѣюсь, по поводу кражи? — Нѣтъ-съ, г. Сычуговъ. Совсѣмъ по малозажному дѣлу.

Тѣни испуга опять пробѣжали по лицу Сычугова.

— Такъ что-же вамъ нужно?

— Я хотѣлъ спросить, — началъ слѣдователь, рассматривая свои холеные блестящіе ногти, — каково ваше мнѣніе о выстулленіи нѣкоего господина на вашей серебрянной свадьбѣ. Не правда-ли, онъ оскорбилъ васъ самымъ незаслуженнымъ образомъ?

При этомъ слѣдователь устремилъ на Сычугова острый, всепроникающій взглядъ, отъ котораго было неловко, притуплялись мысли и тяжельѣлъ языкъ.

— Мм-нѣ было очень тя-желю... тогда... — черезъ силу говорилъ Сычуговъ.

— Конечно, тяжело. Такая грязь. Такое страшное подозрѣніе. Мнѣ кажется, этотъ господинъ былъ психически-ненормальнымъ. А скажите, когда вы уходили изъ квартиры Ирины Зиминной, вамъ никто, тогда, не встрѣтился на улицѣ?

Не успѣлъ Сычуговъ опомниться и разбраться въ этомъ вопросѣ, предложенномъ съ такой мягкостью и небрежностью, какъ уже отвѣтилъ:

— Никого...

И когда произнесъ это роковое слово, понялъ, что онъ попался, проговорился, и теперь для него все кончено. Хотѣлъ было поправиться, но было поздно. А слѣдователь продолжалъ допрашивать, сколько дней онъ пробылъ въ Нарвѣ, гдѣ останавливался, когда уѣхалъ...

Сычуговъ машинально, безразличнымъ тономъ, устремивъ въ пространство мутный взглядъ, отвѣчалъ слѣдователю.

— А теперь, г. Сычуговъ — сказалъ слѣдователь, поднимаясь съ кресла съ той-же мягкой пріятной улыбкой, словно приглашая на веселую попойку, — пойдете съ нами. Мы хотимъ принять всѣ мѣры, чтобы облить васъ. Снять съ вашего дома ужасное подозрѣніе, брошенное неизвѣстнымъ господиномъ на вашей серебрянной свадьбѣ.

Сычуговъ не протестовалъ.

Позвалъ лакея. Попросилъ шляпу, пальто и трость и пошелъ съ полиціей.

Въ этотъ день онъ былъ заключенъ подъ стражу.

И такъ надъ домомъ Сычугова разразилась гроза.

Много передумалъ онъ въ одиночной каменной камерѣ. Всю свою жизнь перебралъ и много нашелъ

въ ней мерзкаго, животнаго, грѣховнаго.

Ночью вставалъ съ жесткой постели, становился на колѣни и молился Тому, Котораго ни разу не вспоминалъ и не хотѣлъ о Немъ думать.

— Господи! — шепталъ онъ, обливаясь слезами. — Я скажу судьямъ: Виновенъ. Судите меня. Я пойду на каторгу. Прости меня. И Сычуговъ думалъ о каторгѣ и жаждалъ ея:

— Тамъ найду исцѣленіе. Тамъ очищу свою душу.

Подъ наплывомъ этой мысли легко было на душѣ Сычугова, онъ не боялся суда и ждалъ его.

Но приходили къ нему жена, сынъ, дочь, хорошіе друзья и знакомые, лучше русскіе адвокаты и своими совѣтами, слезами, увѣщаніями сбивали его съ пути покаянія.

— Ради Бога не говори ничего лишняго! — плакала жена. — Помни о насъ. Ты обрекаешь насъ на позоръ.

— Папа, если былъ грѣхъ, — угорваривалъ сынъ, — не сознавайся. Не ты первый, не ты послѣдній. Мало-ли что въ жизни бываетъ.

— Основательныхъ уликъ противъ васъ нѣтъ! — увѣщевали адвокаты. — Вы будете оправданы, говорите ради Бога: Я невиновенъ.

— Не виновенъ. Не въ нашъ вѣкъ, милѣйшій, разыгрывать Раскольниковыхъ. По совѣсти разобраться, всѣхъ насъ надо на каторгу, ибо всѣ не безъ грѣха.

Металась душа Сычугова между двухъ огней и не знала, что дѣлать.

— Всѣ не безъ грѣха! — угѣшала лукавая соблазнительная мысль. — Устѣю еще покаяться. Лучше подъ глубокую старость въ монастырь пойти... Зачѣмъ на свою голову позоръ принимать?

И прежнее, сычуговское, животное и упрямое встало въ глазахъ его.

— Не выдамъ себя! — рѣшилъ онъ, задывая въ душѣ огни раскаленія.

Судъ надъ Сычуговымъ — цѣлая сенсація.

Съ ранняго утра непрерывное шествіе людей къ зданію суда.

Среди нихъ представители аристократіи, литературы, коммерческаго міра и другіе.

На судѣ выступаютъ яркія свѣтила адвокатуры.

Вводятъ подсудимаго.

Въ многоголовой и разношерстной толпѣ шумъ, похожій на морской приливъ.

Въ шумѣ — негодованіе, смѣхъ, презрѣніе и брань по адресу подсудимаго.

Сычуговъ вошелъ смѣло и прямо.

Въ глазахъ спокойствіе и непогрѣшимость. Весь видъ его говоритъ: зачѣмъ меня беспокоить? Это недоразумѣніе, которое сейчасъ выяснится.

Прозвучалъ четко и внушительно голосъ пристава:

— Судъ идетъ.

Встала тишина.

На всѣ вопросы Сычуговъ отвѣчалъ разумно и ясно.

— Вѣдать не вѣдаю. Знать ничего не знаю.

— А вы, кажется, проговорились слѣдователю, что, когда уходили изъ квартиры Ирины Зиминной, вы никого на улицѣ не встрѣтили? — спросилъ его прокуроръ.

— Я этого не говорилъ! — твердо отвѣчалъ Сычуговъ. — А если и говорилъ, то не отдавалъ себѣ отчета потому, что былъ въ страшномъ похмѣльи, и не понималъ обращенныхъ ко мнѣ вопросовъ.

Послѣ горячей увѣдательной рѣчи прокурора, въ которой онъ талантливо и сильно изобразилъ грязную душу Сычугова, чистую душу дѣвушки Ирины и того рыцаря невѣдомаго, по всей вѣроятности жениха ея, который не побоялся публично обвинить Сычугова, раздался такой оглушительный и дружный громъ аплодисментовъ, что Сычуговъ вздрогнулъ и поблѣднѣлъ.

Выступила защита, которая не менѣе талантливо и красочно оправдывала Сычугова, называя его жертвой недоразумѣнія.

И также, какъ прокурору, толпа, жадная до красивой мишуры словъ, аплодировала знаменитому адвокату.

Послѣ совѣщанія присяжныхъ за-сѣдателей былъ вынесенъ приговоръ.

— Не виновенъ!

Толпа молча расходилась. Родные и знакомые поздравляли Сычугова.

Сычуговъ былъ мраченъ и послѣ суда, не звѣзжая домой, поѣхалъ кутить въ „Огонекъ"...

(Продолженіе слѣдуетъ.)

= ТАЙНЫ =

НАРВСКИХ ПОДЗЕМЕЛИЙ

(Романъ въ двухъ частяхъ).

(Предыдущіе номера съ началомъ романа можно получить въ конторѣ газеты).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

25.

Черезъ годъ.

Прошелъ годъ. Также сіяла лѣтная земля, также смѣялось солнце и также пѣли въ лѣсахъ и садахъ птицы.

Безъ особыхъ перемѣнъ шла жизнь въ Нарвскихъ подземельяхъ.

За годъ много было совершенно во всѣхъ концахъ Россіи террористическихъ актовъ, удачныхъ экспроприаций, много было столкновений съ полиціей. Безопасно мстили революціонеры сильнымъ міра сего. Слава о смѣлости и неутомимости Воеводина разносилась революціонерами по всей Россіи.

Неутомимая, нервная, полная тревогъ и смертельной опасности,

жизнь отразилась и на Воеводинѣ. Шестъ лѣтъ провелъ онъ въ подземельяхъ. Изъ румянаго, пышшаго здоровьемъ юноши онъ превратился въ зрѣлаго, преждевременно осунувшагося. Лицо стало блѣднымъ. Временами нервная судорога сводила его лицо. Появилась раздражительность. Но несмотря на это, онъ остался красивъ и глаза его сохранили прежнюю глубину и загадочное человѣческое страданіе.

Оправдательный вердиктъ, вынесенный судомъ мерзавцу Сычугову, какъ громомъ поразилъ Воеводина и еще больше озлобилъ его противъ людей.

Послѣ суда Воеводинъ мстилъ.

Жестоко мстилъ всѣмъ богачамъ, всѣмъ прожигателямъ жизни. Не трогалъ только тѣхъ, кто спавился своимъ человѣколюбіемъ. Разгромы

банковъ, сейфовъ и квартиръ были всероссійской злобой дня.

Грбилъ Воеводинъ съ лихими своими товарищами и награбленное щедрой рукою раздавалъ бѣднымъ съ тѣмъ-же напомниманіемъ: Молитесь за Ирину...

И не было угла, гдѣ-бы не произошло среди бѣдноты имя Ирины, какъ святой...

Полиція была безсилна. Никакіе Путилины не могли поймать лихую шайку революціонеровъ.

Были изслѣдованы всѣ углы Нарвскихъ подземелий и не могли найти слѣда въ ихъ убѣжищѣ.

Послѣ суда Сычуговъ немного успокоился. Дѣла его поправились и онъ съ прежней быстротой сталъ подниматься въ гору. Совѣсть его пока не беспокоила.

Онъ усыплялъ ее:

— Меня оправдалъ судъ... Всѣ не безъ грѣха.

Ночи стали спокойными. Кошмары ушли. Налаживалась прежняя красивая жизнь. Всѣ тѣ, кто избѣгалъ его послѣ серебряной свадьбы, нашли опять дорогу въ богатый хлѣбосольный домъ Сычугова и по прежнему зазвучала музыка му-

зыкальныхъ и литературныхъ знаменитостей.

Сычуговъ въ глубинѣ души благодарилъ судъ, помогшій ему обильно себя въ глазахъ общественнаго мнѣнія.

Богатства его увеличивались, связи налаживались, репутація честнаго человѣка возстановилась. Жить да радоваться, и вдругъ въ одинъ изъ дождливыхъ лѣтнихъ дней, когда онъ собирался съ визитомъ къ графу Смыслову, ему подали письмо...

Распечаталъ, взглянулъ и поблѣднѣлъ:

На блѣломъ листѣ торжествующе злобая печать. Треугольникъ. Въ треугольникъ черепъ на скрещенныхъ костяхъ и крупная, каллиграфически выведенная слова:

— Возмездіе. Ирина.

Онъ зашатался. И если бы не поддержалъ его лакей, рухнулъ бы на камни мостовой.

О визитѣ къ графу не приходило и думать.

Прежняя тѣма вошла въ душу и погасла въ глазахъ Сычугова вся радость жизни...

(Продолженіе слѣдуетъ.)

= ТАЙНЫ =

НАРВСКИХЪ ПОДЗЕМЕЛИЙ

(Романъ въ двухъ частяхъ).

(Предыдущіе номера съ началомъ романа можно получить въ конторѣ газеты).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

26.

Начало безумія.

Воеводинъ мстилъ Сычугову.

Разъ въ недѣлю онъ посылалъ ему конвертъ съ тремя черными печатями, въ которомъ тѣ-же короткія слова: „Возмездіе. Ирина“. Местъ была самой жестокой. Все время онъ держалъ Сычугова въ смертномъ страхѣ.

Не зная часа возмездія, Сычуговъ съ каждымъ днемъ худѣлъ, нервничалъ, ничего не ѣлъ, становился раздражительнымъ, до крайности подозрительнымъ. Ночи его по прежнему были полны кошмаровъ. Ни одинъ докторъ не могъ опредѣлить причины его болѣзни, но были увѣрены, что Сычуговъ неуклонно идетъ къ безумію.

Сынъ Сычугова Георгій, пользуясь болѣзненнымъ состояніемъ отца, проматывалъ деньги. Жена Сычугова сошлась съ какимъ-то закуда-

лымъ артистомъ, и также убивала на него большія средства. Дочь Татьяна совсѣмъ отошла отъ родителей и уѣхала съ мужемъ—композиторомъ въ Италію, гдѣ и жили скромно. За послѣднее время Вершининъ написалъ композицію „Душа земли“, которая дала ему крупное имя.

Безуміе къ Сычугову приближалось.

При появленіи лакея съ жуткимъ письмомъ съ тремя черными печатями, онъ начиналъ въ ужасѣ пятиться отъ него и голосомъ безумія спрашивалъ:

— Не надо... не мучь! — и старался разорвать конвертъ, но какая-то непреодолимая сила тянула раскрыть его и прочесть до жутки знакомыя слова: „Возмездіе. Ирина“.

— Гдѣ-же это возмездіе? — въ отчаяніи хватаясь за волосы, спрашивалъ Сычуговъ и пуливно озирался по сторонамъ, и ждалъ, что вотъ, вотъ кто-то грозный, истинный похожій на того въ маскѣ, который, когда-то, въ грозовую

ночь пришелъ къ нему и обличилъ его, всеильнаго Сычугова, котораго даже судъ оправдалъ.

— Судъ оправдалъ... — шепталъ онъ: — Судъ оправдалъ, а совѣсть не оправдываетъ. Ай, какъ жгетъ она меня, какъ мучаетъ и какъ пугаетъ! Ха-ха-ха... Совѣсть? Помогите мнѣ поймать ее за хвостикъ — хе-хе-хе... и убить. Многие она себѣ позволяетъ! Я невиновенъ. Нѣтъ-съ. Тра-ля-ля—тра-ля-ля... Со святыми упокой... Ирина, дѣточка моя, поцѣлуй меня!... О! А-ай! Уйди... Въ блѣломъ саванѣ опять идетъ ко мнѣ... Руки длинныя... за горло меня... Помогите!

Прибѣгала на крикъ прислуга, упаковывала барина, укладывала его въ постель и до разсвѣта слышала какъ метался онъ въ постели и своимъ дикимъ крикомъ наводилъ на всѣхъ страхъ.

Поздней ночью по направленію секретнаго хода въ Нарвскія подземелья, шелъ юноша Сережа Звонецъ, недавно вступившій въ партію террористовъ. Шелъ и беззаботно напѣвалъ пѣсню, не замѣчая, какъ по его слѣдамъ шла скорбленная унылая фигура посадскаго, слегка выпившаго.

Сережа не обращалъ на него вниманія, а посадскій не спускалъ съ него взгляда. Когда Сережа, оглядываясь на него, посадскій притворялся пьянымъ и шелъ мед-

ленной пьяной походкой, но когда онъ не смотрѣлъ на него, посадскій прибавлялъ шагъ и продолжалъ зорко слѣдить за нимъ.

Сережа дошелъ до секретнаго подземнаго хода, скрытаго въ кустахъ репейника и дикой малины, выдвинулъ камень и юркнулъ въ подземелье.

Минутъ черезъ пятнадцать къ этому-же самому мѣсту подошелъ и посадскій, въ лохмотьяхъ котораго скрывался самъ Путилинъ, онъ хитренько улыбулся и также спустился въ подземелье.

Никѣмъ незамѣченный онъ прошелъ громадный лабиринтъ подземнаго хода, внимательно осматриваясь и запоминая каждый камень, и наконецъ дошелъ до какой-то стѣны, за которой слышались разговоры. Острымъ сыщицкимъ чутьемъ угадалъ какъ эта стѣна раздвигается и какъ удобнѣе попасть въ подземелье.

Осмотрѣвъ все, что было необходимо, Путилинъ тѣмъ-же путемъ вышелъ на улицу...

Въ полиціи подъ предсѣдательствомъ Путилина состоялось собраніе, на которомъ рѣшено было надѣяться арестовать террористовъ съ такимъ трудомъ разыскиваемыхъ долгое время.

Срочно были вызваны на помощь изъ Петербурга еще нѣскольکو человекъ сыщицковъ...

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ТАЙНЫ

НАРВСКИХ ПОДЗЕМЕЛИЙ

(Роман в двух частях).

(Предыдущие номера с началом романа можно получить в конторѣ газеты).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

27.

Вой собаки.

Ночью, когда террористы сидѣли у камина, курили и разговаривали, неожиданно, вдруг, завывла собака Вѣтеръ.

Быль жутокъ этотъ вой въ могильной тишинѣ подземелья.

Ольга вздрогнула:

— Никогда не было страшно. Никого не боялась, а этого вой боюсь... Вѣтеръ... цыц! Замолчи! — нервно прикрикнула она на собаку.

Вѣтеръ посмотрѣлъ на нее умными, печальными глазами, на минуту смолкъ, но потомъ опять завывалъ, глядя въ темное пространство.

— Замолчи! — кричали на него. — Чортъ знает, что такое. Душу всю развораживаетъ...

Воеводинъ подошелъ къ собакамъ, глядя ее, ласково, какъ съ человѣкомъ, разговаривалъ:

— Что съ тобой, милый? Не

врага-ли чувствуешь? Не смерть-ли намъ накликаешь?

Собака лизала руки Воеводина и прижималась къ нему.

— Не къ добру собака воетъ, ой, не къ добру... — замѣтила Вѣра.

— Глупости! — возражали ей. — Просто на просто собачья тоска. По любви тоскуетъ...

— Неправда! — говорил Воеводинъ. — Намъ грозитъ, вѣроятно, какая нибудь опасность. Собака — чуткое животное. Она предупреждаетъ насъ. Вы посмотрите, какъ внимательно она всматривается въ дверь, какъ настораживается при малѣйшемъ шорохѣ.

Собака выла.

Какъ не старались обращать вниманія на ея вой, въ душу закрадывалась тревога.

Инстинктивно, словно чужую опасность, террористы жались одинъ къ другому и старались говорить шопотомъ.

Вдругъ, слуха коснулся тихій шорохъ, словно прошуршали мыши.

Вѣтеръ смолкъ. Насторожился и зарычалъ.

— Товарищи! — тихо скомандовалъ Воеводинъ: — къ оружію!

Неслышно, словно привидѣнія, они сошли съ мѣста и взялись за оружіе.

Опять насторожились.

За стѣною кто-то царапался.

Упалъ камень.

— Опасность!

— Будьте наготовѣ.

Террористы приготовились къ нападенію.

Вѣтеръ неистово залавлялъ, бросаясь на дверь.

Къ крайнему удивленію террористовъ, стѣна, вдругъ, заколебалась и глазамъ ихъ предстала вооруженная полиція.

— Руки вверхъ! — крикнулъ Путилинъ.

Со стороны террористовъ раздался выстрѣлъ.

Это послужило сигналомъ къ паденію.

Полиція также отвѣтила выстрѣлами.

Подъ пулей падали какъ съ одной стороны, такъ и съ другой.

Но, несмотря на упорство и отчаянное сопротивление террористовъ, силы ихъ подъ давленіемъ полиціи падали.

Сраженные пулей лежали Енисей, Вѣра, Химикъ и Алексѣй.

Оставшеся въ живыхъ дрались отчаянно.

Быль моментъ, когда Воеводинъ загналъ полицію къ выходу, но въ это время появились на помощь полиціи свѣжія силы городовыхъ и солдаты.

Положеніе было критическимъ. Выхода не было.

Оставалось что нибудь изъ двухъ: сдаться или пустить пулю въ лобъ.

Но въ это время подошелъ Викторъ и шепнулъ:

— Отступай къ стѣнѣ... Я открываю тайную входъ...

Воеводинъ въ свою очередь предупредилъ Ольгу.

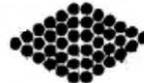
Стали отступать.

И когда на нихъ, сокрушающей лавой шла полиція и хотѣла обезоружить ихъ, въ это время и раздвинулся тайной входъ, оставшеся въ живыхъ террористы къ досадѣ полиціи, скрылись въ его потайныя глубокія нѣдра.

Какъ ни старалась полиція найти секретъ потайной стѣны, но не могла, и, переругиваясь, направилась къ выходу.

Путилинъ былъ внѣ себя отъ досады и гнѣва. Но все-же онъ былъ доволенъ этимъ нападеніемъ, такъ какъ въ его руки попали важные документы террористовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)



ТАЙНЫ

НАРВСКИХ ПОДЗЕМЕЛИЙ

(Роман в двух частях).

(Предыдущие номера с началом романа можно получить в конторѣ газеты).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

28.

Разлука.

Для партіи революціонеровъ все было кончено. Оставшеся въ живыхъ запаснымъ подземнымъ ходомъ, убѣгая отъ полиціи, вышли къ лѣсу.

Въ золотѣ и пурпурѣ занималось утро. Въ просвѣтахъ деревьевъ огнистымъ шаромъ вставало солнце.

Наступалъ радостный свѣтотворный день, но было тяжело и сумрачно въ душахъ революціонеровъ. Долгое время шли молча, съ опущенными головами, и только Викторъ слегка дрогнувшимъ голосомъ нарушилъ тягостное молчаніе:

— Товарищи... Намъ надо разойтись... Полиція не дремлетъ. Въ Россіи намъ оставаться нельзя... По два, по три человѣка мы должны тайкомъ перебраться за границу. Здѣсь смерть. Здѣсь крушеніе всего нашего дѣла.

— Надо разойтись...

Поднималось солнце новаго дня, когда революціонеры, едва удерживая слезы, слѣшно прощались другъ съ другомъ.

Въ моментъ прощанія мало было произнесено словъ, но когда въ послѣдній разъ обнимались и крепко пожимали другъ другу руки, то передъ ними встала вся жизнь подполья, полная опасностей, риска,

горя и радости, встали лица убитыхъ товарищей, и было жаль этой жизни.

Распрощались и разошлись своими дорогами. Долго оглядывались и въ глазахъ стоялъ скорбный пылливый вопросъ:

— Увидимся-ли? Не сразитъ-ли насъ также пуля полиціи, какъ тѣхъ, что лежатъ сейчасъ въ Нарвскихъ подземельяхъ?

Ольга плакала. Градомъ катились слезы по ея прекрасному, блѣдному лицу. Долго махала она платочкомъ удаляющимся, посылая прощальный, тихій материнскій привѣтъ, хотѣла благословить ихъ, но сдержалась...

Воеводинъ, низко опустивъ голову, тяжело думалъ, сдвинувъ свои черныя брови, изрѣдко взглядывалъ на плачущую Ольгу, и вотъ тутъ-то, въ тягостную минуту прощанія, увидѣвъ заплаканную Ольгу, душу ея озлобленную людьми, но прекрасную женственную, онъ почувствовалъ къ ней жалость, и было желаніе сбѣжать ее отъ всѣхъ опасностей.

Онъ взялъ ее за руку, и безъ словъ бережно повелъ на новую дорогу къ иной жизни.

За ними шелъ Викторъ и Вѣтеръ.

Ночью рѣшили перебраться за границу Россіи.

Радостнымъ, солнечнымъ возшелъ голубой день.

Къ обѣду они подошли къ маленькой избѣ на берегу небольшого озера, гдѣ и рѣшили отдохнуть и закусить.

Вышла навстрѣчу хозяйка избы — молодая краснощекая женщина и съ милымъ русскимъ радушіемъ пригласила въ избу.

Но не успѣли они сѣсть за столъ, какъ за избой послышался топотъ лошадей.

Заглянули въ окно и въ ужасѣ отпрянули: на взмыленныхъ лошадяхъ мчалась полиція.

Хозяйка вышла на крыльцо.

— Скажи, красавица, не видела ли ты преступниковъ? — спросилъ полицейскій. — Одинъ изъ нихъ — этакій красавецъ писанный. Высоченный. Съ ними еще женщина, также необыкновенной красоты?

Хозяйка отвѣтила, кланяясь въ поясъ:

— Видала, голубчики, видала. Какъ не видать... Скорѣе поѣзжайте къ тому березовому лѣсу, что виднѣется за околией. Недавно туда пробѣжали... Скорѣе бѣгите, родимые... Ловите душегубовъ.

Полиція поблагодарила женщину и, поднимая облако пыли, помчалась къ лѣсу.

Когда вошла хозяйка въ избу, Воеводинъ, Викторъ и Ольга не знали, какъ отблагодарить ее за спасеніе.

Хозяйка конфузливо отмахивалась руками.

— Не надо, голубчики. Не надо. По лицамъ вашимъ вижу, что хороше вы люди. А вы кушайте на здоровье. Не бойтесь теперь. Изъ лѣса полиція сюда больше не придетъ. А на всякій случай я вамъ на чердакѣ постельку приготовлю.

Отдохните болѣзные. Устали поди? Не хотѣлось скоро уходить изъ этой уютной избы, отъ ласковыхъ

глазъ гостеприимной хозяйки. До ночи рѣшили переночевать въ избѣ, а потомъ опять — въ дальнюю опасную дорогу.

Самоубійство.

Въ то время, когда Воеводинъ, Викторъ и Ольга переходили границу, Сычуговъ кутилъ во всю русскую ширь и безобразіе въ ресторанѣ „Огонекъ“.

Никогда въ своей жизни Сычуговъ такъ не бросалъ деньгами какъ въ эту ночь и никогда не вѣлъ себя такъ дико и странно.

Въ самый разгаръ кутежа, онъ къ удивленію и ужасу, поднялся изъ за стола, опустился на колѣни и, цѣлуя ноги присутствующимъ рыдающимъ голосомъ, среди тишины, закричалъ:

— Простите меня! Это я, Сычуговъ, изнасиловалъ Ирину Зимину-Чистую, святую дѣвушку. Это я огнялъ ее отъ хорошаго человѣка студента Воеводина... Простите меня...

Не успѣли отзучать послѣдніе слова Сычугова, какъ онъ вдругъ рѣзко перемѣнился, быстро поднялся и, блѣдный, трясущійся, съ блуждающимъ мутнымъ взглядомъ крикнулъ:

— Всѣ вонъ!! Оставьте меня одного! И, когда всѣ въ испугѣ разбѣжались, черезъ нѣсколько минутъ раздался выстрѣлъ.

Это оборвалъ свою грѣшную жизнь Сычуговъ.

Местъ свершилась!..

(Продолженіе слѣдуетъ.)



= ТАЙНЫ =

НАРВСКИХ ПОДЗЕМЕЛИЙ

(Романъ въ двухъ частяхъ).

(Предыдущіе номера съ началомъ романа можно получить въ конторѣ газеты).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

29.

Конецъ пути.

Россія, любовь, радость и страдание остались позади.

Долго смотрѣли въ синюю даль, въ которой лежала Россія. Россія, которая ласкаетъ и бичуетъ, ледѣетъ и разбиваетъ души. Странная, мистически загадочная страна. Вся исторія ея, весь путь — страшное грѣхопаденіе и великое возстаніе. Скитъ и грѣховный Вавилонъ, разбойникъ и праведникъ, Богъ и Дьяволъ. Странное загадочное совѣщеніе. Къ худу-ли или къ добру наша русская двойствен-

ность, наше пріятіе Свѣта и тьмы, Бога и дьявола?

Вотъ, лежишь ты въ голубой своей колыбели! — думалъ Воеводинъ, глядя на оставленную русскую землю, — и чуешь-ли, какъ оторвались отъ твоей груди безпкойныя твои дѣти? Всплакнешь-ли о насъ? Вспомнишь-ли? Примешь-ли? Не по своей винѣ, родная, бѣжимъ отъ твоихъ ласкъ, твоего уюта, твоихъ баюкающихъ пѣсень? Гонять насъ злые наши братья! Если огорчили тебя, прости и благослови.

Тихо стояли Воеводинъ, Викторъ и Ольга. Молчали, но каждому было понятно чѣмъ была переполнена душа каждого. Даже и Вѣтеръ

присмирѣлъ, чужая святость и чистоту ихъ думъ.

Всѣ трое остановились въ Данцигѣ, на одной изъ глухихъ чистенькихъ нѣмецкихъ улицъ.

Викторъ, пылая жаждой къ революціонной работѣ, быстро отыскалъ партію русскихъ революціонеровъ — эмигрантовъ и примкнулъ къ нимъ.

Воеводинъ и Ольга жили отдѣльно отъ Виктора и пока не думали принимать участія въ революціонной работѣ. Тянуло въ тишину, въ домашній уютъ.

Жили вмѣстѣ, какъ родные, заботясь другъ о другѣ.

Материнскія заботы Ольги трогали Воеводина и напоминали Ирину.

Благодаря тѣмъ денежнымъ средствамъ, какія удалось спасти, жили безбѣдно. Изъ Россіи шли пріятныя новости. Въ газетахъ много писали о самоубійствѣ Сычугова и о тѣхъ покаянныхъ словахъ, какія онъ произнесъ передъ смертью. Общественное мнѣніе и газеты выражали вниманіе и любовь къ Воево-

дину, невинно оклеветанному и осужденному за чужое преступленіе. Будущее улыбалось Воеводину и закигало надежду на возвращеніе въ Россію.

И только забота объ Ольгѣ не позволяла ему вернуться въ родимыя мѣста. Ольга — бывшая террористка, которую разыскиваетъ полиція. Тамъ ей — смерть... Оставить ее одну, здѣсь? Не было силъ.

За это время какія-то неудовольствія родственныя нити соединили ихъ души, и одна мысль о разлуцѣ съ ней заставляла мучительно сжиматься сердце. Въ душу Воеводина входило то же самое чувство, какое испытывалъ онъ при встрѣчѣ съ Ириной.

Все чаще и чаще сталъ думать о ней. Въ ея присутствіи уходила злоба на людей, забывались ась муки и опять вѣрилось въ тѣло незаходимое счастье любви.

Ольга женскимъ инстинктомъ чувствовала переѣмъ въ Воеводинѣ и свѣтлая радость охватывала ея душу...

(Окончаніе слѣдуетъ.)

= ТАЙНЫ =

НАРВСКИХ ПОДЗЕМЕЛИЙ

(Романъ въ двухъ частяхъ).

(Предыдущіе номера съ началомъ романа можно получить въ конторѣ газеты).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

30.

Въ царствѣ вѣчнаго покоя.

(Окончаніе).

Когда отшумитъ дневной городъ и хрустально-прозрачной вечеръ осени строгими льдието голубыми сумерками окутаетъ Данцигъ, Воеводинъ и Ольга любили уходить за городъ, въ маленький лѣсокъ, и съ тихой русскою печалью слушать, какъ падаегъ золотой листь съ деревьевъ, смотрѣть, какъ угасають яркія краски осенняго заката и думать и вспоминать подъ ворожбу вечерняго лѣса.

Въ осенніе вечера съ особенной тоской вспоминалась покинутая русская земля, правда, жестокая и немилостивая къ нимъ, но любимая, дорогая по своимъ воспоминаніямъ.

Тамъ... за синими туманами, за домами, фабриками и церквами чужого города, подъ русскимъ осен-

нимъ небомъ — родныя могилы, оставленные друзья, цѣлая жизнь — страшная жизнь, полная страданій, смертнаго ужаса, неизжитыхъ болей.

И несмотря на все пережитое, Россія тянула ихъ къ себѣ, звала, наполняла душу неутоимой тоской.

— Оторвались мы отъ родины, взяли осенніе листь съ дерева, — думалъ Воеводинъ, поддерживая подъ руку Ольгу: — и когда увидимъ ее? Не упасть-бы на чужой дорогѣ и не умереть-бы одинокому и озлобленному, безъ ласки и привѣта родного человѣка.

Отъ послѣдней мысли было особенно холодно и страшно, и только сознаніе, что Ольга любитъ его, понимаетъ и не броситъ его, ободряло и заставляло вѣрить въ хорошіе ласковые дни.

Въ такія минуты Ольга видѣла его душу, слышала его думу, безъ словъ смотрѣла своими заботливыми глазами въ его тревожные глаза, словно говорила ему:

— Не бойся, милый. Измученный. Придетъ время и для насъ улы-

нется счастье. Не все-же жизнь будетъ гнать насъ, какъ осенній листь. Вѣрь, будетъ хорошо!

Далеко за полночь ходили они по лѣсу и тихо, въ томъ завѣздѣмъ, шелесту листьевъ, думамъ ночного лѣса, мечтали о счастьѣ.

— Мы оба страдали. Нами много было пережито... — говорилъ Воеводинъ. — Черезъ страданіе только человѣкъ идетъ къ совершенному счастью... Уѣдемъ съ тобой, куда-нибудь въ глушь, въ горы, или на берегъ моря, найдемъ какую-нибудь работу и будемъ жить тихо-тихо безъ политики, горда и людей... Такъ хочется тишины и ласки, хочется твоей ласки, милая Ольга...

Ольга обняла его.

— Любимый мой! Уѣдемъ, уѣдемъ, — сквозь слезы говорила она, — въ тихій покой... Будемъ заботиться другъ о другѣ. Вся наша молодость прошла безъ радости... Проклятые люди отняли у насъ эту радость. Уйдемъ отъ нихъ. Злые они. Ненавижу ихъ!

Въ душу Воеводина вошло прежнее счастье, вспуганное десяти лѣтъ тому назадъ злобѣщимъ крикомъ совы въ стѣнахъ стариннаго замка и растоптанное Сычуговымъ.

Но, ненадолго возшло это счастье... Черный воронъ — судьба опять кругами завилась надъ головой Воеводина.

Однажды, въ одинъ изъ черныхъ дождливыхъ вечеровъ Воеводинъ сидѣлъ у ярко пылавшей печки, читалъ книгу и ждалъ Ольгу.

Чась тому назадъ она ушла за покупками и до сихъ поръ не возвращалась.

Воеводинъ безпокоился.

Время шло.

За вечерними часами шла вѣтренная осенняя ночь.

Нѣсколько разъ Воеводинъ открывался отъ книги, подходилъ къ онну, пристально всматривался въ черную жуткую тьму, но никого не было видно на безлюдной улицѣ.

Часы пробіли полночь.

Воеводинъ вышелъ на улицу, прислушивался къ шагамъ прохожихъ, но Ольги не было видно...

— Что это такое? — блѣднѣлъ онъ. — Куда она ушла? Жива-ли?

Душу его, какъ и тогда, десяти лѣтъ тому назадъ охватило предчувствіе.

Онъ побѣждалъ по улицамъ въ надеждѣ ее встрѣтить.

Бѣжалъ безъ шапки, безъ пальто. Вѣтеръ развѣвалъ его волосы. Дулъ ледяной вѣтеръ, но Воеводинъ не чувствовалъ холода.

— Ольга! Любимая, гдѣ ты? — въ безумномъ отчаяніи кричала мысль.

Вдругъ, слуха Воеводина коснулось шумъ толпы.

Она стояла плотной массой около чернаго силуэта памятника и о чѣмъ-то тревожно переговаривалась, на-

пирая другъ на друга, стараясь что-то разглядѣть.

Въ предчувствіи чего-то страшнаго Воеводинъ подбѣжалъ къ толпѣ, сильными руками растолкалъ людей и... увидѣлъ Ольгу...

Она лежала у подножія памятника въ лужѣ крови.

— Какой-то господинъ въ черномъ выстрѣлилъ въ нее... — говорилъ кто-то по близости.

Блѣдный, едва сдерживая истеричный рыданіе, Воеводинъ склонился надъ нею.

Ольга была тяжело ранена.

Подбѣхала карета скорой помощи, и Воеводинъ повезъ ее въ больницу.

Докторами были приняты всѣ мѣры, чтобы спасти Ольгу, но было поздно.

Она умирала.

У изголовья кровати, на колѣняхъ, стоялъ Воеводинъ и суровый, блѣдный, съ глазами полными слезъ смотрѣлъ въ ея тихо погасающіе глаза.

Последнія минуты Ольга была въ сознаніи:

— Иди за мной... измученный мой... — говорила она. — Тамъ... въ царствѣ вѣчнаго покоя... отдохнешь... усталый мой... Въ меня выстрѣлилъ изъ мести сынъ того сажовника... котораго я убила... когда-то... Не ищи его... не надо... Надо уйти... въ то царство... пришедшимъ... въ бѣлой покаянной

одеждѣ... Люди... люди... зачѣмъ по...о-губили... Ольгу... Я любила васъ... зачѣмъ сдѣлали меня жестокой?... Тяжело умирать молодой... не видя радости... не пришлось, милый, пожить въ глуши... тихо... тихо... приглубить тебя... усталаго... спѣть тебѣ колыбельную пѣсню?... Слушай... Спи... младенецъ мой... прекрасный... баю-шки-баю... Уйдите люди... я прощаю васъ... Не подходите только ко мнѣ... Господи! Я очень страдала. Ты простишь меня, потому что тебѣ Самому вѣдомы страданія...

Вотъ... оно... царство вѣчнаго покоя... М-и-ш-а... любимый... поцѣлуй меня послѣднимъ цѣлованіемъ... Я тебѣ несла цвѣты и въ это время выстрѣлъ... Цвѣты, навѣрное, лежать на дорогѣ... ихъ растоптали... Цвѣты мои, бѣдные осенніе цвѣты...

И, когда рыдая, Воеводинъ поцѣловалъ ее послѣднимъ поцѣлуемъ, она тихо скончалась...

Врачи и сестры милосердія едва сдерживали слезы, уходили изъ палаты... И когда скрылись они за бѣлыми ея дверями черезъ нѣсколько минутъ, вдругъ, раздался револьверный выстрѣлъ.

Это оборвалъ свою жизнь Михаилъ Воеводинъ.

Василій ВОЛГИНЪ.

КОНЕЦЪ.

Об авторе

Василий Акимович Никифоров-Волгин родился 24 декабря 1900 (6 января 1901) в дер. Маркуши Калязинского уезда Тверской губернии в семье мастерового. Вскоре после рождения Василия семья переехала в Нарву. Будущий писатель закончил церковно-приходскую школу при Свято-Владимирском братстве. Служил псаломщиком в нарвском Спасо-Преображенском соборе (до весны 1932).

В 1920 году стал одним из организаторов «Союза русской молодежи» в Нарве, устраивающим литературные вечера и концерты. С 1923 года сотрудничал в нарвских газетах, где выступал с рассказами, статьями, очерками, этюдами, лирическими миниатюрами, подписываясь псевдонимом Василий Волгин.

В 1926-27 гг. вместе с С. Рацевичем редактировал «Новый нарвский листок». В 1927 на конкурсе молодых авторов в Таллинне получил первую премию за рассказ «Земной поклон». В том же году стал одним из учредителей русского спортивно-просветительного общества «Святогор», руководил литературным кружком общества (1930-1932). В 30-х годах совместно с Л. Аксом редактировал журнал «Полевые цветы» — орган русской литературной молодежи в Эстонии.

Никифоров-Волгин публиковался также в финляндских, таллиннских, рижских газетах и журналах (с 1935 — регулярный автор газеты «Сегодня»), был удостоен премии «Иллюстрированной России» за рассказ «Архиерей». Накануне 1936 года переехал в Таллинн, работал на судостроительном заводе. В таллиннском издательстве «Русская книга» выпустил сборники рассказов «Земля именинница» (1937) и «Дорожный посох» (1938).

В мае 1941 г. был арестован органами НКВД, с началом войны отправлен по этапу в Киров (Вятка). В августе 1941 г. был приговорен к расстрелу «за издание книг, брошюр и пьес клеветнического, антисоветского содержания». Расстрелян 14 декабря 1941 г. Реабилитирован в 1991 году.

Роман «Тайны нарвских подземелий» был впервые опубликован в 1926 г. в №№ 1-59 газеты «Нарвский листок». Исходные сканы выполнены библиотекой Тартуского университета. В оформлении обложки использована работа Л. Хиллера (1928).

POLARIS



ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.